

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

8
1971

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания четырнадцатый

В Н О М Е Р Е:

С. Мешавкин ЗДРАВСТВУЙ, ТОВАРИЩ ЧТЗ!	2
А. Куницын СТИХИ	7
Т. Ефимова ПРО УПРЯМЦА И ДЕВЯТЬ МИЛЛИОНОВ	8
В. Адамов, Ю. Буранов БОЛЬШОЕ И ВАЖНОЕ ДЕЛО	14
В. Пашин АВИАЦИЯ В ЗНАЧКАХ	15
З. Вильнер Я ЛЮБЛЮ ВАС... Странички жизни	16
В. Тряпша СТИХИ	32
Г. Канторович ПАМЯТНИКИ СОЛИ КАМСКОЙ ИМЕНИ ВАСИЛИЯ СВАЛОВА. ШЕЛ ДВА- ДЦАТЬ ПЕРВЫЙ... На приз нашего журнала	33 42
Л. Трутнев НОЧНЫЕ БОРОЗДЫ. Рассказ	45
Д. Сергеев ЗАВЕЩАНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА. Фанта- стическая повесть	53
В. Цветков, Л. Шкерин ПЛАНЕТА ПОД ОБСТРЕЛОМ	68
Б. Коробейников ЧУКОТСКАЯ СЮИТА. Фотоочерк	70
В. Головкин ШЛЮЗЫ НА ЧУСОВОЙ. Операция «Ч»	72
Б. Рябинин ТЫ ХОЗЯИН... ТЫ ГОТОВ ИМ БЫТЬ?	73
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	78
Ю. Фролов ЛЕСНЫЕ СУВЕНИРЫ	80
ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ	80

Обложка В. Воловича и С. Киприна.
На второй странице обложки фото
С. Юдина (г. Курган): — Мы из отряда
«Энергия!» (Фотоконкурс «Романтики»)

У Р А Л Ь С К И Й **8**
С Л Е Д О П Ы Т **1971**

ЗДРАВСТВУЙ, ТОВАРИЩ ЧТЗ!

«Поставить сельскому хозяйству за
пятилетие 1700 тыс. тракторов...»

Из Директив XXIV съезда
КПСС.

Есть что-то символическое в самом местонахождении комсомольского штаба, созданного на реконструкции Челябинского тракторного завода. Он размещается в трех комнатах недавно сданного корпуса. За стеной — цехи действующего завода, впереди — свободная территория, на которой скоро взметнутся громады цехов — кузнечных, цветочного, точного литья. Штаб как бы находится на передовой, откуда идут в наступление строительные отряды.

Двери штаба поминутно настежь.

— Толя! — это обращение к комсоргу ЦК ВЛКСМ на стройке А. Кушниру. — Просим штаб вмешаться. наших девчат затирают.

— Как затирают! Кто!

— Мастер. У него жена работает штукатуром в бригаде. И вот целый день поедом ест молодых — то не ладно, другое. Пробовали сами пристыдить — не получается. А мастер ухмыляется.

Анатолий снимает телефонную трубку.

Три девушки терпеливо ждут окончания разговора. Они из бригады отделочников, из другого строительного треста. На ЧТЗ их послали временно, на

подмогу. На старом месте и труд легче, и заработок выше, но...

— Здесь намного интереснее, — убеждают комсорга девчата. — Пожалуйста, похлопочите, чтобы мы остались навсегда.

Суббота — день отдыха. На стройке, вопреки календарю, самый горячий день. Рабочих не хватает, и по призыву обкома комсомола студенты, рабочие, продавцы берут в руки лопаты и кирки. С чьей-то легкой руки такие субботники стали называть комсомольским десантом.

ЧТЗ — забота всего челябинского комсомола. Города и районы области постоянно направляют сюда строительные отряды. Самые лестные отзывы заслужил отряд Советского района города Челябинска. Всего месяц пробыли ребята на стройке, а память о себе оставили добрую. Работали горячо и всегда с шуткой.

Одной из бригад предстояло очистить подвал административного корпуса литейного цеха. Кого послать! Конечно же, заместителя председателя секции спелеологов С. Баранова и его товарищей. Подвал, если отвлечься от его будничного назначения, — настоящие катакомбы.

А закоренелых любителей солнца командировали на высотные работы, на крышу прессового цеха, всем ветрам навстречу. Хлопцы не унывают: «Хорошая работа — и воздух свежий, и солнце близко».

Когда отряду было тяжело, когда от-

ряду удавалось досрочно выполнить задание, словом, в трудные и радостные минуты, его постоянным спутником была любимая песня:

Гори огонь, как Прометей,
И для людей ты не жалей
Огня души своей.

Разумеется, отряд избрал своим девизом гордое слово: «Прометей».

Месяц — срок небольшой. Он может пролететь незаметно, отсчитывая часы и минуты твоего пребывания на земле. А может, если каждый день насыщен событиями, оставить в душе глубокий след. Почитайте рабочий дневник начальника строительного отряда из города Чебаркуля Виктора Кузнецова, и вы убедитесь в этом.

1 ноября 1970 года.

Воскресенье. 9 часов утра. Падает мягкий пушистый снег. Мы собрались, как и условились, на вокзале. У иных за плечами рюкзаки, у иных — чемоданы в руках, в карманах у всех — комсомольские пуховки. Кроме меня, все едут на стройку первый раз. Со мной нас двенадцать человек: Володя Нужный из Чебаркуля, Саша Колодкина, Люда Проклятикова, Володя Луканин, Юра Скворцов, Юра Бочковой, Саша Телегина из Новомиасского совхоза, Андрей Сеин и Леонид Хролович из Чебаркульского совхоза, Григорий Григорьев из колхоза имени Карла Маркса.

Садимся в электричку. Один из пассажиров полюбопытствовал:

— Куда едете, ребята!

— На комсомольскую стройку! — немало торжественно ответил Володя Нужный.

— В Сибирь?

— Зачем же обязательно в Сибирь? В Челябинск, на тракторный...

На заводе первое огорчение. Оказывается, в воскресенье нас никто не ждал. Но не ехать же обратно! Отправиться в обком комсомола. На наше счастье, застали дежурную. Она позвонила кому-то из секретарей обкома, и нас устроили в общежитие.

2 ноября.

Позавтракали, поехали в отдел кадров «Тракторостроя». Начальник отдела, пожилой мужчина невысокого роста, записывает анкетные данные. Очередь доходит до Шуры Колодкиной.

— Шестнадцать лет! — удивленно переспрашивает он. — Нет, товарищи, детей мы не берем.

Шура растеряна. На вид она гораздо старше, и мы на это рассчитывали. Но... кадровика не проведешь!

— Мне в январе будущего года семнадцать исполнится, — жалобно говорит девушка.

— Когда исполнится, тогда и приму, — спокойно отвечает начальник. Тут уж мы все кидаемся на подмогу Шуры, но и коллективное ходатайство не помогает. Идем с направлениями в четвертое строительномонтажное управление. Шуру берем с собой. Все равно, говорит, домой не поеду, всеми путями попаду на стройку. Настойчивая девчонка, с характером! В СМУ ее сначала тоже не брали, но после настойчивых просьб — мы призвали на помощь все наше красноречие — сдались. Шуру оформляют пропуск. Вы бы видели, какое у нее в этот момент было счастливое лицо!

3 ноября.

Вот и стройка! Огромный корпус пресово-сварочного комплекса. Повсюду длинные стрелы монтажных кранов. Вспыхивают огни электросварки. Великолепное зрелище!

— Вот здесь и будет ваш объект, — говорит мастер Леонид Вербицкий. — Разрядов у вас нет, берите в руки лопаты.

Первое задание — выкопать траншею под электрокабель. Делаю расстановку сил, приступаем к работе.

Внезапно подул сильный ветер. Повалил большими хлопьями снег. Настоящий буран. Трое ребят пришли без шапок. Волосы слиплись от снега. Но никто не уходит. Работали с подъемом — до обеда ни одного перекура, зато с каким завидным аппетитом уничтожали обед в заводской столовой! После обеда вновь вгрызаемся в траншею.

9 и 10 ноября.

Продолжаем рыть траншею. Земля мерзлая, неподатливая. Долбим ее ломом и киркой. Шура Колодкина попросилась на самый трудный участок. Издали наблюдаю за ней. Вижу, плохо получается, все-таки впервые держит кирку в руках. Подхожу, подбадриваю, подсказываю. Ничего, научится! Упорства ей не занимать.

Нас предупредили, что там, где мы копаем, проложено несколько действующих электрокабелей. Провели дополнительный инструктаж. Наказываю ребятам: действуйте осторожно и... смело. Когда излишне волнуешься — скорее накличешь беду. Действительно, наткнулись на кабели, пересекающиеся крест-накрест. Вот уж тут все предельно внимательно! Со стороны, наверное, смотреть любопытно. Мы словно не землекопы, а археологи, которым посчастливилось найти драгоценную находку каменного века — с такой аккуратностью выбрасываем каждую лопату земли.

11 ноября.

Меня и еще троих более опытных товарищей направили на бетонирование фундаментов. Работа очень ответственная, ведь на этих «стаканах» будут крепиться колонны, а значит и весь цех. К тому же начальник участка сказал, что они впервые доверяют бетонирование неспециалистам, но, учитывая, мол, что мы комсомольцы... Так что ответственность вдвойне.

Подсчет труда ведется на машины. В первый день забетонировали три машины, немногим более семи кубометров. Мастер неудовлетворенно хмыкнул: кадровые делают значительно больше.

12 ноября.

Сегодня справились уже с четырьмя машинами бетона. Маленький, но прогресс. Остальные ребята — на копке траншеи. Мастер пожаловался, что без

меня многие больше сидят, чем работают. Вечером, после смены, созываем комсомольское собрание. Прошло бурно, я даже не ожидал. В отряде четверо парней, которые отслужили в армии. Они и задали тон. Кажется, любителей «покантоваться» проняло.

13 ноября.

День удался на славу. Поставили своеобразный рекорд — забетонировали пять машин. Могли сделать больше, да опалубка не была готова. Все-таки наловчились!

Один из самых молодых монтажников стройки Саша Банников.

17 и 18 ноября.

Мы видим стройку не с фасада, а как бы с черного хода. Где-то рядом вгрызаются в землю экскаваторы, натужно режут автомашины, у нас в руках все та же кирка. Мы подсобники, и нас направляют туда, где нельзя использовать механизмы. Что ж, докажем, что и в век техники наши руки что-то значат!

Наше рабочее место теперь — за чертой завода, на шлакоотвале. Копали отвод для компенсатора. Ох и грунт попался — окаменелая глина, промерзла на полметра, откалывается с великим боем по кусочкам. Кирки затупились, ручки поломались. Ноют руки и поясица. Семнадцатого выкопали меньше половины задания. На другой день получили команду — работу закончить. Трое стучат кайлом, остальные чистят траншею, разгружают кирпичи.

— Не работа, командир, а мученье, — в сердцах говорит Саша Телегин. — Кирка от земли отскакивает.

Что ж, говорю себе, иди, командир, покажи пример. Беру кирку, ожесточенно долблю неподатливую почву. Шапка налезает на глаза. Бросаю ее на землю, туда же скоро летит и фуфайка. Смотрю, собрался весь отряд. Подходит Гриша Григорьев, молча забирает кирку, за ним — следующий. И так всем отрядом по очереди долбим и долбим проклятую глину. Через два часа вывод готов!

26 ноября.

Снимали опалубку со стаканов, которые заливали сами. Хорошие стаканы получились!

Василий Сенин — начальник участка строительного управления № 4.

27 ноября.

Работаем последние дни. Настроение — даже не определишь. И хочется остаться, и домой охота, к тому же отпускали нас только на месяц. Самое главное, пожалуй, — мы нутром прочувствовали, что такое Всесоюзная ударная комсомольская стройка, не понаслышке знаем теперь, что стоит за словами — реконструкция Челябинского тракторного завода. И еще долго будем вспоминать об этих днях.

А закончить дневник мне хочется словами поэта Николая Валяева:

Но когда исхлещут нас морщины
И иссякнут силы до конца,
Не умрем мы —
В спутниках, турбинах
Будут биться крепкие сердца!

Листаю толстую тетрадь, похожую на амбарную книгу, летопись комсомольских дел, и нахожу лаконичную запись: «2 декабря 1970 года. Закончил работу отряд Чебаркуля. О его работе говорят только хорошее. Член отряда Люда Проклятикова остается на стройке. Молодец, девчонка!»

В музее Челябинского тракторного есть любопытный экспонат: чемодан-баул первостроителя Г. П. Колычанова. Он склочен из грубой фанеры, гвоздями крепко-накрепко прибита ручка из широкого ремня. Сбоку две самодельные скобы, которые, надо полагать, замыкались по вечерам большим замком. Тут же рядом выставлены лапти ударницы Челябтракторостроя Закии Зайдулиной. Вот так, в лаптях, с баулами шли и ехали сюда со всей Руси строители славных тридцатых годов. Возводить ЧТЗ — перенец пятилеток.

Сегодняшнего подростка, запросто беседующего со сверстниками об атомном или космическом корабле, о луноходе, трактором не удивишь. А в ту далекую пору трактор знаменовал собой эру новой жизни — наступление социализма по всему фронту, и прежде всего в деревне. Трактор не просто поднимал пласты земли, он рушил старые устои мелкого крестьянского хозяйства, весь уклад жизни мужика, столетиями привязанного к своему клочку пашни, к своему Сивке. Трактор был красноречивым агитатором и пропагандистом.

В 1936 году челябинские тракторостроители совершили далекий рейд по маршруту: Невер — Алдан — Чуран — Якутск. Две тысячи километров прошли они на машинах, чтобы убедиться, насколько приспособлен «ЧТЗ» к суровым полярным условиям. Когда вековую тишину сибирских сел взрывал рокот мотора, за трактором бежали стар и млад. Еще бы — первая увиденная в жизни машина.

В 1939 году из Челябинска вышла колонна тягачей, держа курс на Москву. Столица устроила торжественный прием уральской машине.

31 марта 1940 года с конвейера ЧТЗ сошел сотысячный трактор — страна вышла на первое место в мире по производству гусеничных тракторов.

История, живая история отцов, незримо присутствует на комсомольской стройке. Снова, как переключка поколений, зву-

чит призыв «Даешь ЧТЗ!» Но время, семидесятые годы, диктуют свои требования. Скажем, лопата и кирки были, и это понятно, главным орудием первостроителей. Но почему и сейчас на многих операциях лопата и кирка по-прежнему чуть ли не единственный инструмент?

Эти «почему» волнуют комсомольцев. Активно внедрять малую механизацию, переложить основную ношу тяжелого ручного труда на плечи машин и механизмов — пожалуй, забота номер один комсомольского штаба. Старый лозунг «Даешь темпы» сегодня звучит так: «Темпы — это творческий поиск и научный расчет».

Штаб настойчиво борется за четкую организацию труда, и это тоже характерная черта сегодняшней стройки. На первый взгляд, оснований для беспокойства нет — производственные показатели высокие. Но если изобразить рабочий день графически, то это будет кривая со взлетами и падениями.

В течение трех дней комсомольские активисты проверяли организацию труда на стройке. Курс взят верный. Ударная стройка должна стать университетом передовых методов труда, научной организации производства, точкой приложения технического творчества молодых. Еще более точное определение — школой труда, школой жизни.

...Юноша с комсомольской путевкой переступил порог проходной. Он идет мимо длинного приземистого корпуса сборочного цеха, испытательной станции. На открытой площадке — десятки тракторов. Большинство серого, темного цвета, а вот эти поблескивают на солнце ярко-желтой краской.

— Наш Т-130, — охотно объясняют новичку старожилы, — мощность 160 лошадиных сил, коробка скоростей четырехступенчатая. Запустим полным ходом конвейер, страна экономит в год сто миллионов рублей. Представляешь!

Юноша кивает головой. Пока он не задает вопросы, он жадно впитывает впечатления.

Здравствуй, товарищ ЧТЗ!

С. МЕШАВКИН

Фото С. Сиротина

Александр КУНИЦЫН

■

Над белым обелиском пять лучей!
И барабанщик бьет по барабану,
И жарко прикипают утром ранним
к холодной меди
губы трубачей.
А здесь, в глухом логоу,
в такую рань
молчали окровавленные губы...
И парень, умирающий от ран,
был шашками казачьими порубан.
С травы зеленой смыли кровь дожди.
Взошла звезда над белым обелиском.
Не торопись отсюда. Подожди.
Подумай о далеком и о близком.
...И снова барабанит барабан,
и гори звучит
И клятвошню, и гордо.
И парень, умирающий от ран,
рожденья девяност второго года,
военных тайн не выдавший врагу,
сегодня принимает клятву юных.
И птахи свищут весело в логоу,
и голубеет небо над июнем.

Соль

Ну, какая без соли еда?
Только с неба ничто не валится.
Ни алмазы,
ни соль,
ни руда.
...Соляные пермские варницы,
знаменитое царство Строгановых,
соль дававшее пол-Руси!
С кандалами, плетями, острогами,
с горьким стоном: «Господь, спаси!»
Соль иначе сегодня варят.
Но в одном убедись, изволь:
Солевары ли,
сталевары —
все равно
на рубахах соль!

■

Ударил дождик гуще, круче,
И рукоплещет мир воде!
И заворочались
могуче
с урчаньем клубни в борозде.

И как насос
качает корень
со свистом воду в сочный плод.
Да будет репы, и моркови,
и огурцов — невпроворот!

Над пашней, садом, огородом
из тучи струи бьют и бьют.
И кочаны капусты воду,
как кони,
долго,
жадно пьют.

■

Я не смеялся даже в детстве,
коль у кого крива нога.
А между прочим, по-соседству
жила, действительно, яга.
Седа,
горбата,
крючконоса,
ходила с древнею клюкой.
И лезли к старшим мы с вопросом:
— Она всегда была такой!

Казалось, бабку ветром сдует.
И конюх Глеб, смотря ей вслед,
нас уверял:
— Седой колдунье,
по меньшей мере, тыща лет...
Соседка видела воочью
и в том божилась, как могла,
что впрямь
яга
летает ночью
на чем-то вроде помела.

На старом кладбище в суглинок
зарыли бабку в декабре.
И брагу пили на поминках.
И вьюга выла на дворе.
И грустно было мне, мальчишке,
что бабке холодно в земле
и что никто уже над крышей
не полетит
на помеле.

ПРО УПРЯМЦА И ДЕВЯТЬ МИЛЛИОНОВ

Т. ЕФИМОВА

«Уделить особое внимание развитию дизелестроения и производству газовых двигателей и газомотокомпрессоров. Увеличить моторесурс этих машин в 1,5 — 2 раза».

Из Директив XXIV съезда КПСС

Климов сомневался: ехать, не ехать... Делать было абсолютно нечего! Впрочем, пожалуй, не так: искать дело ему просто не хотелось. А формально задание, из-за которого Глеб Климов находился в командировке на небольшом ремонтном заводе, недалеко от Борислава,

было уже выполнено.

Можно, конечно, повозиться с моторами... Когда еще представится случай увидеть такое множество изработавшихся машин, прощупать прокладочки, поковыряться в топливной аппаратуре, потренироваться в диагнозе? Да, необычайно это интересно — поставить точный диагноз угробившейся машине: смотришь, какую-нибудь втулку приварило к валу, а из-за нее мотор и вышел из строя... Почему? Почему смяло гильзу? Или искорежило коленвал? Тут нужно умение представить деталь в работе, представить так явственно, словно не втулка, а ты сам привариваешься к коленвалу... Это умение — как пространственное воображение: оно или есть или его нет. Что касается Климова, в нем оно было. Да, он умел поставить себя на место этой самой аварийной детали, отчего его инженерные диагнозы большей частью и подтверждались.

...Так ехать или не ехать? И дела искать ему на заводе не хотелось, и без дела было тошно... А может, плюнуть на все и поехать? Он представлял себя не здесь, за десять километров до

Борислава, а наоборот — за пятьдесят километров после Борислава. Представил себя на срытой, вытопанной пыльной площадке: слева деревянная конторка буровиков, справа — чумазая буровая... Ему навстречу выходит Костя-механик: «А, Глеб, ты кстати. Газодизели-то того...» Глеб представил: может быть, там у них давление упало, тогда прежде всего нужно проверить манометры, чтоб не барахлили, — на этой затрапезной буровой все случается. А если переключение опять капризничает? Так ехать или не ехать?

В конце концов он решился — вышел на шоссе, поднял руку, останавливая попутный грузовик...

— В Станислав? — спросил шофер.

— В Надворную.

— Это к буровикам? Нет, я только до города.

К буровикам ездай с заправщиками.

— Какими заправщиками, ведь буровая давно работает на газе! — удивился Глеб.

— Не знаю, по-моему, еще на днях туда собирались отправить бензовоз, — неуверенно сказал шофер. Подумал и подтвердил: — Точно, собирались.

— Давай хоть до города, — заторопился Глеб и подумал: «Ну, кажется, сон в руку... Ухлопали все-таки машину».

И в самом деле, когда Климов, совершенно скисший от жары, пропылившийся, одуревший от бесконечного серпантина дороги, ведущей к буровой, перешагнул порог деревянной конторки, Костя-механик, не позаботившись удивиться, сказал: «Глеб, а знаешь, газодизели-то того...»

Уже ночью, устроившись в небольшой гостинице для приезжих, Глеб Климов еще нашел в себе силы выйти на улицу, дойти до почты и, помучившись немного, составить телеграмму в Свердловск, на завод своему начальнику — руководителю конструкторского бюро Ю. А. Ливанову. «В связи с тем, что... прошу продлить командировку на...»

«Великий русский ученый академик Павлов в своих многочисленных научных трудах доказал всему свету, что сон — физиологическая потребность всего живого, не исключая и конструкторов...»

Ох ты, боже мой, как же ему хотелось спать! «Наплевать на газодизель, на Костю-механика, на телеграмму... Пока о ней не думать! Спать!» — приказывал себе Глеб, а в голову настойчиво лезли строки из трактата: «Но в трудах великого академика обнаружился весьма досадный пробел. Пробел в теории Павлова состоит в том, что по КБ ходит начальство, прерывая своим неожиданным появлением сон совслужащих».

В конце концов Глеб уснул. Но сон сошел на него волнами чего-то такого... тяжелого и вязкого, сквозь которое очень нелегко двигаться между конструкторскими досками. Глеб Климов идет с трудом, пробивая дорогу к столу Ливанова, а слева сидит его приятель Зубков и предлагает: «Во избежание неожиданного прерывания сна совслужащих, на шею каждому начальнику надо повесить по одному колокольчику».

А справа другой приятель — Марк Вейн. Он очень внимательно изучает, с какими муками Глеб преодолевает препятствия на пути к Юлию Алексеевичу Ливанову. Грустны его выразительные, всепонимающие глаза. Глаза умного и участливого человека. Но что это он говорит? «Появление в КБ начальства без колокольчика на шею считать преступлением перед советской моралью...»

По странным законам сновидений все смешалось в голове Глеба. Разве попробовать разобраться в этом кавардаке, откуда он в самом деле? Ах, да! Ведь когда-то знакомство инженера Глеба Климова с его начальником — Юлием Алексеевичем, от которого ему нынче должна быть телеграмма, и началось с «академика Павлова». Тогда Зубков, Вейн и Глеб выпустили в свет свой рукописный трактат «О качестве, возможности и продолжительности послеобеденного сна за конструкторской доской». Трактат пошел по рукам, и в узких кругах снискал трем приятелям известность и популярность. Но однажды в конце дня их, всех троих, вызвал Ливанов.

— Извините, что потревожил сразу после обеда, — не отрываясь, не поднимая головы от бумаг, начал он. И вдруг быстро взглянул: — Но сейчас я бы хотел узнать: вас гм., мальчики, устраивает работа в моем КБ? — Так начался разговор.

— Вай! вай, вай! — вертел потом головой Марк Вейн. — Наша карьера в этой славной организации, кажется, закругляется.

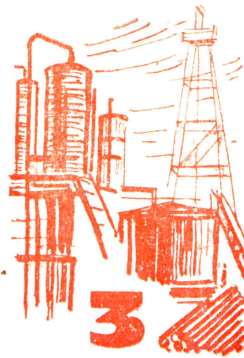
Зубков молчал, в него как-то особенно глубоко проник упрек Ливанова в инфантильности и тунеядстве. Возможно, вполне справедливая резкость?

Глеб в задумчивости пролистал толстый трактат, возвращенный начальником, и... разинул рот: в самом конце рукой Юлия Алексеевича было вписано примечание: «За каждым начальником

закрепляется колокольчик определенного тембра. Обмен колокольчиками воспрещен. На время болезни или отпуска колокольчик передается заму».

— Ну и ну! — прокомментировал Вейн. — Я бы с ним в разведку пошел...

Вот эти «колокольчики» и позванивали Глебу Климову во сне. Что ни говори, а ему приходилось рассчитывать сейчас только на снисходительность и чувство юмора, присущие Юлию Алексеевичу. Ведь вместо ремонтного заводика Климов оказался на буровой, сроки командировки сорвал и опять возится со своим дизелем, несмотря на запрет. Каким же будет ответ Ливанова на его телеграмму?

Содержание ответной телеграммы могло быть каким угодно. Например: «Занимайтесь своим делом». Или более дипломатичным, с таким разрешением, что за ним только угадывалось бы раздражение начальства. Но, поднявшись ранним утром, ощутив в себе его свежесть, ясность, Глеб стал надеяться на самое лучшее. В дверь уже стучали:

— «Газик» на буровую уходит. Просыпайтесь, Глеб Федорыч!..

В маленькой гостинице для приезжих в поселке буровиков его давно знали. Когда-то он в ней месяцами жил. А вот сейчас приехал, можно сказать, «зайцем»... Все течет...

Глеб умывался, завтракал, бежал к «газику», а мысленно видел свою нахальную телеграмму на столе у Ливанова. «В Свердловске разница во времени два часа — сейчас как раз полдевятого... Она лежит — он смотрит. Лицо заливают легкая краска гнева».

Последнее время довольно часто поведение Глеба Климова становилось причиной такого гнева. Правда, за ним не следовало ни крика, ни нагоняя. Гнев начальства почти всегда переливался в тонкую и едкую иронию, редко — в откровенную насмешку. Никто лучше Ливанова не умеет с их помощью оставить от идеи, мысли, поступка человека пустое место, пшик, анекдот. Как никто лучше его не умеет поднять свое КБ на инженерные подвиги, задеть гордость, разбудить энтузиазм.

— Ну-ка, джентльмены, — обращается он к ребятам, и через минуту они во власти его идей, профессиональной эрудиции и прирожденного обаяния.

«Джентльмены» редко выходят из-под власти. Один, правда, вышел. По собственной воле сидит теперь на далекой буровой, а ответной телеграммы-то пока нет. И с завтрашнего дня Глеб Климов официально станет прогульщиком, потому что, если он даже сию минуту возьмется за чемо-

дан, махнув рукой на газодизель, то все равно не успеет ко времени добраться до своего КБ. «А, ладно! — гонит Глеб черные мысли. — Авось, простится...»

Он сделал полную ревизию своим газодизелям. Дело, как он и предполагал, ставя заочный диагноз, было в оснастке: изнасилась, требовала замены. Костя просил: «Напиши акт, пошлем своего человека на ваш завод. Может быть, так будет быстрее».

«Если бы так было быстрее, вам уже полгода назад все сменили бы», — думает Глеб и советует: — А ты жхни письмо прямо в Свердловский ком, мол, так и так, по вине завода срываем план, оставляем страну без нефти.

— Ты — анархист, — обзывает Глеба Костя.

— Я реалист, — грустно и многозначительно отвечает Глеб. — Только и письмо не поможет — разлюбили вас, понимаешь? Сегодня уже другие идеи владеют умами...

Они сидят на корточках друг перед другом и обтирают грязные руки ветошью. Они были так близки, так понятны друг другу еще совсем недавно, а в этот приезд Костя видит: Климов не тот. Не все договаривает, намекает на какие-то обстоятельства, а в чем, собственно, дело?

Дизели пока работают не на газе, а на солярке. Газ полыхает синими факелами где-то за буровой, сгорает зря, а мотористы для машин вручную качают солярку.

Отвыкли, конечно, от этого дела, пска все было в порядке. На газовом топливе ведь просто — никакой работы: подключил — и свободен... А сейчас вот толкай ручку насоса туда-сюда почти всю смену — дизели мощные, прожорливые.

— Скоро вы там? Что-то уж больно долго возитесь, — то и дело подходят буровики к Климову и Косте-механику. — А надолго это? Может быть, заменить оснастку и все?!

4

Что же это за машина — газодизель? Буквально два года назад Глеб Климов ничего и не знал о ней. Жил спокойно, служил в КБ на «посылках», писал трактаты. Был популярен. Правда, случались дни, когда он вдруг ощущал себя чужим в своем конструкторском бюро. Это когда сдавали новый мотор. И ребята «ходили на головах» как от бескорыстной радости, так и от предвкушения премий. А ему было отказано и в том, и в другом — не его машина...

Но однажды он все-таки «заимел» свою машину. Однажды его вызвал Ливанов:

— Есть золотая идея отличной машины — нечто новое для КБ и необыкновенно перспективное направление в дизелестроении.

Как он был хорош, Юлий Алексеевич! Как увлечен и как щедр в своем красноречии! А ведь его слушал всего-навсего один молодой специалист, к тому же инфантильный и даже подозреваемый в туеядстве,

Ливанов рисовал! Но первая его картина была ужасной. Как работают буровики на обычных дизелях, на солярке? Это сизифов труд, ведь они вручную перекачивают из цистерны тысячи тонн солярки! А каково государству от такого расточительства топливных ресурсов страны? Только на бурение скважин тратится жидкого топлива на 15 миллионов рублей в год.

— Глеб, мы посадим машину на газовую диету. Тонну дизельного топлива заменит тысяча кубометров газа. В десять раз дешевле! Наш завод потушит бесполезные газовые факелы на нефтяных промыслах, он заставит газ работать. Для этого нужно только спроектировать подходящую оснастку к нашим дизелям. Мы предоставим буровикам даже выбор: хочешь — подключаешь газ, хочешь — работай по-старому, на солярке. Полный сервис! Победит сильнейший. В данном случае сильнейшим окажется наиболее экономичное топливо...

О чем только Юлий Алексеевич тогда не говорил! О Надворной — маленьком поселке буровиков: «Глеб, это прелесть, а не деревня! Там комфорта больше, чем в городе. В каждой избе — газ... А какие вокруг леса! Речка — мелкая, прозрачная, невероятно теплая — вода, как в ванне... И песок. Будешь жить месяцами — там наша базовая буровая. Там, за поселком, развалины древних рыцарских замков, вокруг сохранились рвы... К ним отведены газовые трубы с буровых, день и ночь пылают факелы — раскаленный воздух дрожит! Фантастическое пламя на фоне рззвалин... Это пламя тебе и нужно прибрать к рукам...»

Эта картина, вдохновенно набросанная Юлием Алексеевичем Ливановым, совершенно покорила Глеба Климова. Он с таким желанием и рвением занялся новой машиной — началась история его любви, — что впоследствии, когда уже столь горячее отношение не только оказалось ненужным, а даже по некоторым причинам стало мешать, Юлий Алексеевич долго великодушно прощал молодого человека, вспоминая, видимо, что ведь он сам разбудил и поощрял его пылкий энтузиазм.

5

Трое инженеров, в их числе Глеб Климов, корпели над чертежами газодизеля. Проект ладился. Более того, удался не только проект, но сама газовая оснастка, воплощенная в металле и поставленная на мотор, показала себя превосходно. Во время стендовых испытаний машины

было найдено великолепное решение проблемы по питанию двигателей без перерегулировки. Что это значит? Есть газ — двигатель работает на газе. Нет его — простым поворотом рукоятки двигатель переводится на дизельное топливо. Сбылись слова Ливанова — буровикам предоставлен полный сервис...

Итак, опытный образец машины создан. Почти вслед за этим произошли некоторые значительные события. Одним из них можно считать появление в «Правде» статьи известного специалиста профессора А. Пробста: «...ежегодные потери попутного газа на нефтяных промыслах превышают девять миллионов тонн условного топлива...» Профессор еще, конечно, не знал, что на Урале отлично прошла первая испытания машина, которая как раз и предназначена для того, чтобы обратить на пользу эти девять миллионов.

Волна других статей, откликов, экономических подсчетов, мнений авторитетов, прошедшая по страницам центральных газет, завершилась сообщением правительства о мероприятиях по обеспечению рационального использования нефтепродуктов в народном хозяйстве. Короче говоря, с невероятной точностью на примере газодизеля подтвердился главный закон развития техники, по которому машины появляются вместе с экономической потребностью в них. Как здесь не оценить еще раз незаурядные способности технического политика и остроту видения Юлия Алексеевича Ливанова, одного из тех, кто первый заинтересовал идеей экономичного газового мотора руководителей завода.

Когда всех захватила работа над проектом, энтузиазм Глеба был только частью общего энтузиазма. И лучшие проектные решения, возможно, принадлежали совсем не ему — он, молодой специалист, был рядовым среди своих товарищей. Правда, Глеб ревностно собирал досье газодизеля, в котором были и статья профессора Пробста, и другие газетные вырезки и даже частное высказывание одного из главных конструкторов буровых установок Карапетяна: «Чтобы доставить десять тонн солярки на буровую в Тюменской области, тратится восемь тонн горючего». Последнее Глеб Климов сопроводил собственными расчетами на тему: сколько потребуется кубометров попутного газа, чтоб заменить десять тонн солярки.

Кажется, Климов от других отличался только вот этим (трудно найти точное слово): ликованием, что ли, в которое приводило конструктора сознание огромной необходимости для страны рождающейся машины. А вскоре ВДНХ предложила экспонировать машину в Москве. Вот каким впечатляющим аккордом закончилась первая, благополучная, половина истории газодизеля на уральском заводе.

С каких же пор все так изменилось, что, скажем, Ливанову пришлось охлаждать пыл конструктора Климова, его интерес к машине, в то время как раньше он его только поддерживал? Может быть, с того времени, как дирекция завода отказалась от предложения ВДНХ? Невероятный отказ! За место на ВДНХ заводы обычно бьются — это не только слава и награды. Для новой машины — это право и возможность выжить, с блеском перейти рубеж — от выставочного образца к серии. Всесоюзная выставка — это и встреча с возможными заказчиками. Пока у завода нет заказчика, он слеп — неизвестно, выгодно ли ему будет производство новой машины или нет. А ведь тут — не рекламный проспект, не проект — вот он я сам, газодизель, потрогайте, запомните, закажите! Ну не странно ли, что завод сам, добровольно отказывается участвовать в выставке? Да, наметились великие перемены, и эти перемены одним из первых

уловил Юлий Алексеевич Ливанов. Уловил и примирился: «Ну что ж, машину в серию не запустить...»

Когда конструкторы закончили рабочие чертежи, дело совсем застопорилось. Без видимых причин цехи не получали распоряжения о запуске газовой оснастки в производство. Вот тогда Глеб Климов в первый раз проявил самостоятельность. В тот раз, правда, его многие поддержали.

Вместе с товарищами он таскал модели в литейный цех, из литейного в мастерские. «Распоряжения еще нет, но машина срочная, нужная», — это был вполне убедительный аргумент для Толи-модельщика или для Бори-литейщика, которые разве первый раз имели дело с конструкторами? Которые разве не знают, что ли, как тяжело и порой раскручивается заводская машина, чтоб потом спешить, и штурмовать, и захлебываться...

Ничто еще как будто не говорило об изменении общего курса по отношению к газодизелю. И первые заминки вполне могли оказаться случайными. Однако Константин Константинович Сомов — руководитель группы, в которой Климов работал, видимо, усмотрев в цепи случайностей какую-то закономерность, подал заявление на увольнение.

Глеб узнал об этом, и у него появилось такое ощущение, как будто его на бегу, бодром, устремленном, радостном, когда финиш вот-вот, остановили рывком — неразумно, непонятно, предательски.

— Константин Константинович, скажите, вы считаете, заниматься этим не стоит?

— Стоит! Только едва ли ты чего-нибудь добьешься.

«Как же так? — недоумевал Климов, — ведь машина готова к государственным испытаниям. Правда, идет она тяжело, приходится пробовать, что называется, любую мелочь...» Недавно начальник экспериментального цеха обозвал его героем-одиночкой, «кустарем». «Хочешь показать, что тебе больше всех нужно? Ты рядовой инженер, и не твое это дело!» Ливанов занят, не желает влезать в подробности производства. Ливанова Глеб не узнавал...

— Подойди сюда, Глеб, — Ливанов стоит у окна и как будто видит за ним что-то невероятно интересное, гораздо интереснее того, о чем уже полчаса рассказывает ему Климов. О чем? О газодизеле, разумеется. «Не делают, но хотят — глухая стена и опереться не на кого. Новый руководитель группы Тарасов... Ох, как зол на него Глеб Климов — это же «человек в футляре»! Из своей прошлой деятельности Тарасов твердо усвоил, как не надо делать. Как надо делать — «кто его знает?» Окончательного решения из него не вытянешь никакими силами.

Да что говорить, просто не верится, что приказ о назначении Тарасова подписан Ливановым...

— Подойди сюда, Глеб.

«Ну, подошел. Что там?» За окном Марк Вейн лопатой сбивает огромную сосульку с карниза цеховой крыши. Попросту филолит. Бедняга не знает, что на него сейчас смотрит Ливанов. Да и другие — тоже не лучше: на весенней уборке территории конструкторов человек двадцать — тянут время до обеда. Снег мокрый, серый, лениво летит с их лопат в кузов самосвала.

— В сущности это ведь великое безобразие... Квалифицированные инженеры используются как... Сам видишь как. Ну, скажем, час конструктора Людочки Беловой, которая так изящно ковыряет снег, недорого стоит и за доской, но час Вейна?! Однако я посылаю его на уборку, а как иначе — приказ директора! Как ты считаешь, должен был я директору доложить о том, что его приказ нелеп, безграмотен, уродлив и вреден? А потом, если уж быть последовательным, должен я отказаться послать Вейна на прополку моркови и сортировку картофеля? Но ведь это уже не приказ директора, а приказ директору... А я — конструктор, создаю проекты, а не пишу заявления, не апеллирую. Сколько бы сил потребовала от меня только попытка прекратить это безобразие?

— Может быть, и стоило бы попытаться, — буркнул Глеб. — Хотя бы ради Вейна.

— Но мой час стоит дороже, чем час Вейна... И этот час я употреблю по назначению. Ты говоришь, что серийный газодизель «не идет». Ничем не могу помочь: серия — это уже не сфера деятельности конструктора. Проект, опытный образец машины — вот это нас касается. А серия — забота производственной службы. У нее могут быть свои соображения. И потом, почему ты действуешь через голову своего начальника группы?

Да, Юлий Алексеевич Ливанов — не только хороший инженер, но и гибкий политик в том техническом мире, в котором он пребывал в должности руководителя крупного конструкторского подразделения. Юлий Алексеевич смотрел на вещи шире, сложнее, но и проще, нежели Климов. Солидный опыт подготовил его давно к тому, что вовсе не каждая спроектированная и даже выпущенная в металле машина запускается в серийное производство, что заводские интересы могут и не совпасть с конструкторскими.

Разве не было у него, Ливанова, машины, которой он жил, в которую когда-то вложил душу? И не так уж давно, чуть больше десяти лет прошло. А где она? Занимает почетное место в музее завода? В свое время судьба этой его машины сложилась так, что нужно было, может быть, повоевать за ее признание и серийное производство, явить качества уже не творца, а борца... Да, быть может. Машины иногда нуждаются и в этом, в борьбе за них. Но можно ли растратывать силы, рискуя оказаться в роли гонимого правдоискателя?

Это очень, очень сложный вопрос и далеко не однозначен должен быть ответ на него. Борьаться или пренебречь? «А, черт, эта машина не пошла — так я могу «накидать» еще не один и не два блистательных проекта. Я конструктор от бога! Каждый час — идея. Как Чехов: «Хотите, напишу рассказ вот об этой чернильнице...»

Только после того, как его дизель «не по-

шел», Ливанов как будто надел некую маску: ну-ка, джентльмены, вперед, к новой машине! И нужно было очень хорошо знать Юлиа Алексеевича, чтобы понять в этот момент, взглянув на него: он вовсе не уверен, что очередная новая машина непременно пойдет в серию. Возможно, дело кончится только игрой ума и... музеем. Юлию Алексеевичу известно, что его ребята называют заводской музеем моторов пантеоном. Так может ли он иной раз делиться с ними своими сомнениями? Кто захочет работать на пантеон? Нет, все равно вперед! Посыплем голову пеплом — и на Рим! — так, кажется, выражаются его ребятаки?

Когда Ливанов начинал историю газодизеля, возможно, он тоже сомневался в его судьбе на заводе, разве узнаешь?

Прошло некоторое время. Как будто Юлий Алексеевич все тот же. Однако теперь его подъем, заинтересованность, эмоциональность относятся уже к другим работам КБ, но не к газодизелю. Климов впервые слышит от него, что машина, возможно, не так уж и выгодна заводу.

«Но почему?» — «Газовая аппаратура оказалась сложнее, чем мы ожидали». — «Это ведь опытная, серийная будет дешевле!» — «Нет уверенности, что машина найдет заказчика». — «Как же так, ведь уже двести газодизелей запрошено?»

Глеб Климов решил написать письмо директору завода. Вышло оно резким, и от этой резкости казалось самоуверенным, даже неприличным для человека его возраста и положения: «Я не считаю, что письма, посланные в некоторые конторы бурения, сыграли роль хорошей рекламы. Фактически только шесть писем попали по адресу, то есть в организации, где есть газообразное топливо. И то эти организации запросили более чем 200 газодизелей в год. Если бы завод действительно хотел широкой гласности газодизелей, то он не ответил бы отказом на просьбу экспонировать на ВДНХ этот мотор. Тогда зачем его нужно было проектировать, доводить, наконец, получать премии? Премии за проект, за доводку, за испытания?»

Больше чем о премиях, Глебу Климову хотелось сказать о государственном интересе, о газовых факелах на буровых. Только кому говорить? Ливанову — дальновидному техническому политику, или директору, который несравненно лучше рядового инженера знает все о государственном интересе?

Если бы Глеб точно знал, что вот такой-то человек по злой воле тормозит дело! В тех романах, повестях, рассказах, которых он прочитал великое множество, внедрение новой техники считалось преимущественно проблемой морально-этической. Разоблачался консерватор или очковтиратель, а в детективах — даже вредитель. Но против его газодизеля ополчились, казалось, не люди, а экономические, технические, организационные, внутривзаводские причины и проблемы. Любому заводу внедрение новой продукции в серийное производство обходится очень дорого. Термин «внедрение» довольно точно отражает суть процесса, который требует одновременно гибкости и настойчивости, оперативности и терпения, свободы и жесткой дисциплины. Всегда возможны нежелательные последствия — неудачи, срыв программы, снижение заработка у рабочих... Вот такими

последствиями грозит заводу и серийный газодизель.

«Зачем же было премии получать за проект, за доводку, за испытания?» — не может смириться Климов.

Трудно Глебу — он не так трезв и практичен, как старшие товарищи, в нем живы настроения времен проектирования, когда никто не говорил, что газодизель почему-то невыгоден, а наоборот, торопили: джентльмены, скорее, нужно... Буровики ждут нашу машину.

В конце концов Глеб Климов подал Ливанову заявление на увольнение, решив «бросить все и махнуть на работу в Бухару — Урал», где требовались инженеры, знакомые с газовыми машинами. Его не задержали. Ливанов наложил резолюцию «Не возражаю», сказав при этом: «Ты, конечно, хорошо подумал, ты — человек взрослый». Каким плохо воспитанным казался ему, наверное, Глеб со своими нелепыми притязаниями повлиять на predetermined судьбу газодизеля!

Через несколько дней Глеб Климов забрал свое заявление назад — глаза Ливанова источали пренебрежение и насмешку. «Пусть, — упрямо думал Глеб. — Теперь газодизель все равно не зажать. В министерстве знают, в главке знают — выплывет машина, не сегодня, так завтра».

Хорошо летом в карпатском поселке Надворная — такие вокруг леса, такие речки! Но Глеб изнывает от жары на буровой. Все вокруг нее сожжено солнцем. Не спасешься даже в конторке. Кажется, она, деревянная, вот-вот вспыхнет — до того прокалилась. Каждый час Глеб, как и все на буровой, бежит к большой бадье, смачивает глотку и рубаху. Телеграммы от Ливанова все еще нет. И попадет инженер Климов в прогульки...

В такую жару одно облегчение — вспомнить зиму, какой она бывает на буровой. Даже хуже этой дикой жары. Туча зацепится за вышку и

дождит день, другой, третий. А с ветром этот дождь жестоко сечет лицо.

А то еще туман сядет... Да что там говорить, недаром Глеба принимают на этой буровой как своего — вместе, что называется, «пуд соли съели».

Телеграммы нет. Работу Климов к «завтраму» закончит. И домой! А на душе скверно: неужели же Юлий Алексеевич так уж совсем недружелюбно к нему относится? Лично у Климова к начальнику, несмотря на измену, теплится где-то глубоко и тайно даже для него самого странное чувство симпатии. Но, конечно, ему уже трудно сейчас объяснить «к чему». Не то что раньше, когда Ливанов «горел» газодизелем так же, как и сам Климов.

Подходит Костя-механик и делится хорошими новостями.

— Начальство собирается просить твой завод перевести на газ моторы двух буровых. Всякому хочется, прослышали, что наша буровая такие средства на топливе сэкономила.

«Выплывет машина, — думает Глеб. — Теперь уж и буровики не дадут похоронить такую машину. Ну, а мне за самоуправство попадет, это точно. Не простит мне Ливанов «самоволки» с буровой. Нет Надворной в командировке — и точка. Прогульщик. Ясно, Климов?»

— Костя, — стараясь отвлечься от неприятных предчувствий, обращается Глеб Климов, — а ведь наш газодизель не очень экономичен на некоторых режимах.

— Да ты что? — тут же возражает Костя. — Это вы на обычных дизелях за граммами экономии гоняетесь, а нам — что грамм, когда мы экономим килограммы! И не газа, а солянки!

— Все равно требуется кое-что додумать. У меня, кажется, идея есть. С Ливановым бы посоветоваться.

„Телеграмма от Ливанова с разрешением продлить командировку придет только завтра, хотя уже сегодня утром Климову полагалось бы предстать пред очи своего начальника.

БОЛЬШОЕ И ВАЖНОЕ ДЕЛО

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Мы с большим интересом прочитали ваше обращение¹. За сложное и ответственное дело вы призываете взяться.

Уральский край всегда был краем трудовым, рабочим. Особенности экономики влияли на формирование рабочего класса Урала, накладывали отпечаток на его облик.

Историки-ураловеды давно и плодотворно занимаются историей рабочего класса Урала, внимательно изучают процессы его формирования, основные этапы революционной деятельности, истории марксистских организаций.

Но сколько еще «белых пятен»!

Широкий и организованный поиск документов по развитию промышленности и рабочего движения на Урале будет первой ступенькой, на которую вы подниметесь в вашей работе, юные следопыты. Но при этом следует помнить, что собранный материал только тогда приобретает ценность, когда он получает строго документальную основу. Документы-подлинники должны быть научно обработаны, копия документа официально заверена.

В научной работе всегда много «будничного», иногда кажется, что материал, которым оперирует исследователь, незначителен. Но он необходим для воссоздания полной картины того или иного явления. Историки-ураловеды располагают, например, недостаточным материалом для характеристики положения рабочих и их революционной борьбы на небольших фабриках и мастерских нашего края, о труде и его условиях в золотопромышленности. Здесь следует собирать материал о численности рабочих, уровне заработной платы, условиях жизни рабочих, о взаимоотношениях с администрацией. Старожилы помнят еще время, когда на Урале владыкой был капитал. Соберите их воспоминания. Значительный интерес представляет и история рабочих династий.

В конце XIX начале XX веков на Урале

вследствие кризиса были закрыты многие заводы, некоторые из них вообще прекратили свое существование. Как сложилась дальнейшая судьба населения этих заводов!

Уральские рабочие в силу политики хозяев были «привязаны» к заводам клочком земли. Соберите об этом материал, юные следопыты. Недостаточен еще материал и о первых рабочих организациях.

Одно из основных направлений в нашей работе — это выяснение особенностей положения и состава уральских рабочих. Необычный край — не совсем обычны и процессы формирования облика рабочих Урала. Конечно, по общему уровню и размаху пролетарской борьбы Урал не уступал центральным ведущим районам России. Но уральские рабочие применяли часто свои, своеобразные методы борьбы против хозяев. Да и хозяева заводов не совсем походили на традиционных капиталистов. В. И. Ленин назвал их заводчиками и помещиками. Вот за выяснение этих и других конкретных особенностей и следует взяться юным следопытам. И прежде всего здесь надо обратить внимание на сбор документального материала.

Однако нужно помнить, что для всей этой работы необходимо знать, что сделали ваши предшественники. Следопыт должен изучить уже имеющуюся литературу и познакомиться с методами работы историка. Только после этого можно подойти к обобщению материала.

Большой интерес для нас, ученых, имеет и история развития рабочего класса в советский период.

Научные работники кафедры истории СССР Уральского государственного университета горячо поддерживают призыв челябинских следопытов и готовы прийти им на помощь в этом большом и важном деле.

В. В. АДАМОВ, заведующий кафедрой истории СССР, доцент, кандидат исторических наук,

Ю. А. БУРАНОВ, доцент, кандидат исторических наук.

¹ См. «Уральский следопыт» № 7, 1971 г.

АВИАЦИЯ В ЗНАЧКАХ

Миниатюрные изображения быстрокрылых лайнеров, аэропортов и схем трасс, сувенирные и юбилейные значки рассказывают о развитии воздушного флота нашей страны.

...В марте 1923 года было создано Общество друзей воздушного флота. Его цель — развернуть всенародную кампанию по сбору средств на строительство отечественной авиации. Взгляните на снимок (фото 1). Этот значок — своеобразный символ тех дней. «Пролетарий, на самолет!» — призывает Родина. Такие значки выдавались активистам ОДВФ. Несмотря на острый дефицит благородных металлов в те времена, они были изготовлены из серебра.

1.

В дни, когда создавался фонд строительства эскадрильи «ЛЕНИН», был выпущен еще один значок с изображением самолета. На плоскости его одно слово — Ильич (фото 2). Первого июня 1924 года на Центральном аэродроме в Москве состоялись торжества по случаю передачи девятнадцати бипланов эскадрильи «ЛЕНИН» делегатам XIII съезда партии.

Позже на средства, собранные ОДВФ, были построены эскадрильи «Ультиматум», «Наш ответ Чемберлену» и другие. Это явилось ответом на наглые угрозы лидеров анти-советской коалиции Керзона и Чемберлена, пытавшихся ультиматумами запугать Советскую республику. Обратите внимание на значок-памфлет:

самолет, у которого вместо винта мощный кулак (фото 3).

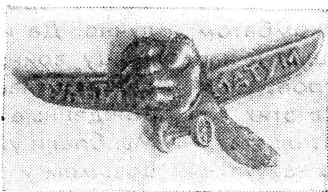
Летом 1926 года летчик П. Межерауп совершил перелет из Москвы в Анкару, а Я. Моисеев — в Тегеран. Осенью того же года мир стал свидетелем нового беспрецедентного

2.

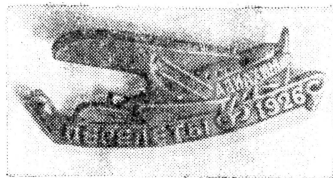
полета. Пилот М. Громов и бортмеханик Е. Родзиевич на советском боевом самолете АНТ-3 (Р-3) конструктора А. Туполева, следуя по трассе Москва — Берлин — Париж — Рим — Вена — Варшава — Москва, преодолели семь тысяч километров за 34 летных часа! Этим событиям посвящен памятный значок «Перелеты 1926 года» с изображением самолета АНТ-3 (фото 4).

Через год летчик Семен Шестаков и бортмеханик Дмит-

3.

рий Фуфаев предприняли воздушное турне из Москвы в Токио и обратно. Но подлинным триумфом советской авиации был перелет этого экипажа через Атлантический океан по маршруту Москва — Нью-Йорк на цельнометаллическом самолете А. Туполева «Страна Советов». Рейс был совершен

4.

осенью 1929 года. Любопытно, что к этому полету готовились не только авиационные службы, но и цех одного из московских предприятий, получивший заказ на изготовление нескольких сотен жетонов. В центре металлического кружка изображен самолет «Страна Советов». Он летит над океаном. Вдали виднеются небоскребы Нью-Йорка. Над самолетом — серп и молот на фоне земного шара. Внизу по кругу надпись на английском языке: «Первый перелет Москва — Нью-Йорк. 1929 г.» (Фото 5).

Жетоны-подвески экипаж самолета раздал гражданам

5.

США, встретившим самолет в Нью-Йорке.

Вот о чем рассказали старые потускневшие от времени значки, переданные мне отцом — ветераном авиации.

Я ЛЮБЛЮ ВАС...

Странички жизни

Зинаида ВИЛЬНЕР

Рисунки Н. Мооса

Глава первая

— Ни шагу назад! — кричал капитан, яростно потрясая большими кулаками над головой. Мы изумленно глядели на него.

Слева от шоссе, по мокрому полю, бежали бойцы батальона — обратно к деревне, из которой только что вышли. Полы солдатских шинелей разлетались от стремительного бега в разные стороны, и издали казалось, что по полю скачут, пытаясь взлететь, огромные черные птицы. Бойцы уже не слышали голоса капитана. Его заглушали трескучие автоматные очереди и взрывы гранат, доносившиеся из леса, куда было сунулись наши бойцы.

Двое радистов и я — медсестра батальона — находились рядом с комбатом, и теперь весь свой гнев он обрушил на нас. Но что можем изменить мы трое, стоящие рядом с ним на шоссе, в этих неожиданно возникших обстоятельствах? Батальон не выполнил приказа о наступлении на город Герлиц, овладеть которым мы должны были сегодня, к вечеру 25 февраля.

Еще позавчерашней ночью командиры батальонов ходили на рекогносцировку местности. Примостившись с картой под замшелыми тяжелыми ветвями старой ели, накрывшись плащ-накидкой, они уточняли детали совместных действий. Маленьким карманным фонариком я подсвечивала им карту, на которой выделя-

лась жирная синяя стрела, острием своим упирающаяся в короткое, обведенное красным карандашом слово — Герлиц.

Потом батальоны сменили позиции. Наш занял оборону на окраине оставленной немцами небольшой деревеньки с кирпичными стандартными домиками по обеим сторонам гладкого шоссе. Далеко от дороги тянулось с одной стороны ровное, распаханное, набухшее от воды поле, а с другой — холмистый луг, покрытый жавой, влажной от дождя травой.

В ночной тишине комбат со своего командного пункта, расположенного в темном подвале, сдержанным голосом отдавал распоряжения по телефону. Командиры рот докладывали ему обстановку.

Все, вроде бы, складывалось благополучно. Да и как же иначе? Время шло к концу войны. Мы уже привыкли побеждать. За нашими плечами остались освобожденные города и села Европы. Мы брали уже не первый немецкий город. Возьмем и этот. Нам ведь тогда не было известно, что под Герлицем немцы сосредоточили против наших войск крупную группировку, и утром 25 февраля мы приняли с нею первый бой.

Наша 254-я стрелковая дивизия входила в состав 52-й армии. Армия эта, как с трамплина, стремительно ринулась 12 января 1945 года с Сандомирского плацдарма прямо к сердцу Германии, прошла с боями, за считанные дни, свыше тысячи километров от Вислы до Нейсе,

опрокинув все представления о человеческой выносливости.

От занятых нашим батальоном позиций до Герлица оставалось около десяти километров. Однако силы людей не беспредельны. Полки и батальоны нуждались в пополнении, а приказы требовали дальнейшего развития наступательных операций.

Метрах в пятистах от деревни рос молодой реденький лесок. Сейчас, в феврале, обнаженный и безмолвный, он выглядел мрачно на черной, бесснежной земле. Удивительный климат в этой Германии! У нас в Башкирии теперь снегу по колено, метут метели, а здесь — промозглая осенняя слякоть.

Я слышала ночью, как командир батальона приказывал по телефону одному командиру роты выдвинуться со своими бойцами в лесок и находиться в нем до утра, до общего наступления. Потом он запрашивал этого командира:

— Ну, как там немцы себя ведут?

Командир роты отвечал, что немцы пока себя не обнаруживают. Комбат советовал ему смотреть «в оба».

Рано утром батальон развернутой цепью двинулся к Герлицу по рыхлому полю, окутанному серой морозящей мглой.

Офицеры штаба во главе с комбатом, связные, радисты и я, санинструктор, шли немного правее и сзади наступающей цепи, по гладкому, уходящему к лесу шоссе.

Не успели бойцы углубиться в лес, как по ним полоснули пули. Тоненькие деревца были плохой защитой, и бойцы отступили.

Офицеры штаба и связные по команде капитана бросились к лесу. Только мы трое остались возле командира, и нам он прокричал, зло вращая глазами, свою запоздалую, бесполезную команду: «Ни шагу назад!..»

Произошло непредвиденное — в лесу оказалась немецкая засада. Но тогда где же рота, выдвинувшаяся ночью в этот лес?

Перестрелка между тем усиливалась. Особенно на опушке, где лесной массив темным клином врезался в поле. Там коротко рвались гранаты, хлопали винтовочные выстрелы, вперемежку с автоматными очередями. Бой шел на малой дистанции.

Никто из посланных комбатом связных

не вернулся, и он не знал о положении в лесу. Остаться на дороге стало опасно. Вслед за комбатом мы залегли за пологим холмиком. Покрытая жесткой травой земля напоминала влажную губку. От нее, приглушенный дождем, исходил прелый осенний запах.

Из всего батальона, не считая дерущихся в лесу бойцов — видимо, из той роты, что была выдвинута туда накануне, — мы четверо оказались ближе всех к немцам. Остальные отступили к деревне. Мы тревожно поглядывали на капитана. Он молчал, нервно покусывая сухую травинку. Возле самой его головы шлепнулся большой осколок. Он был уже на излете и не смог бы принести большого вреда, если бы даже и попал в цель. Капитан поднял осколок, взвесил на широкой крепкой ладони, а его прищуренные, отрешенные глаза были устремлены в сторону леса, где уже затихал неожиданно вспыхнувший бой. Может быть, капитан надеялся, что силы засады в лесу невелики и наши справятся с ними?..

Но вот, заглушая звуки беспорядочной стрельбы, загремели, лязгая об асфальт, танковые гусеницы. Заняв своим грузным приземистым телом всю ширину дороги, медленно выползла из леса «пантера». Длинный ствол ее пушки, как задранный хобот слона, плавно покачивался из стороны в сторону, лоя цель. Вот он нашел ее, замер и с оглушительным грохотом, отдавшимися по окрестности тройным эхом, бросил три тяжелых снаряда в сторону позиций нашего полка.

Расстояние от танка до нас было не более ста метров. Из-за холмика хорошо было видно его широкое низкое днище, заключенное между стальными массивными гусеницами.

Там, в бронированном жарком чреве, к смотровой щели прильнули глаза водителя, холодные беспощадные глаза... Стоит ему сделать короткое движение рукой, и танк раздавит нас. Я отвела глаза от танка и плотнее вжалась в землю. Но он, звонко стукнув об асфальт подвижными отполированными траками, вдруг стал уползать задом в лес.

Не поворачивая головы в нашу сторону, комбат приказал негромко:

— Марш все в деревню!

Радисты, совсем молодые мальчишки со свеженькими лицами новобранцев, побежали, низко пригибаясь к земле. Я проводила их глазами. У одного на спине был

серый продолговатый ящик рации. Как привидения, быстро скрылись они в бурых складках земли, и только серый ящик рации еще некоторое время плыл, покачиваясь, над мокрым гребнем небольшого бугра.

Я осталась с комбатом. Но, кажется, он этого не заметил.

У меня была граната-лимонка. Маленькая, с выбитыми на корпусе квадратиками. Ее дал мне, почуяв недоброе, капитан — отстегнул от своего ремня. У него осталась еще одна такая же граната и пистолет.

На опушке леса, прямо напротив нас, пригибаясь и выставив вперед автоматы, показались немцы в своих зеленых шинелях. С земли они все казались мне очень длинными.

Приподнявшись, капитан швырнул в их сторону гранату, пружинисто вскочил и побежал к деревне по хлюпающему под его тяжелыми ногами мокрому лугу. Он бежал то широким шагом, то зигзагами, ки-

даясь из стороны в сторону. Я мчалась за ним, повторяя все его движения, и санитарная сумка, болтаясь на длинной шлее, била меня по бокам. Кровь бешено стучала в висках, в ушах, в пересохшем горле. Сердце рвалось из груди. А глаза жадно цеплялись за маячившую впереди красную стену кирпичного дома.

В спину хлестали выстрелы. Мне казалось, будто все пули летят только в меня и вот-вот рассекут мое тело-соломинку пополам.

А капитан, большой и сильный, с развешивающимися полами шинели, испуганно-мечущейся птицей летел впереди меня.

Два чувства — долга и самозащиты — боролись во мне.

Первое трезво напоминало, что как боец я обязана прикрывать своего командира в бою. Второе — живое и трепещущее — отчаянно рвалось из глубин души и пищало в уши: «Но ты ведь женщина!»

Как будто услышав этот писк, капитан вдруг замедлил шаг и спросил удивленно:

— Кто это? — обернулся и, увидев меня, крикнул строго: — Беги вперед! Живо!

Задышавшись, не в силах выговорить слова, я обогнала капитана. За недолгую фронтовую жизнь мне еще ни разу не приходилось отступать. Одержимая жаждой подвига, я попала на фронт, когда Советская Армия стремительной лавиной приближалась к логову фашистского зверя. Мне приходилось участвовать в атаках, в танковых десантах, и ни разу я не испытывала такого приступа страха.

В атаке только в самом начале делается жутковато — когда выскакиваешь из привычной тесноты траншеи на открытое поле. Но как-то очень быстро осваиваешься, едва только почувствуешь, что ты не одна. И с этого момента только одна-единственная мысль владеет тобой, гонит вперед: мысль о том, что каждый пройденный тобой шаг — это уже отвоеванная у врага земля. Бежишь, торопишься вперед, и остановить тебя может лишь пуля. Но ты слишком молод, чтобы поверить в свою гибель. Ты задышаешься от гордости и восторга, от сознания, что делаешь самую опасную и самую нужную сейчас работу на земле! Ты — солдат, и ты защищаешь всех! Опьяняющий порыв ярости выдавливает из груди тоненький крик, который сливается в едином победном крике бегущих рядом товарищей...

Глава вторая

Мы с капитаном спрятались за глухой стеной первого же дома, до которого успели добежать. Не разговаривали и не смотрели друг на друга. Отдышавшись, я было отважилась выглянуть из-за угла в сторону леса. Но капитан грубо отдернул меня за рукав телогрейки назад. И вовремя: удар пули рассек угловой кирпич, припудрив мое лицо красноватой пылью.

Нечего было и думать о том, чтобы перебраться на другую сторону шоссе, где засели отступившие бойцы. Там, в вязком сером воздухе всплескивали фонтанчики минных разрывов и пробегали бледные огоньки трассирующих пуль.

Мне стало жаль комбата, вдруг оказавшегося без войска, без штаба, потерявшего управление батальоном и связь с полком. Бледный, нахмуренный, он молчал. Жалкими казались теперь черные brave усика на его красивом лице.

Капитана Губарева я знала четыре дня — срок немалый на войне. Батальон готовился к маршу, когда я прибыла в него из госпиталя. На ровной дороге выстраивались роты, бегали, покрикивая, командиры, копошились возле своих лошадей степенные ездовые. За селом падали снаряды, не производя ни на кого особого впечатления. На фронте отвыкаешь от тишины. Она всегда кажется подозрительной.

Молодой, смуглолицый лейтенант с круглыми, широко поставленными глазами, в легкой шинельке цвета хаки указал мне дом, в котором находился комбат.

Как раз, когда я подошла к крыльцу, капитан Губарев вышел из дома в окружении офицеров. И по тому, как выделялся он своей представительной фигурой и властным красивым лицом, а вовсе не по погонам, я поняла, что это и есть комбат.

По всей форме, строго держа прямую ладонь у виска, я доложила комбату о своем прибытии. Он бегло окинул меня большими серыми глазами.

Капитану было чуть более тридцати. Это был статный, широкоплечий, немного грузный мужчина. По моим тогдашним возрастным понятиям — уже довольно пожилой. Но я отметила, что военная форма сидит на нем великолепно.

— Становись в строй, — деловито сказал он. — Будешь санинструктором у меня на КП. Моего вчера убило.

«Ничего себе, хорошенькое начало», — невольно подумала я, шагая по мокрому асфальту в группе офицеров. Я предпочитала работать в роте, среди бойцов. Не любила я эти командные пункты! Но приказ командира — закон!

Минувшие трое суток батальон с короткими боями продвигался вперед, занимая опустевшие деревеньки. Отступая, немцы злобно огрызались. На наш и так уже достаточно измотанный боями и длинными маршами батальон сыпались снаряды, мины и фауст-патроны.

Самой горькой для меня потерей была гибель ротного санинструктора Симы. Родом из Киева, маленькая, худенькая, лет двадцати восьми, с бледным усталым лицом и постоянной тихой печалью в голубых, ясных глазах, она после освобождения Киева узнала о гибели своей семьи.

Помню, как в первый день моего пребывания в батальоне мы с Симой, расположившись на брезне возле дома, ели из

Свой котелок я где-то оставила — со мной это частенько бывало, — поэтому приглашение Симы «к столу» было весьма кстати и глубоко меня тронуло.

Скромную, храбрую Симу знали во всей дивизии. У нее было уже несколько орденов.

И вот вчера, за селом, когда она в длинной шинели, с рассыпающимися по воротнику волосами, бежала на помощь к раненому бойцу, немец послал ей пулю прямо в сердце.

Я видела, как батальонный старшина Назаров, плотный, низенький мужичок с Урала, прибежал на КП батальона и срывающимся от волнения голосом доложил комбату о гибели Симы. Тот приказал похоронить ее в отдельной могиле, поставить обелиск и на нем обязательно указать все Симины награды. Выразительно рубя воздух широкой ладонью, капитан повторял громким голосом вслед торопящемуся старшине:

— Запомни: Красное Знамя, две Красных Звезды...

Я подумала, что после моей смерти комбату не придется обременять старшину такими заботами. Орденов у меня не было никаких, хотя на фронте я уже больше года, и все на передовой. Правда, за участие в десантах при уничтожении Яско-Кишиневской группировки немцев командир батальона представил меня к ордену Отечественной войны II степени. Но в штабе полка почему-то усомнились в достоверности изложенных в наградном листе фактов...

Глава третья

А сейчас мы с капитаном были отрезаны от своих. Я видела, как ему тяжело, и мне хотелось помочь ему. Но как?

Мы все еще прятались за кирпичной стеной дома. Кругом шла беспорядочная стрельба. Надо было что-то предпринимать. И вот, кажется, капитан решился. Он пристально посмотрел на меня из-под нахмуренных бровей и сказал негромко:

— Сбегай на КП полка. Узнай, как там...

Я поняла — комбат не решает идти сам на командный пункт. Кто знает, что ждет его там? Ведь батальон отступил, не выполнив приказа. Меня он, видимо, посылает на КП в разведку. Узнать, какова там обстановка.

Глухая тыльная сторона дома, за которой мы прятались, надежно защищала от

пулю. Под ее прикрытием я сползла в глубокий ровик, который тянулся позади дворов, окруженных высокими плотными заборами, и бодрой рысцой побежала по нему.

Отсюда мне плохо была видна местность, зато пули свистели здесь реже, а разрывы снарядов и мин звучали глуше.

И все-таки мне было очень страшно идти на КП полка: перед высшим начальством я всегда испытывала страх, знала, что за невыполнение приказов по головке не глядят. Да и, честно говоря, задача, которую поставил передо мной капитан, была для меня не совсем ясной...

Командный пункт полка находился на пригорке в большом сером сарае, в стороне от домов. Над самой его крышей, посвистывая, пролетали снаряды в наши полковые тылы. Внутри сарая, тускло освещенного сквозь пробитую снарядом крышу, сновали озабоченные офицеры, в темных углах надрывались телефонисты, куда-то собирались связисты с катушками.

Посредине, по земляному полу, слышными в общей сутолоке шагами метался бледнолицый майор с интеллигентной внешностью и налитыми злостью темными глазами. На шее майора белела марлевая повязка: я уже знала, что командир полка страдает хронической ангиной.

В нерешительности остановилась я перед ним. Он непонимающе, раздраженно посмотрел на меня. Потом, очевидно, поняв, по моему расстроенному виду, откуда я, резко спросил:

— Где комбат?

— Там, — неопределенно махнула я рукой.

Холодные глаза командира сверкнули, он был рад моему сообщению, что комбат жив, и теперь есть на ком отыгаться:

— Немедленно его сюда!

...Вернувшись к нашему пристанищу, я чуть не заплакала, увидев у стены одинокую фигуру капитана.

— Ну, что? — беспокожно глядя на меня, спросил он.

— Вам нужно немедленно явиться на КП, — ответила я.

— И больше он ничего не сказал? — осторожно стал допытываться капитан.

Я неопределенно пожала плечами.

Громы, молнии, угрозы расстрелом посыпались на бедную голову комбата, когда мы с ним предстали перед командиром полка. Майор бушевал, а комбат стоял перед ним по стойке «смирно»,

бледный, низко опустив голову. Не в силах видеть такое унижение человека, я выбежала из сарая, но крики разъяренного командира долетали и на улицу.

Эти несколько драматических часов боя сблизили нас с капитаном, и теперь мне казалось, что не он один виноват в случившемся, хотя события боя я, конечно, воспринимала глазами рядового бойца, мыслящего масштабами своего отделения.

Разрядив весь запас накопившейся злости и не расстреляв комбата, как вначале обещал, командир полка приказал коротко:

— Восстановить положение!

Значит, нужно собрать разбежавшийся батальон и снова начать сорвавшееся утром наступление на город. День был уже на исходе, и по первоначальному приказу мы должны были бы теперь драться на его подступах.

Капитан что-то еще уточнял на командном пункте. Приступ страха у меня давно прошел: страшно, когда ты один. Теперь же вокруг меня товарищи — моя фронтовая братва. Я вижу, как скрытно накапливаются на нашем участке силы. В недалеком тылу, за темной горкой, урчат моторы танков и автомашин. И оттуда же, небольшими группами, с карабинами в руках, перебегают в траншею на окраине деревни бойцы. С недалеких позиций бьет наша полковая артиллерия.

Здесь, в Германии, приходится воевать иначе, не так, как в других местах. Из Румынии мы вышибали немцев, действуя, в основном, танковыми десантами. Врывались в города на броне «тридцатьчетверок». Теперь на пути наших танков встали фаустпатронщики со своими реактивными снарядами.

Наши сообразительные бойцы окрестили это новое оружие Гитлера самоварными трубами. Однако немцы этими трубами жгут наши танки беспощадно, поэтому нам, пехотинцам, приходится прокладывать танкистам путь, выкуривая фаустпатронщиков из их укрытий.

Я стою под временной защитой толстой стены сарая. Надо мной низкое, мутное небо. А еще ниже летят, повизгивая, снаряды...

Один раз, после очередного разрыва снаряда, недалеко за домами, на батарее, в воздух высоко взлетели темные большие предметы — некое подобие пушечного колеса, какие-то бесформенные тряп-

ки, а немного позже раздались громкие крики. Это было прямое попадание.

Вся панорама боя на фоне декораций из красных кирпичных домиков, с шелестом, свистом и разрывами снарядов, жиденькими автоматными переливами в стороне леса, воспринимается мною как-то необычно спокойно. Будто сижу я в кинотеатре «Салават» и смотрю фильм о войне.

И вдруг — ошеломляющая мысль: если бы все это могли представить мои школьные друзья в далекой тыловой Уфе! Если бы они могли пережить, что пережили мы с утра и что еще выпадет на нашу долю до вечера...

Наверное, им не понять всего этого. Так же, как и я не могу заставить себя поверить, что где-то есть иная жизнь, без привычных звуков боя, без этих черных свистящих снарядов, без ежеминутной смертельной опасности.

Та далекая, другая жизнь кажется мне нереальной, лишенной смысла, как сон, хотя все мы стремимся к ней, пробиваемся через войну, не задумываясь о том, удовлетворит ли она нас, как прежде.

Из глубин сознания всплывает картина: сверкающая на солнце река Белая под Уфой, с плывущими по ней пароходами и баржами.

С горы, на которой стоял наш большой деревянный дом водников, с облупившейся красной краской на стенах, хорошо была видна светлая лента реки, золотая полоска пляжа на другой стороне и низкорослый лесок за ней.

В воскресные дни на реке, как говорят, стон стоял. Вся Уфа, принарядившись в легкое платье, высыпала на ее берега: каталась на речных трамвайчиках, пела и плясала, купалась, загорала...

Но вот прошло два года войны. Осиротели многие семьи. Согнулись от горя спины.

Из окна своей комнаты на втором этаже я гляжу на пустую волейбольную площадку и ясно вижу ловко подающего мячи кудрявого паренька — Васю Брагина — в ослепительно белой рубашке, с закатанными рукавами, с чуть заметной добродушной улыбкой на сероглазом, уном лице. Вася уже убит...

На другой стороне улицы, в зеленом дворе школы — теперь здесь госпиталь — учатся ходить на одной ноге, неловко опираясь на костыли, Васины ровесники — товарищи его.

Возле госпиталя все время толпятся люди. Прилипнув лицом к забору, робко поглядывает на раненых героев детвора. Стоят женщины. Потихоньку смахивают слезы.

Мать Васи Брагина, еще не старая женщина, с сухим, скорбным лицом и постоянно заплаканными глазами, черной тенью бродила ночами по двору и, потихоньку стелая, все искала, звала своего Васю. На этажах гасли окна. Над крышей дома, над площадкой, в далеком темном небе холодным огнем светились звезды...

Уже год, как я на фронте — маленький боец в большом обмундировании, несколько скрывающем изъяны моей тщедушной фигуры подростка.

Мне надо быть сильной. Ведь мне приходится таскать раненых, а они бывают очень тяжелыми, как лейтенант Чепила. Этот здоровенный парень был ранен в ноги на Сандомирском плацдарме. Он был минометчиком и весил, наверное, все сто килограммов. Мы с напарником — пожилым крепким санитаром — несли его на носилках. Чувствуя, видимо, как дрожат мои руки, как мне тяжело, Чепила кричал испуганно с носилок:

— Зина, ты меня сейчас уронишь!

Я боялась открыть рот, чтобы ответить ему. Все мое внимание, все силы были сосредоточены на том, чтобы только не разжались тонкие пальцы. Мы благополучно донесли Чепилу до санитарной повозки и у меня еще хватило силы поднять носилки на повозку.

Позже мой напарник догадался привязать к ручкам носилок широкий ремень. Я накидывала его на плечи, и носить раненых стало намного легче.

Уже в госпитале один больной майор тихим голосом, убежденный в своей правоте, говорил мне:

— А я вот не верю, что девушки на передовой раненых на себе вытаскивают. Какая у девушки сила? Вот ты, например — как бы меня тащила?

Смущенно оглядывая тощую фигуру майора, спрятавшуюся в широких складках байкового халата, я думала:

«Ах, если бы все раненые были такими маленькими и худыми, как вы, товарищ майор».

Но вслух я, конечно, ничего не сказала. Не хотелось обижать человека. Майор служил в интендантской части, и на многие вещи у него была своя собственная точка зрения...

Глава четвертая

Ко мне быстро подошел капитан. Усталое лицо его пылало.

— Будем восстанавливать положение, — решительно сказал он и спросил, показывая на левую сторону шоссе: — Ты видишь эти домики?

С пригорка, от сарая, они очень хорошо просматривались на фоне леса. Там не было никакого движения. Только раздавался громкий перестук пулеметов, которые немцы успели установить на флангах, взяв под перекрестный обстрел дорогу.

— Вижу, — ответила я.

— Тебе надо пробраться в эти дома и от моего имени... — капитан испытующе посмотрел мне в глаза — ...от моего имени собрать всех бойцов и привести их вон туда, — он указал рукой на двухэтажный серый дом, видневшийся за сараем на правой стороне шоссе, ближе к лесу.

— Там будет мой новый КП, — закончил капитан.

У меня захватило дух:

«Как? Капитан доверяет мне такое дело?!»

Не теряя времени, ликуя и стыдясь своего ликования в общей беде, летела я, словно на крыльях, вниз по склону, счастливая от того, что наконец-то мне, как настоящему храброму бойцу, доверили ответственное дело, от которого зависит выполнение боевой задачи батальоном.

Правда, комбат, кажется, без особого энтузиазма послал меня на задание. Послал потому, что больше некого было послать. И я неслась во весь дух, чтоб только комбат не успел передумать и не вернул меня назад.

Сбежав с холма, я очутилась в расположении резервного батальона. Комбат велел мне попросить там в помощь одного бойца. «Если с тобой что случится, пусть он выполнит мое приказание».

И хотя я была твердо уверена, что со мной ничего не случится и я сама сумею выполнить задание, все же, не желая нарушать дисциплину, я выполнила и этот приказ капитана.

Меня огорчил даже не отказ, а само отношение к происходящему старшего лейтенанта в щегольской черной куртке, перетянутой ремнями, который на мою просьбу ответил грубо:

Глава пятая

— У меня нет лишних бойцов, чтоб я мог ими разбрасываться. Сами приказа ждем.

— Но ведь капитан Губарев...— заикнулась было я.

Офицер не дал мне договорить:

— Капитан Губарев мне не начальник! У меня есть свой командир, которому я подчиняюсь!

За широкой спиной офицера, которой он закрывал вход в дом, сдержанно дышали притихшие бойцы.

Возмущению моему не было предела. Я представила, как капитан Губарев пробирается сейчас на свой новый КП, с каким нетерпением он будет ждать там нас, чтобы выполнить приказ командира полка о восстановлении положения на участке. Ведь немцам ничего не стоит сейчас захватить село. Может быть, только те несколько бойцов, что обстреливают дорогу из леса с ничейной полосы, и сдерживают их.

А этот сидит в резерве, за спиной дерущихся и отказывает товарищу в поддержке... И еще меня оскорбила грубость старшего лейтенанта. Такого на передовой, да еще в бою, по отношению ко мне никто еще не допускал.

Бушующие во мне смешанные чувства негодования, презрения, обиды, видимо, отразились на моем лице: старший лейтенант отвел глаза.

По иронии судьбы я еще раз свиделась с этим офицером. Но уже далеко от поля боя, в госпитале, в небольшом немецком городке. Я бы никогда и не узнала его. Он сам подошел ко мне в вестибюле и, застенчиво улыбаясь, напомнил о нашей первой встрече.

Надо ли говорить, как я обрадовалась? Все забыла и простила ему. С жадностью набросилась с расспросами, мне ведь так хотелось узнать, как был взят этот проклятый Герлиц, живы ли мои товарищи, капитан... Но ответы старшего лейтенанта повергли меня в уныние своей неуверенностью. Или он действительно ничего не знал о моем родном батальоне, или не хотел огорчать тем, что знал... О себе рассказал, что был легко ранен в ногу при взятии Герлица, когда переползал через железнодорожное полотно. Что ж, повезло человеку.

Я несколько раз потом чувствовала на себе его долгий взгляд издали, но подходить ко мне он с того дня больше не решался.

Я вся была во власти гордого порыва. Уверенно билось сердце. Тело налилось небывалой силой, стало легким и послушным. Я огибала углы домов, прижималась к стенкам, сливалась с холодной землей.

Сама природа пришла мне на помощь. Дождь усилился, и я укрылась за его завесой. Немцы лупят, не жалея боеприпасов. Однако их пулеметчики не видят меня: трассирующие стрелы пролетают выше головы. Теперь только бы не попасть под разрыв снаряда или мины.

Поймав обостренным слухом звук далекого артиллерийского выстрела, я падаю в грязь или прячусь за углом, пережидая, пока не разорвется снаряд и не разлетятся осколки.

И вот я благополучно ныряю в пространство между домами. Засевшие в домах бойцы встречают меня с молчаливым удивлением.

Послушаются ли они меня? Пойдут ли за мной? Кто я для них? Новенькая санитаринструктор батальона, пока что ничем себя не проявившая.

Но на моих плечах — погоны старшего сержанта. Я младший командир, и по уставу имею некоторую власть. Во всяком случае, я решила во время разговора с бойцами повысить держать свои плечи.

Я бодро командую:

— По приказу капитана Губарева все за мной!

Мои опасения оказались напрасными: бойцов тяготит сознание вины и неясность обстановки, и они рады выполнить приказ своего командира. Человек двадцать набралось в моей команде. Короткими перебежками, потеряв всего одного бойца раненым, мы прибежали на новый командный пункт батальона в двухэтажный кирпичный дом с выбитыми окнами и дверями.

Комбат первым делом хорошенько отругал бойцов за самовольное отступление, а закончил головомойку соленой солдатской шуткой, от которой бойцы развеселились. Напряжение спало. Глаза у всех заблестели: ведь снова все вместе и рядом — командир.

Заметив меня, капитан улыбнулся глазами, подошел ближе, ласково сказал:

— Молодец! — и при всех поцеловал в лоб.

Как ребенок обрадовалась я похвале и неожиданной ласке. Ах, как мало видела я ее в жизни, а на фронте отвыкла совсем! Охваченная необычайным приливом нежности, с волнением следила я за

каждым движением капитана, как музыку слушала его волевым голосом. Мне казалось, что прекраснее и мужественнее человека, чем наш капитан, на земле никого нет и быть не может.

Глава шестая

Между тем к КП подошли несколько оставшихся в живых офицеров. Они вырвались из засады с другой стороны леса. Уставшие, с темными лицами, в заляпанных грязью сапогах, они представлялись неприязненно поглядывавшему на них капитану. Среди вернувшихся я, к своему огорчению, не видела нашего замполита...

Как-то на марше ко мне подошел высокий сутуловатый майор средних лет и стал подробно расспрашивать о моей жизни, о дорогих сердцу каждого фронтовика родном доме и школе. Майор заинтересовался даже моими школьными отметками. Кажется, они его удовлетворили. Особенно ему понравилось, что по русской литературе у меня всегда были пятерки. Я призналась, что моим любимым предметом в школе была литература. Майор спросил, не пробовала ли я сама написать что-нибудь. Нет, не пробовала. Вот разве что, по просьбе одноклассниц, от их имени писала письма на фронт «дорогим, незнакомым бойцам»... Адреса нам давали раненые из подшефного госпиталя. Письма эти трогали моих подружек до слез.

А уже с фронта, с Сандомирского плацдарма, я написала от имени всех бойцов роты письмо Илье Эренбургу с благодарностью за его патриотические статьи. Писатель ответил мне и прислал на память свою книгу «Рассказы этих лет». Об этом была заметка в дивизионной газете.

В ответ на мою откровенность, майор рассказал о себе.

До войны он преподавал литературу и уже пробовал свои силы как писатель. Его очерки печатались в республиканском журнале. Озорно улыбнувшись, он сказал, что даже и гонорары получал, чему я была немало удивлена. Мне казалось, довольно и того, что тебя напечатывают, а оказываются, еще и деньги платят.

На майора я глядела с восхищением, как на будущего знаменитого писателя.

«Хорошо, что такие люди на фронте есть,— думала я.— Должен же кто-то описать вот это время и эти события».

После беседы с майором у меня стало радостно на душе, как будто мне неожиданно преподнесли подарок. Суровый мир войны раздвинулся. В этом человеке я, так далеко занесенная войной от родного дома, почувствовала друга, который

никогда тебя не обманет. Есть такие люди на земле: они живут для того, чтоб было хорошо другим.

С первыми же выстрелами, раздавшимися утром в лесу, замполит бросил на ходу командиру:

— Пойду узнаю, что там,— и побежал в лес.

До сих пор он не вернулся. Может быть, это он отстреливается где-то там, в стороне леса, откуда все еще доносятся нечастые выстрелы? Живое лицо майора с его чистым взглядом глубоких карих глаз все время стояло передо мной. В ушах звучал его немного смущенный откровенностью голос.

...Комбат начал расставлять силы. Высокого светлоглазого бойца с ручным пулеметом послал к высоте, чуть правее и впереди КП, чтоб тот держал под обстрелом выход из леса.

Боец, путаясь в длинных полах шинели, с пулеметом на плече, тяжело побегал по размытому полю к высоте. Очертания его высокой фигуры расплывались в сером густеющем воздухе.

Неожиданно громко, совсем рядом, из-за высоты, куда бежал боец, отрывисто застучал пулемет. Боец остановился, обернул в нашу сторону лицо и повалился боком на землю.

— Санитары! — рявкнул комбат.

У внутренней стенки комнаты неподвижно замерли два пожилых коренастых бойца. Команда капитана не сдвинула их с места. Моим первым чувством при виде растерявшихся санитаров было презрение. «Почему старые люди так боятся смерти?» — зло подумала я. Но встретившись с ясными, жалобно глядящими, какими-то детскими глазами обоих стариков санитаров (стариков — в моем тогдашнем восприятии), меня осенило: «Да у них же, наверное, семьи, дети!»

Рывком, закинув санитарную сумку подальше за спину, я с легкостью перышка слетела с низеньких ступенек крыльца. А вслед мне несея высокий командирский окрик:

— Назад!.. Вернись! Я приказываю!

«Что уж тут приказывать, товарищ капитан,— с досадной горечью думала я.— Должен ведь кто-то идти».

Липкая грязь расплзлась под моими сапогами. Я бежала немного боком, выставив вперед правое плечо. Очень уж не хотелось, чтоб пуля попала прямо в сердце, как Симе.

Обостренные, насторожившиеся чувства вбирали в себя весь раскинувшийся передо мною живой мир. И было немного тоскливо, что все такое чужое и серое окружает меня в эти минуты. Какая-то клеточка мозга зажглась было далеким солнечным видением детства и тут же погасла, придавленная действительностью.

Уголком глаза я вижу шевелящийся серый бугорок, к которому бегу. Упругий ветер толкает меня в грудь, и мне кажется, что со следующим его порывом прилетят пули. Все живое оцепенело, замерло во мне.

Я все время поглядывала на высоту, и мне казалось, что слева, у ее подножья, я вижу осторожно приподнявшуюся высокую немецкую каску и уставившиеся на меня из-под нее немигающие, холодные глаза.

«Ну, что же ты не стреляешь? Чего ждешь? — мысленно обращаюсь я к немцу. — Ты же видишь, я не боюсь тебя!»

Всю любовь к жизни, всю ненависть к фашистам вложила я в этот крик души. Немец не стрелял. Только пристально смотрел на меня сквозь серую пленку дождя.

Я подбежала к раненому пулеметчику. Барахтаясь в грязи, он ухватился за мои ноги, пытаясь подняться. Шапка свалилась с его головы, обнажив трогательно-нежный, почти детский, стриженный затылок. На тоненькую белую шею жестким хомутом напоз суконный воротник шинели.

Я наклонилась к нему. На побелевшем, как мел, лице — синие испуганные глаза в трепещущих светлых ресницах. Он узнал меня. Как будто стесняясь своей беспомощности, тихо попросил:

— Сестренка, помоги...

— Сейчас, сейчас, — торопливо отвечаю я, быстро подсовывая руки под его вываленную в холодной грязи, вставшую коробом шинель.

Под ней теплое, вздрагивающее тело. Расстегиваю сбившийся на сторону солдатский ремень. «Куда же ты ранен? Так и есть — в живот!» На гимнастерке дырка с опалинкой от пули, небольшое пятно крови. Она теперь заливает ему внутренности.

Бедный мальчик! Ранения в живот обычно бывают безнадежными.

Помогая раненому, я все время чувствовала на себе сковывающий движения чужой пристальный взгляд. Обнявшись с бойцом, мы медленно идем к дому. Я говорю ему какие-то утешительные слова, но сама их не слышу. «Вот сейчас, сейчас», — стучит в моих висках. Поясницу как будто сдавливает железный обруч, Именно туда жду я пули. Дышать становится все тяжелей.

Внезапно напряжение срывается в ослепляющую ярость. «Ну что же ты не стреляешь?» — чуть не кричу я, посылая проклятия немцу.

Уже недалеко и крыльцо. В проеме выбитой двери я вижу родные лица капитана и бойцов. Ах, как хочется птицей взлететь на крыльцо и нырнуть внутрь дома, за его толстые стены. Но раненый не может идти быстрее.

«Наверное, он убьет нас на крыльце, на глазах у товарищей», — трепещет в сознании мысль.

Но пулемет молчит. В томительной тишине поднимаемся на крыльцо, и я передаю раненого в услужливо протянутые сильные руки санитаров. Они кладут его в углу на пол и хлопотливо склоняются над ним.

Под пристальным взглядом комбата мелкими шажками, боясь потерять равновесие, я иду в другую комнату просторного особняка и опускаюсь в глубокое мягкое кресло в углу.

На выбитых окнах под сквозняком колыхнутся тяжелые темные портьеры. На полу валяется раскрытый семейный альбом. Возле него, припечатанные солдатским сапогом, разбросаны глянцевые фотокарточки. На них строго застыли надменные, никому не страшные теперь «покорители мира» в эсэсовской форме, с черной свастикой на рукавах френчей.

Сердцу в моей груди делается тесно. Оно шумно стучит. Стук его отдается в голове, в отяжелевших руках и ногах. Кажется, я не смогу сдвинуться с места. Да я и не пытаюсь этого делать.

В оштукатуренную стенку за окном сухо щелкают пули, а через мгновение долетает глуховатый густой звук пулеметной очереди.

«Наверное, у него тогда пулемет заело», — с поразительным безразличием, как сквозь сон, догадываюсь я.

Глава седьмая

Дальше оставаться в этом особняке становилось опасным. Он был хорошим ориентиром, а по активности немцев чувствовалось, что они не собираются оставлять свои позиции в лесу. Наоборот, складывалось впечатление, что они накапливают силы. Обнаглевшие фаустпатронщики открыто расхаживали по опушке леса со своими трубами.

Мы сменили позиции и заняли пустой кирпичный домик недалеко от леса, с левой стороны от шоссе. На чердаке бойцы установили пулемет. Те, что с винтовками, пристроились у оконных косяков. Двоих из них легко ранило автоматными пулями — одного в плечо, другому содрало кожу на затылке. Я перевязала их и поместила в маленьком подвале, заваленном картошкой и овчинами.

Осмотрев этот подвал с крошечным окошком-амбразурой, через которое еле пробивался серый свет, комбат скомандовал:

— Здесь будет мой КП! — и приказал тянуть сюда связь.

Скоро в подвал спустился невысокий худощавый офицер-артиллерист с усталым угрюмым лицом. Он доложил комбату, что его батарея придается нашему батальону. Полк подкреплял нас артиллерией. Это уже хорошо. Батарея стояла недалеко за домами, а ее командир пришел к нам на КП за уточнением совместных действий. Капитан Губарев велел ему подождать.

Офицер устало прилег на овчину и молча уставился в одну точку.

Я тоже сидела на белой овчине, спиной к маленькому окошку, и чувствовала себя не совсем хорошо. Хотелось есть. Ведь мы с утра еще ничего не ели. Бойцы, правда, подкрепились компотом в домах. Мне же все некогда было.

Влажное, выпачканное в грязи обмундирование неприятно прилипало к телу. Было как-то зябко. Раненые прикорнули

в уголке недалеко от меня. Они дожидались темноты, чтобы отправиться в санроту.

Низенький сырой подвал, заваленный картошкой, с кислым запахом овчин, казался замурованным склепом, где нечем дышать и откуда уже невозможно выбраться. Сзади из окошка потянуло холодом. Я чуть отодвинулась в сторону. Какое-то беспричинное, томящее душу, беспокойство овладело мной. Я почувствовала себя страшно одинокой...

Чтобы избавиться от тоски, я начинаю привычно, как ленту, раскручивать обратную дорогу до Уфы. Моя мысль летит в необозримом пространстве через города и села, над дорогами, реками, высотами, плацдармами, за которые мы дрались. Она замирает в полете, кружится у тех мест, к которым прикипела моя душа...

Молдавия — земля обетованная — с теплыми ароматами щедрой земли, молодым небом, в которое не насмотришься, хрустальным воздухом которым не надышишься, с братским кладбищем в зеленых куцах у села Скуляны.

Там навсегда остался, обратившись в маленький холм земли с листиком фанеры в изголовье, командир минометной роты, старший лейтенант Владимир Рачков, двадцати лет, из-под Москвы, со станции Измайлово.

Ах, как спокойно держались мы, случайно оказавшись рядом, при очередном налете «мессеров» на нашу беззащитную колонну. Как не спеша, руки в карманы брюк, шли по ровному полю к лесу, когда визжали, трескались о землю бомбы и немецкие летчики расстреливали бегущих по полю бойцов. В светлой роще с дрожащими на траве солнечными зайчиками командир минометной роты серьезно и просто сказал мне:

— Приходите сегодня вечером на чай!

Как забавно, необычно прозвучало на фоне бомбежки это милое, скромное приглашение «на чай».

Меня еще никто никуда раньше не приглашал. Я считала себя некрасивой девочкой и лютой ненавистью отвечала каждому, кто пытался ухаживать за мной. А ребята вокруг были как на подбор. Лучшим из них был Володя Рачков — «Печорин», по мнению медсанбатовских девчат.

Вечером в молдавской хате мы пили чай «по-интеллигентному». Правда, из

солдатских кружек и с сухарями, но говорили о стихах Есенина и Блока.

В открытое окно из цветущего сада на нас смотрела теплая добрая ночь. Мир был прекрасен, несмотря на войну. Прекрасна была наша всепобеждающая молодость с казавшейся бесконечною жизнью.

Мы расстались, обменявшись фотокарточками, ничего особенного не сказав друг другу, уверенные, что все еще впереди, что, может быть, еще встретимся снова где-нибудь случайно на дороге войны.

Но война распорядилась иначе. Володю с ротой отправили на плацдарм, занятый нашими войсками на другой стороне реки Прут, на румынской стороне. Там он погиб, заваленный землей при разрыве тяжелой бомбы. Когда его откопали, он был еще жив, но спасти его уже было нельзя...

Глава восьмая

Сверху доносится голос комбата. Он приказывает старшине везти ужин.

«Видно, ночь просидим здесь, — думаю я. — Куда же ночью наступать? Да и немцы, вроде, притихли».

В подвале появляется мой знакомый смуглолицый лейтенант. Он возбужден и громко рассказывает, как, убив двух немцев, вырвался из засады. Рассказывая, лейтенант жестикулирует. Его можно понять. Это ведь радость спасения кричит в нем.

Я спрашиваю у него, не знает ли он о судьбе замполита. Нет, не знает. Однако видел его далеко в поле, в воронках, вместе с бойцами.

— Наверное, темноты ждут, — неопределенно пояснил он.

У меня немного отлегло от сердца. Появилась надежда, что майор жив.

Пристально посмотрев на меня, лейтенант сокрушенно покачал головой:

— И тебе тоже досталось сегодня. Поползала по грязи.

Мне стало вдруг стыдно за грязные бьюки и телогрейку.

— И на щеке вон...

Тут лейтенанта окликнули сверху.

Стащив со спины санитарную сумку, достаю зеркальце и бинт и вытираю грязь со щеки. Снимаю шапку, смотрю на свои свалывшиеся вихры.

«Плохо дело, — думаю с горечью. —

Девушка всегда должна быть опрятной. Тем более, в обществе мужчин». Так мне внушали я от старшие.

Откинувшись в сторону, я лезу в правый карман брюк за расческой...

Огненная хвостатая комета скользнула из-за моей спины, ослепительно вспыхнула у ног и пылающими брызгами осколков рванула во все стороны.

Очнулась я от звона в ушах. Кто-то рядом хрипел:

— Сестра, сестра...

Пытаюсь подняться с желанием оказать зовущему помощь. Но левая рука, на которую я опираюсь, почему-то странно подгибается, и кругом — темно.

«Что же случилось?»

Правой рукой тянусь к голове и нащупываю что-то горячее, мокрое, скользкое. В страхе думаю, что это мозги.

До моего слуха доносится издали: — Товарищ капитан, их убило!

«Как — убило?»

Страшная мысль, что вот сейчас наши

отсюда уйдут, ворвутся немцы и приколют штыком, побуждает меня к движению.

Опираясь на локти и колени, ползу и сразу наталкиваюсь на какое-то мягкое препятствие. Рука чувствует тонкое сукно и дутые пуговицы на шинели. Артиллерист?.. Наверное, это он звал меня на помощь. Переваливаюсь через его тело. Натыкаюсь на грудь кирпича. Протираю залитые кровью глаза. Кое-как хватаюсь правой рукой за острые остатки стены и поднимаюсь.

Первое, что вижу в раздвинувшейся передо мной темноте,— огромные, изумленные глаза комбата.

«Неужели я такая страшная?»

Но жажда и радость спасения вытесняют эту мысль.

— Товарищ капитан,— шепчу я непослушными, мокрыми от крови губами.— Спасите меня...

— Сейчас, сейчас,— тоже шепчет он, как-то странно суетясь возле меня.

У меня такое ощущение, будто я горю. Горячая кровь льется на шею, грудь, по лицу. Кажется, здорово пострадала голова — чувствую, как она дымится.

Меня окружают бойцы, усаживают на стул.

— Бинты! — глухо командует капитан.

Ребята разрывают и подают капитану свои индивидуальные пакеты. Капитан бинтует мне голову и лицо. Кто-то из бойцов приподнимает мою удивительно тяжелую, бесчувственную руку без пальцев, вздувшуюся, обожженную синим порохом. Но, странное дело, мне совсем не больно, хотя я и вижу, как оттуда, где совсем недавно были мои тоненькие белые пальцы, на пол капает кровь.

И голова тоже не болит. Только горячо и тяжело. Это потом, в госпитале, я изведу все муки живой плоти, когда иссеченная осколками, распухшая голова будет казаться мне огромным чугуном, по которому бьют тяжелыми палками. Видавшие виды медсестры сжалются надо мной и несколько ночей подряд будут делать мне уколы недозволенного при ранении в голову морфия.

Склонившись близко ко мне, капитан осторожно прикладывает мягкие бинты к моей изуродованной руке, и на бинтах вспыхивают красные маки... Я очень близко вижу доброе, красивое лицо капитана и стоящих вокруг меня товарищей. Мне так приятно их внимание. Но только поче-

му они так растерянно, так жалобно смотрят на меня?

Закончив перевязку, капитан мягко, как-им-то севшим голосом говорит:

— Ну, вот и все. Теперь тебе надо в санроту. Я тебе дам бойца. Он поможет. Добежишь?

— Добегу,— равнодушно отвечаю я. Но разве это важно? Для меня важным было другое. Я никуда не хочу уходить. Ни в какую санроту.

Глава девятая

Уйти и навсегда расстаться с этими людьми? Как же так?

Опаленные горем войны, мужественные и терпеливые, каждый день готовые идти на смертный бой, они не очень-то были нежны и внимательны ко мне, мои фронтовые рыцари. Но кто-то из них прикрывал мои плечи своей шинелью на привале. Чья-то корявая, пахнущая махоркой и железом рука совала мне кусок солдатского хлеба, чьи-то добрые глаза, молчаливо жалеючи, согревали мое сердце.

Иногда они простодушно подсмеивались над моей житейской неосведомленностью. Но сквозь эти насмешки сквозила обыкновенная человеческая зависть к чужой молодости, полной еще не раскрытых тайн.

Однажды на Сандомирском плацдарме был ранен в атаке командир взвода лейтенант Владимир Лицкевич, родом из далекой для нас, уральцев, страны Белоруссии.

Его взвод уже вышвырнул немцев из первой траншеи и преследовал их дальше, когда по полю забарабанили мины. Лейтенанту перебило ноги. В хромовах блестящих сапогах, они безжизненно висели, как вытянутые лапки мертвой птицы, когда старшина роты нес Володю на спине.

Я наложила на раненые ноги жгуты. Сделала перевязку.

Володя часто рассказывал нам о своей Белоруссии. Из его восторженных рассказов мы заключили, что лучшей земли, чем Белоруссия, на свете нет. И сам он был какой-то светлый и радостный человек, общение с которым всегда приятно.

...Он лежал на дне глубокой санитарной повозки, бледный, весь обмякший, но еще возбужденный атакой, и звал меня срывающимся, охрипшим голосом:

— Сестренка, наклонись. Дай я тебя поцелую.

Я исполнила его просьбу. Оторвавшись от его сухих, жарких губ, помчалась к своей дерущейся роте, подставляя пылающее лицо ветру, чтоб он высушил слезы на глазах.

Быть бойцом на огненной черте жизни и смерти, защищать других, облегчать страдания людям на войне, было целью и смыслом моей жизни, иной судьбы я себе не желала.

Твердая уверенность, что я — маленькая школьница из Уфы, Зина Шипанова, по прозвищу «Шимпанзе», которым наделили меня мальчишки за умение лазать по деревьям, — нужна этим людям, этим сильным мужчинам, совершающим великий подвиг на земле, придавала мне необходимые в тех условиях физические силы, которым, порой, я и сама удивлялась.

Я гордилась тем, что была полноправным членом самого крепкого и чистого братства на земле — окопного братства, и что я — солдат Советской Армии, Армии-освободительницы.

Ах, с какой гордой головой шла я по улицам немецких городов!

В своих мечтах я давно сотворила свое будущее. В нем было два исхода — или меня убьют, или я останусь жива. В последнем случае я предполагала остаться в армии навсегда — девушкой в шинели. Никакая другая жизнь не представляла для меня никакой ценности, она казалась мне уделом слабых. Армейский коллектив с его ясностью, точностью и простотой был для меня воплощением справедливости.

И вот все мои планы разрушились. Меня тяжело ранило... Этого я никогда не предполагала. Может быть потому, что слишком много перевязала чужих ран. Все мое существо сопротивлялось столь неожиданному повороту в судьбе. Потрясенная случившимся, стояла я, лихорадочно ища какой-нибудь другой выход, кроме того, что уже определился.

А вокруг шла обычная боевая работа: стреляли, заряжали винтовки, что-то кричали. Каждый делал свое дело в бою. И все это уже без меня... Нет, не могла я так просто уйти. Я должна была что-то сказать им. Такое, чтобы они навсегда запомнили меня, не забывали, чтобы они знали, как я люблю их.

Но бойцы, подчиняясь дисциплине боя, уже стояли на своих местах. Им было не до меня. Я уже выбыла из их строя и, подчиняясь требованиям той же дисциплины, обязана была немедленно покинуть батальон.

Только капитан все еще находился возле меня. Видно, ему было жалко меня. Я боялась, что и он сейчас уйдет: мне так нужно было что-то сказать ему. Только как решиться? Ведь такое говорят наедине, без свидетелей. А тут кругом люди и все ждут капитана.

Силы оставляли меня. Дрожали ноги. Тошнило. Из разорванной щеки в рот все время попадала кровь, и я ощущала ее соленый вкус. Голова вдруг начала разрастаться до необыкновенных размеров и гудела, как кипящий котел. Мысли с трудом пробивались в ней.

Собрав все свои силы, в безудержном отчаянии повернулась я к капитану, схватилась здоровой рукой за рукав его шинели, на цыпочках дотянулась до его лица и, захлебываясь кровью и перехватившими горло рыданиями, еле выговорила отяжелевшим, немеющим языком:

— Товарищ капитан, я люблю вас!

В широко раскрытых серых глазах капитана затрепетала обнаженная болью душа. Казалось, он вдруг вспомнил что-то или пытался понять. Но это длилось короткий миг. Сдвинув густые брови, он махнул рукой и сказал, как говорят взрослые, занятые люди надоевшему ребенку:

— Ну, хорошо, хорошо.

Потом крикнул бойца:

— Щегильчин! Бегите в санроту. Мы вас прикроем!

Бедовый, сильный боец Щегильчин крепко сжал мою вымазанную кровью ладонку и вывел меня из дома. Мы шли, как ходят, взявшись за руки, дети, знакомым мне путем к КП полка, за которым находилась и наша санрота.

Из укрытий нам махали руками бойцы, что-то кричали. Но я уже не могла их слышать. Все окружающее вдруг отдалилось от меня, и лишь какая-то неведомая сила еще держала меня на ногах.

С чердака дома, прикрывая нас, короткими очередями стрелял станковый пулемет. Этот удаляющийся, глуховатый голос пулемета звучал для меня последним приветом моего родного батальона.

Валерий ТРЯПША

Степь

Степь — это дымные ноздри коня,
Снежный порыв вихревого огня.
Люди с глазами стремительных птиц,
Топот сайгаков и клеток орлиц.

Тлеют в земле иноземцев щиты,
Прадедов наших светлеют кресты.
Пасмурь озер и грохочущий бур,
И, словно выстрел в века, — Байконур...

По углам большого дома
Блинный катится угар.
Я сижу у Спиридона,
Пью десятый самовар.

Бригадирские хоромы
Белобоки и тихи.
Застывают у порога
Шалопай-петухи.

Поведут зрачками мимо,
На меня уставят взор.
И — взорвавшейся миной —
С кукареканьем во двор!

Говорим о том, об этом,
Рыбаку одна беда:
Как бы в нынешнее лето
Да не вздыбилась вода.

Остроскулую мерлузу,
Опрометчивую сельдь
Выгребают полногрудно
Спиридоновская сеть.

Отдыхает в гардеробе
Китель с маленькой звездой.
Спиридон в рыбацкой робе
Объясняется со мной.

Отмечаются напасти,
И свободна и свежа
Открывается мне настезь
Вся поморская душа!

Рай для тела — это баня.
Я не верю в рай, но здесь
Я по ребрам барабаню,
Из себя гоню болезнь.

Дверь открыта.
Тянет стужей —
Тридцать градусов!
Беда!
Вдоль деревни лентой кружев
Протянулись провода.

Снег раскатист, чист и хрупок,
Не видал такого век.
И заснеженным тулупом
Лезет в двери человек.

Вышло горе, как заноза,
От недуга — ни черта.
Русь врачуетса березой
И поэтому чиста!

Волною — вода.
И волною — снега.
И солнце —

оранжевым лбом в берега!
Четыре палатки. Винты вертолета.
Кошмою нетронутой — мох по болотам!
И тундры смеркающей

призрачный бег.
Да бритвой сверкающей —
рухнувший снег!
Работа на плечи, а к вечеру с плеч.
И хочется это

навечно сберець.

МВ

ТАЕЖНАЯ ПЕСНЯ

ПАМЯТНИКИ СОЛИ КАМСКОЙ

*К нам пришедший
из русской древности,
Как тревожный
былинный сказ,
В камской,
вечно живой напевности,
начинается Соликамск.*

В. Радкевич

Нельзя не любить этот город... Он достоин стоять в одном ряду с такими архитектурными жемчужинами России, как Владимир и Суздаль, Псков и Новгород.

Пищевая соль, этот обыкновенный, но неоходимейший в жизни продукт, дала начало этому городу. Первые русские люди пришли сюда в поисках «рассольных мест» — еще от новгородских ушкуйников было известно о них. Месяцами бродили первопроходцы по таежным тропам, наблюдая за отложением соли на берегах рек, выслеживая диких зверей, знающих «соленые» места. Бурили скважины при помощи хитроумных воротов. Из пробурявленных или выжженных стволов деревьев укладывали трубы для откачки рассола.

Сложная была работа — на установку одной трубы уходило от трех месяцев до четырех лет.

Именно соляные сооружения — трубы, башни вокруг них, лари для сбора рассола, варницы — стали первыми постройками нового поселения на берегу речки Усолки.

Основание города приписывают купцам Калининковым. Кто они были, эти предприимчивые искатели — отец и сыновья, а может, братья, — мы не знаем. Известно только, что в начале пятнадцатого века посадские люди Калининковы, выходяцы из Вологодчины, завели солеварение на речке Боровице, притоке Камы. Около 1430 года они переселились южнее, на реку Усолку, — там нашлись более насыщенные рассолы. Район новых солеварен и определил расположение города.

Сведения эти впервые опубликовал пермский чиновник, один из первых краеведов Прикамья Василий Берх, сославшись на документ, полученный от местного жителя Акинфия Трофимовича

Деревянное кружево карниза Введенской церкви.
Фото А. Некрасова.

←

Ливанова. Он же подсказал и то, откуда имя городу: первые промышленники и жители прибыли из Балахны, Усть-Сысольска, а также из «соляных мест» — Старого Усоляя, Соль-Вычегодска. Не удивительно поэтому, что и новое поселение они назвали Солью Камской.

Поначалу мастера и жили в помещениях варниц. Затем начали рубить избы, храмы, построили крепость для защиты от врагов.

Через Соликамск вскоре прошла знаменитая Бабиновская дорога — новый кратчайший путь из России в Сибирь, проложенный крестьянином Артемием Бабиновым, родом из села Верх-Усолка. К концу семнадцатого века Соль Камская уже давала соли в несколько раз больше, чем все остальные солеварни России вместе взятые, и стала крупным торговым центром, пограничным городом со своей таможней.

К тому же дорога из Москвы на Соликамск проходила через древние русские города, такие, как Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Вологду, Устюг. Из Соликамска путь вел и дальше на восток, куда шли русские люди осваивать богатую Сибирь.

Город стал известен в России, а вместе с городом прославились и его мастера. Не случайно царь Петр вытребовал их специальным указом для строительства новой столицы.

К тому времени в самом Соликамске уже появились здания из кирпича. Каменных дел мастера всего за тридцать-сорок лет построили редкий по красоте архитектурный ансамбль, донесший до нас само дыхание истории. Менее полувека — и больше десятка уникальных зданий, ставших теперь памятниками архитектуры. Даже по нынешним временам это поражает. Бесконечное разнообразие узоров, обилие украшений, красочные пятна изразцов, ажурные кованые решетки — неистощима была архитектурная фантазия народных зодчих, а материал прост — кирпич да железо.

33

Памятники, дыхание истории — это, конечно, хорошо, но ведь большинство из сохранившихся древних зданий — церкви. Зачем они нам?

Тут надо вспомнить историю. В далеком прошлом все, что было талантливого в стране, привлекалось на службу церкви. Кто хорошо пел — приглашали в церковный хор, имел талант к художествам — учили на иконописца. Ну, а о талантах зодчих, каменщиков, плотников и говорить не приходится — их руками, по их замыслам создавалась «каменная летопись» — церкви.

Нельзя забывать также, что в далеком прошлом церкви и соборы были не только местами богослужения. В них хранили казну и дипломатические документы, сажали на престол князей, решали важные государственные вопросы, напутствовали на бой войско и праздновали победу над врагами. Соборы нередко служили и крепостями при обороне от полчищ противника. Старинные здания — роскошные церковные соборы и скромные маленькие церквушки, суровые воеводские дома и крепостные башни — все эти памятники донесли до нас народное понимание прекрасного, они живые свидетели давно минувших дней, давно ушедших людей. Нередко произведения древних зодчих доходят до нас в искаженном и перестроенном виде, и лишь труд со-

временных мастеров — исследователей-реставраторов — помогает вернуть их былой облик.

Вот и восстановленный реставраторами шпиль соборной колокольни ныне виден с самых дальних точек города. Без этой стройной вертикали невозможно уже себе теперь представить центр Соликамска.

Колокольня эта была построена в 1713 году и предназначалась сразу для двух соборов: зимнего Крестовоздвиженского и летнего Троицкого — между ними она и расположена. Построили колокольню на «палатах каменных» — двухэтажном доме на «подклете», где хранились купеческие товары.

Внутренние, трехметровой толщины, стены здания, пересекаются в виде креста. Они-то и держат на себе узорчатую восьмигранную башню, которая завершается легкой аркадой и тремя ярусами «кокошников» — расположенными вперебежку декоративными арочками. А венчает ее устремленный ввысь шестидесятиметровый шпиль с небольшой главкой и простым крестом.

Но что это? Двухсотпятидесятилетняя колокольня наклонна! Хотя крен и не увеличивается, в отличие от ее древней сестры в итальянском городе Пизе, но она тоже «кривая», как называли в старину такие наклонные башни.

Не побоимся, поднимемся на ее верхнюю площадку. Оттуда можно увидеть целиком весь ансамбль.

С железным скрипом открывается в стене небольшая дверца, и мы ступаем на холодную каменную ступень внутрискрипной лестницы. Одолев сначала ее, а потом шаткие деревянные лестницы внутри башни, выходим на площадку звонницы.

Раньше здесь были колокола, целая дюжина. Самый большой весил 355 пудов, а два маленьких, «вестовых», колокола весили по 20 фунтов. Они играли большую роль в жизни древнерусского города — звонили «во дни торжеств и бед народных». «Соликамские звоны» не так известны, как, скажем, ростовские, но и здесь среди медных великанов были свои любимцы. Особенно почитался повседневный колокол Красносельской церкви. За радостный и чистый звук он звался Веселилом. Был здесь и свой Лебедь. А один из колоколов за свой раскатистый бурлящий звук называли Бурлом.

С площадки весь город как на ладони. Сразу становится ясно, как удачно выбрано место для города: близость реки, особенности рельефа — город строился с нагорной стороны и поэтому был защищен от свирепых в этих местах юго-западных ветров.

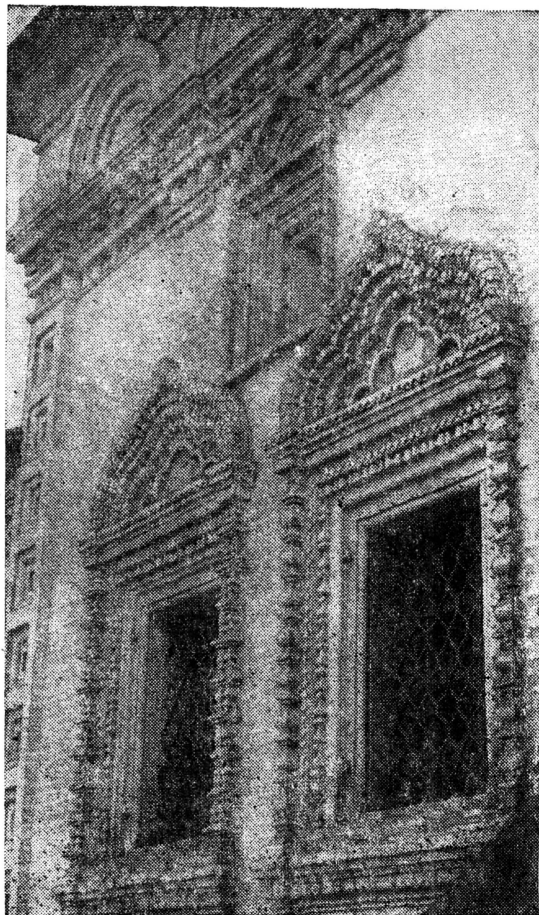
Если смотреть от реки, то в центре — посад, слева от него ансамбль женского монастыря, а справа ансамбль бывшей крепости. В западной части города, на крутом берегу, расположился обнесенный высокой каменной стеной мужской монастырь. Около него на левом берегу находились склады, здесь соль грузилась на баржи. К этому-то «видному» месту и обращены все здания парадной стороной — своими главными фасадами. Создание такой лицевой стороны города очень характерно для древнерусского градостроительства.

Монастыри стоят на флангах города, по-видимому, не случайно — скорее всего это вызвано соображениями обороны.

Центр города определен пересечением сухопутной и водной дорог — главным торговым местом. Центральный ансамбль «посада» расположен подковой. Здесь редкий по своей декоративной отделке Крестовоздвиженский собор, четкая вертикаль соборной колокольни, довольно скромная, но уместная здесь Воскресенская церковь, величественный Троицкий собор. Дивная своей резьбой Богоявленская церковь и неприступный Воеводский дом замыкают ансамбль с востока.

Здания, очень разные и по своей величине, и по оформлению фасадов, и по назначению, расположены свободно, непринужденно, но вместе с тем очень разумно: учтены и рельеф местности и направление ветра, вид с Усолки. И нужды жителей — между высокими зданиями образовалась Соборная площадь, естественный центр города. Причем, чтобы украсить площадь, место постоянного скопления народа, мастера пошли даже на нарушение церковных канонов: обращенный к центру посада алтарный выступ Крестовоздвиженского собора украшен богатым порталом, чего обычно никогда не делалось.

«Свободная планировка» древнего Соликамска интересна и поучительна для современных градостроителей. Наши архитекторы часто жалуются на сложность планировки городских кварталов, если здания нужно ориентировать по ме-

Каменное узорочье соликамских храмов

Фото П. Деркача

ридиану — на север. Однако древние зодчие тоже были связаны ориентацией (например, церковь нужно было ставить алтарем только на восток), но они успешно решали эту задачу.

Почувствовать у них можно и уважение к созданию своих предшественников — соликамский ансамбль создавался разными мастерами на протяжении почти сорока лет, однако каждый мастер ставил свое здание так, чтобы оно «звучало» в стройном хоре с другими.

Но чтобы полнее оценить искусство соликамских мастеров, стоит осмотреть их творения внимательным глазом вблизи.

Вот Троицкий собор. Он построен в последние годы семнадцатого столетия — самого сложного, самого интересного периода в развитии древнерусской культуры. Позади была полоса бурных событий начала века: голод, пожары, иноземные нашествия на Русь, Крестьянская война, — «Смутное время», как назвали этот период истории.

Мирские вкусы хлынули тогда и в церковную архитектуру. Каменных дел мастера смело вносят в строительство из кирпича привычные глазу мотивы деревянных построек. Стены жилых палат

и церковных соборов одеваются богатым декоративным убранством. У церквей появляются наружные лестницы и шатровые крыльца — как в жилых теремах.

Техника строительства тоже стала более высокой: появились новые конструкции сводов, часто применяется железо — для связей, решеток, перемычек, оград. Стены украшаются поливными изразцами. Грани между церковным и гражданским зодчеством стали стираться — ведь одни и те же мастера строили жилые дома и церкви, соборы и терема.

Троицкий собор раскинулся на высоком холме и как бы завершает собой центральный ансамбль древнего города. Перед нами обычный тип храма на «подклете», этом хранилище разных хозяйственных припасов: от местной соли — «пермянки» и дорогих сибирских мехов до пшечного зелья, — с галереей, приделами, крыльцами. И не сразу разберешь — чем же он так привлекает, что глаз не оторвать.

Собор, состоящий из главного храма в центре, двух боковых приделов, связанных галереей и алтарными абсидами, производит впечатление единого монолита, устремленного вверх.

Начинается это движение от крылец. Они как бы вырастают из земли и служат точками опоры для всей этой массы камня. И сами крыльца и ведущие в собор подьемы с «ползучими» (и в самом деле — как бы ползущими по рельефу) арками повторяют естественный изгиб холма. А затем плавно начавшееся было движение успокаивается — глаз останавливается на спокойно протяженном объеме галереи.

Вместе с полукружиями алтарных выступов галерея служит основанием, своеобразной «стартовой площадкой» для последующего взлета. И взлет этот композиционно уже подготовлен — малые кубы боковых приделов уверенно и прочно подкидывают небольшие изящные главки. А стрельчатые кокошники окон подхватывают дальше этот мотив вертикального движения архитектурных форм. Теперь этот взлет уже не остановить... Могучий подъем центрального куба, украшенные глухими арочками «барабаны» точно каменные пружины взметнули ввысь мощное пятиглавие.

Главное в этом соборе — идея движения, взлета, застывшего в камне. Проведена она очень последовательно и умело, с большим профессиональным мастерством.

Зодчий, строитель храма, был не просто талантливый мастером, он был и выдающимся руководителем: он сумел объединить творческие усилия разных мастеров на пути к одной цели — создать ощущение праздника, какой-то необыкновенной радости.

Особенно хороши крыльца, их уцелело два — северное и западное, от южного исследователи нашли лишь остатки фундаментов. Устроенные на три схода, крыльца подчеркивают центральное место собора в ансамбле города, его связь с окружающей местностью. Восхищают и колонны — все они, попарно, разной формы.

Крыльца пристраивались, когда сам собор был уже почти закончен. И вот тут-то зодчий разрешил мастерам дать волю их фантазии. Из числа освободившихся с постройки Богоявленской церкви каменщиков зодчий выбрал лучших. (Это догадка, но она может быть близка к правде — уж очень похож рисунок балясин на крайних колоннах западного крыльца собора и на

фризе Богоявленской церкви). И мастера, забыв о былом соперничестве, строили в далеком Усолье-Камском храм, не уступающий лучшим столичным.

Многие детали московского зодчества здесь нашли свое, иное звучание. Побывавшего в Москве в середине семнадцатого века арабско-путешественника Павла Аллепского восхитила одна из архитектурных деталей, которую местные строители называли «гирькой». Это и вправду была гирька, только каменная, висящая посредине двойной кирпичной арки. Похоже на чудо, но любознательный араб в чуждеса не верил, он расспросил каменщиков и прознал истину: «Обтесывают камень в очень красивую форму и, просверлив, пропускают сквозь него железный шест с двумя ветвями на концах, заклепывают их и заканчивают стройку над этим камнем, который представляется великим чудом, ибо висит в середине, спускаясь прямо... Эти постройки приводили нас в сильное удивление», — записал Павел в своем дневнике.

Он удивился бы еще больше, знай, что через каких-нибудь сорок лет подобные постройки появятся в далеком уральском городе — Соли Камской. Крыльца Троицкого собора украшены такими же гирьками, только они гончарной работы и политы зеленой глазурью. Этот оригинальный конструктивный прием так понравился на Руси, что ученые даже стали называть его «русским орденом».

Собор заложили в 1684 году, достроили в 1697 году. Эти даты были выбиты на каменной доске, вделанной снаружи в алтарную стену. К чувствам восхищения и удивления красотой собора примешивается и чувство грусти — замечательный памятник пустует, помещения подклета заняты под склады разными хозяйственными организациями. А какой прекрасный мог бы быть здесь музей, лучшее назначение для памятника трудно придумать! Многочисленные его залы, без сомнения, всегда будут полны людей. Существует и проект приспособления здания под музей. Жаль только, что уж лет десять он пылится в архивах...

В сороковых годах прошлого века в Соликамске побывал учитель пермской гимназии, впоследствии известный русский писатель П. И. Мельников-Печерский. На площади близ соборной колокольни он увидел скопление народа. Оказалось, что там велись большие земляные работы — искали подземные ходы. В народе уже давно бытовали предания, что устроены эти ходы в старину, когда жители спасались там от набегов кочевников, а богачи прятали в них казну. Говорили даже, будто кто-то, находясь на смертном одре, объявил, что ему известен богатый клад — целая бочка золота, зарытая в одном из ходов.

Приглядевшись к беспорядочному характеру работ, Мельников понял, что бочку-то более всего и ищут. Меж тем в глубине вырытых ям виднелись настоящие редкости — остатки древних деревянных срубов, части фундаментов, — но на них никто не обращал внимания.

За работами внимательно наблюдал тучный, но очень подвижный господин. Он ковырял палкой выброшенную землю, заглядывал в вырытые ямы. Это был соликамский чиновник, губернский секретарь Плотников — владелец дома, из кото-

рого, по преданиям, и шли подземные ходы. Познакомившись с Мельниковым поближе, он рассказал, что в подвале дома есть железная дверь, обращенная в сторону соборов.

«Он полагает, — заметил Мельников в своем дневнике, — что это вход в какое-нибудь подземелье; это подтверждают и толки народные. Но странно, до сих пор ни г. Плотников, ни другой кто-нибудь не постарались отворить ее».

Мельников ошибался. Попытки разыскать подземные ходы в Соликамске предпринимались и раньше. Особенно искали ходы к дому воеводы, владельцем которого оказался Плотников.

Здание это составляет неотъемлемую часть городского ансамбля. Дом воеводы не только интересный исторический памятник, но и замечательное архитектурное сооружение. Построен он при воеводе Иване Головине в 1688 году взамен уничтоженной деревянной крепости. Воеводский дом, где жил воевода и находилась его канцелярия, был более надежен, чем деревянная крепостца. Толстые, сложенные из хорошо обожженного кирпича, двухметровые стены оскалены бойницами. Смотришь в их узкие черные глазницы и кажется — вот-вот матово блеснет в них ствол мушкета или железной пищали...

Сейчас здесь расположился Соликамский краеведческий музей. В нем собраны богатейшие

материалы по истории края: от древней секиры до белоснежных рулонов бумаги, выпускаемой местным целлюлозно-бумажным комбинатом, крупнейшим в стране.

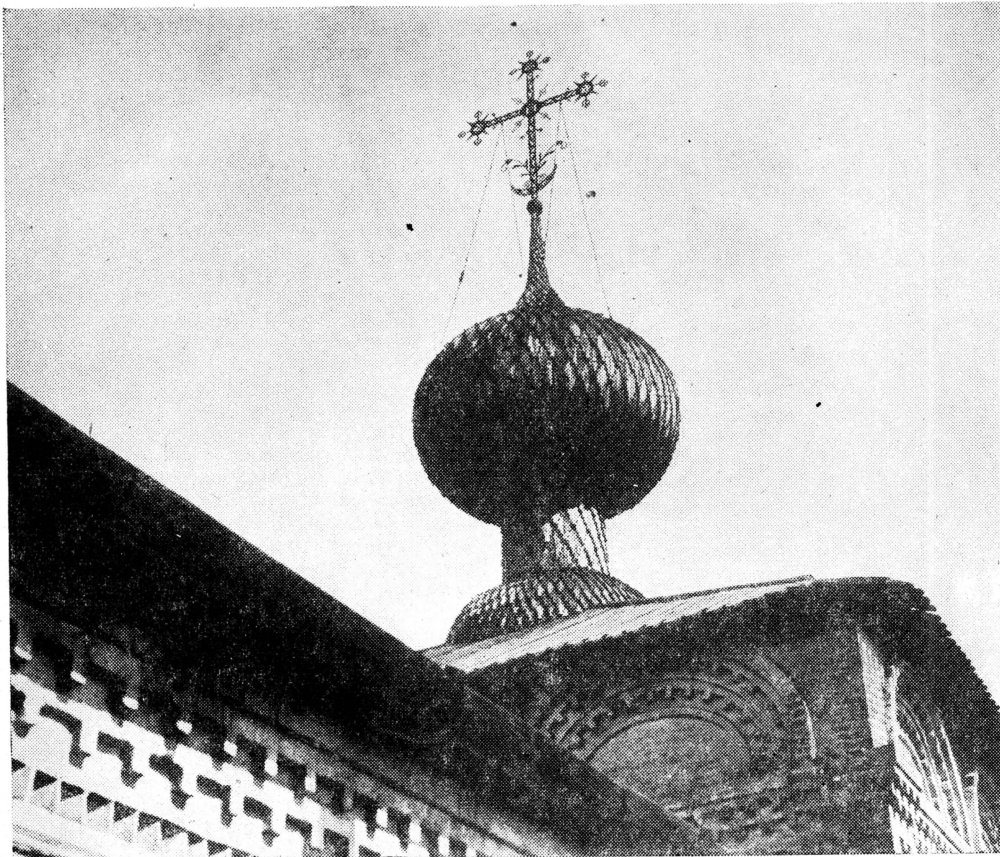
Воеводский дом прост, но красив. Особенно украшают его два четверенных окна на западном и южном фасадах.

Все окна одинаковы и даже вставлены в общую «раму», одинаковы и треугольные кокошники над ними. Но тут душа мастера, как говорят, выиграла: в центре каждого кокошника он поставил по квадратной печатке, а рисунок цветка везде разный! На фоне повторяющихся мотивов, которые подчеркивают единство замысла, такой прием, примененный всего один раз, звучит свежо и сильно.

А как красиво сочетание узорчатых наличников окон, богатых кружевных порталов и суровых строгих форм самого дома! В этом проявились не только традиции русского зодчества, но и вкус соликамских мастеров.

Наиболее эффектно выглядит здание с соборной площади и с реки.

Дом воеводы расположен в центральном ансамбле города, рядом с Богоявленской церковью, которую начали строить годом раньше. Легко предположить, что оба здания возводили одни и те же каменщики.

Серебристо блестит лемех на главках Введенской церкви

Фото А. Некрасова

ВНУТРИСТЕННАЯ ЛЕСТНИЦА

По преданиям, подземные ходы из дома шли в Богоявленскую церковь, в Кашкин лес, к соборной колокольне и к реке Усолке. Видимо, система ходов связывала воедино важнейшие каменные здания города и в случае нападения давала возможность незаметно укрыться в лесу или перейти на другой берег Усолки.

Первые известные нам попытки отыскать подземные ходы предпринимались соликамскими посадскими людьми еще при воеводе Алексее Борисове в 1760—1770 годах. Близ колокольни, в пяти-шести сажнях от нее на восток, тогда был найден каменный свод подземной «палатки», на железных дверях в нее висел огромный замок.

В 1781 году Соликамское воеводство упразднили. Воеводский дом приобрел богатый солепромышленник Максим Суровцев. Молва гласит, что при обходе подземных ходов в районе здания он нашел ларец с деньгами и какие-то драгоценности.

Спустя полвека дом принадлежал уже губернскому секретарю Плотникову. О раскопках, предпринятых им, мы знаем из записок Мельникова-Печерского.

Следующим владельцем дома в 1850-х годах стал земский судья Карнаухов. Известно, что судья тоже интересовался ходами. При нем шесть человек спустились в подземелье и

прошли сорок сажень, но вынуждены были вернуться, побоявшись задохнуться от подземных испарений.

Известны и другие попытки отыскать подземные ходы. Жители города нередко обнаруживали в земле пустоты, провалы. К сожалению, все эти случаи никто не регистрировал и не наносил на карту города, а они могли бы привести к интересным выводам.

Несколько лет назад были предприняты новые поиски. На этот раз раскопки велись под руководством архитектора Юрия Михайловича Сидорова — автора реставрации дома воеводы. В районе предполагаемого подземного хода, между воеводским домом и Богоявленской церковью, нашлись остатки кирпичей и старинная дверная ручка. Однако имели отношение эти находки к подземному ходу или нет, осталось неясным.

В старых документах упоминается, что некогда существовал план подземных ходов Соликамска, но потом он был затерян.

Подземные ходы Соликамска интересовали многих: историка Слупского, писателя Мельникова-Печерского, географа Кривошекова и других исследователей. Они тоже искали план ходов. Возможно, что он все-таки существует, сохранился до наших дней.

Богоявленская церковь — один из наиболее интересных в архитектурном ансамбле города памятник. Сейчас в ней отдел краеведческого музея.

Простая в плане, она будто изваяна искусным скульптором: в центре — величавый куб главного храма, с востока — маленький алтарь, с запада — просторная трапезная и колокольня. С юга лепится маленький придельный храм.

Зодчий живописно сгруппировал разновеликие объемы в единое целое.

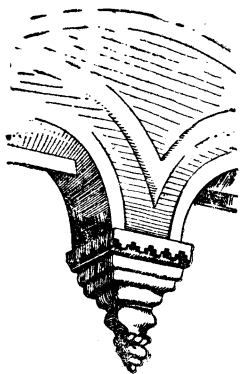
Фасады главного храма украшены затейливой каменной резьбой. Порой каменная резьба успешно соперничает с резьбой по дереву и кости. Особенно виртуозна она на дугах и опорах арки северного входа. Какие только узоры не придумали народные мастера: пояски, полуколонки, резные жгутики и орнаменты из плетенки. Над входом — целая радуга из кружков, напоминающих срезанные лимонные дольки, под ними дуга, составленная из каменных бусин, а на колонках какие-то диковинные фрукты, не то тыквы, не то дыньки. Из одних и тех же декоративных элементов придумано столько разных фигур!

Вокруг всего храма идет пояс архитектурных украшений, а под ними двойной ряд изразцов — глазурованных плиток из обожженной глины, украшенных причудливыми цветами и рисунками птиц. Здесь увидишь и ворона, и индюка, и заморскую птицу — павлина. По замыслу мастера отдельные кафли, складываясь вместе, составляют непрерывную красочную ленту — «крапорт».

Увенчан главный храм традиционным пятиглавием. Стройные барабаны убраны декоративными глухими арочками и поясками изразцов; на угловых барабанах изразцы с рисунком ворона, а на центральном — зеленые квадраты плиток сочетаются с желтыми рельефами крестов.

Сами главы, когда смотришь на них снизу, вроде бы небольшие. На самом деле они огромны. К примеру, центральная глава в «обхвате» — около тринадцати метров, внутри ее свободно разместится десяток человек.

Сейчас главы покрыты железом, а вот чем

ГИРЬКА

они были крыты раньше — предстояло решить реставраторам. Долгое время считали, что лемехом — осиновой щепой, очень распространенным кровельным материалом тех лет. Но в 1965 году у основания барабанов (на чердаке церкви) нашли остатки зеленой черепицы (за зеленый цвет ее называли муравленной). Похоже, что именно такой черепицей и были крыты главы. Красивое, вероятно, было зрелище, когда после дождя в глазах отражалось зеленое солнце!..

Просторная трапезная связывает куб с пирамидальной колокольней. Ее много раз надстраивали и перестраивали. По прихоти солепромышленника Максима Суворцева колокольню надстроили сразу на три яруса чтобы установить на ней часы. Фундаменты же не были рассчитаны на такую нагрузку, и колокольня села на сорок сантиметров. Этот сдвиг заметен и сейчас.

И тот монастырь при Усолке-реке. В том монастыре две церкви с трапезами и колокольница каменные, а кельи и ограда деревянное строение соликамских посадских людей...»

Так описывают старые рукописи Преображенский монастырь. Сия женская обитель была небогатой, земель своих не имела, «рыбных ловель нет и собственный монастырской мельницы нет же». Выручала щедрыми вкладами основательница заведения купчиха Евдокия Щепоткина, да «братья» из мужского монастыря помогали дровами. Не гнушались монахини и мирским подаванием, то есть попросту ходили просить милостыню.

Чем же нас, людей двадцатого века, привлекает эта «святая обитель»?

Всмотритесь внимательнее в ансамбль монастыря и поймете — как значительны эти памятники архитектуры.

Особенно интересна маленькая церквушка с деревянной главой — Введенская церковь. Небольшой зимний храм (а зимние храмы всегда небольшие — их легче отопить в суровую уральскую зиму), без колокольни, с одним алтарным полукружием — пристройкой для алтаря с восточной стороны здания. Кажется, что мастер намеренно создал очень скромную постройку.

Церковь посвящена празднику Введения во храм богородицы. Суть этого события по церковным сказаниям в том, что дева Мария, будущая богородица, в трехлетнем возрасте самостоятельно преодолела пятнадцать крутых ступеней у входа в Иерусалимский храм. Присутствовавшие при сем были поражены и, вопреки церковным канонам, юной Марии разрешили войти в запретную часть храма.

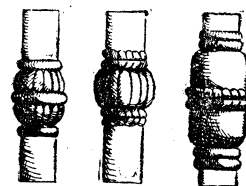
Соликамский зодчий откликнулся на легенду по-своему, используя чисто архитектурные приемы и символы. По сравнению с другими городскими храмами церковь Введения точно дитя посреди монастырского двора. Сходство с ребенком усиливают пропорции главы по отношению к величине здания.

Древние греки считали, что удачные пропорции, соотношение объемов помогают сделать архитектуру доступной человеку, сравнимой с ним. В основу своих ордеров они принимали пропорции человеческой фигуры: скажем, в колонне тяжеловесного дорического ордера — мужской, а в легкой, ионической — женской. Введенской же церкви присущи пропорции юного женского существа.

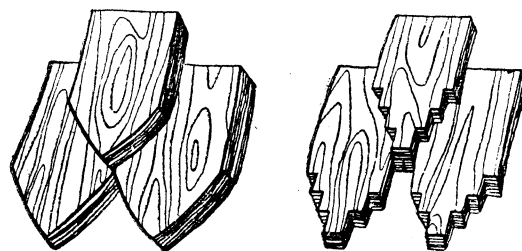
Изучая архивы, архитекторы выяснили любопытное обстоятельство — размеры существующей церкви значительно отличались от заданных в грамоте на строительство. В ответ на челобитную Евдокии Щепоткиной дать ей разрешение соорудить каменный храм «во имя Введения пресвятыя богородицы в граде у Соли Камской», архиепископ Иона прислал 22 марта 1683 года грамоту, где указал: «Церкви быти трех сажень, а трапезе четырех сажень, в тое меру и построить, а о олтари и о высоте тоя церкви учинити по чертежу подмастерью, смотря по длине и верх бы был на той церкви не шатровый, но плоский крестной, и все то церковное здание строити по пригожеству».

То есть дал право строить так, «как мера и красота скажут».

Каменных дел мастер оправдал доверие —

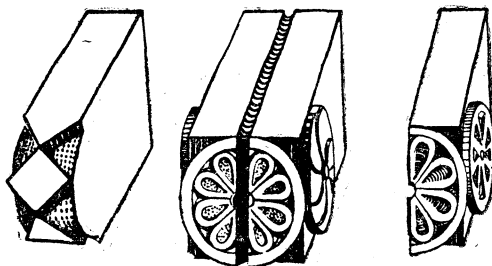

ДЫНЬКИ

ЛЕМЕХ

выстроил и впрямь «по пригожеству». Причем он изменил даже заданные ему размеры плана, но подчинился запрету делать шатровый верх. Церковь усмотрела в шатрах «готическую ересь», и они были запрещены. На Введенской церкви верх «крестной», то есть куб, крыт на четыре ската.

ФИГУРНЫЕ КИРПИЦИ

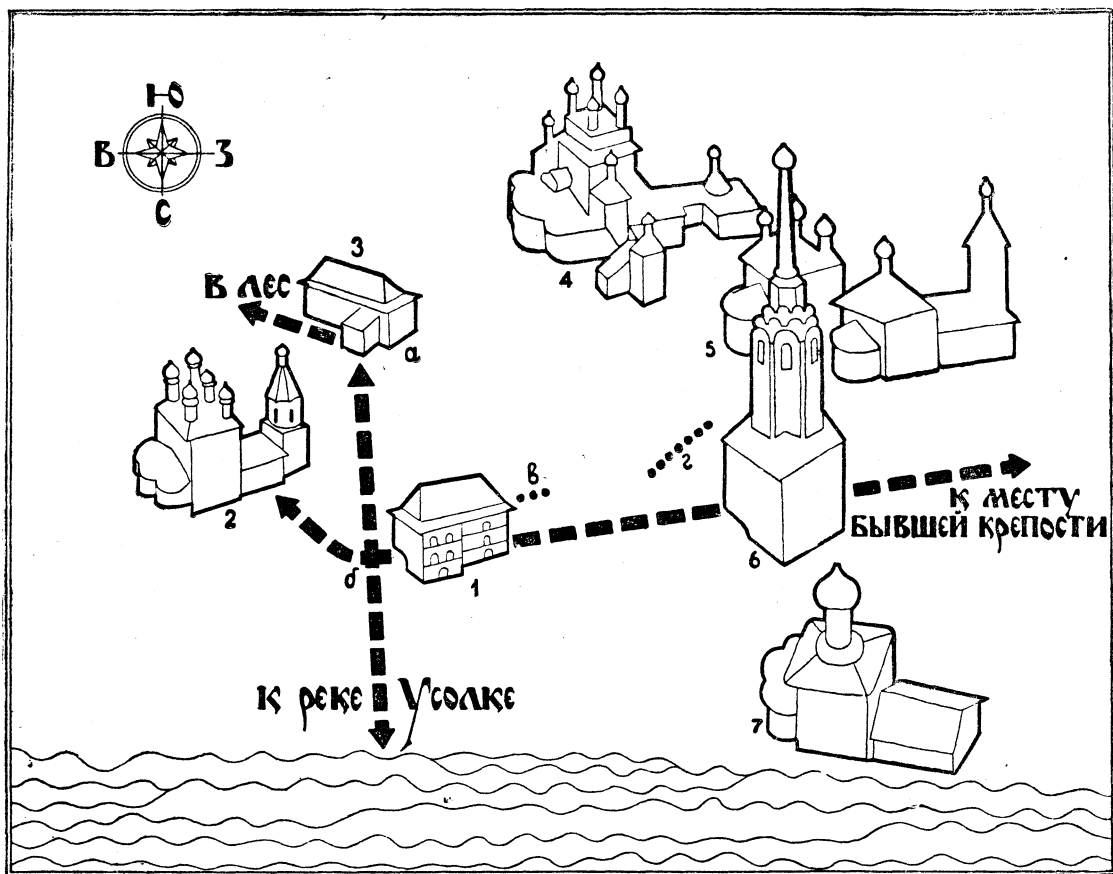

Схема предполагаемых подземных ходов: 1 — дом воеводы; 2 — Богоявленская церковь; 3 — жилой дом (не сохранился); 4 — Троицкий собор; 5 — Воскресенская церковь; 6 — соборная колокольня; 7 — Крестовоздвиженский собор; а и б — места, где были обнаружены остатки ходов, в и г — места раскопок в 1830-х годах.

Даже строя из камня, бывшие плотники не забывали и своего излюбленного материала — дерева. Из него делали все, что было дозволено: дверные полотна и оконные коробки, стропила и тесовую кровлю. А главы крыли чаще всего лемехом — осиновой черепицей.

Материалом служила свежесрубленная осина. Топорами из толстых плах выделывали чешуйки. По месту им придавали нужную кривизну. Не только сделать лемех, но и прибить его — искусство. Крепят каждую лемешинку лишь одним гвоздем, причем он входит в зазор между нижними чешуями.

Таким лемехом и крыта глава Введенской церкви. Дважды его меняли. Последний раз, в 1956 году, эту работу выполнили реставраторы. Упругий серебристый шар так и тянется в небо, кажется, что он может взлететь и поднять за собой всю постройку.

Большой знаток древнерусского зодчества архитектор Ф. Ф. Горностаев писал, что на фасаде Введенской церкви достигнуто «впечатление нежности кружевного узора... при разнообразии мотива». Очень точное замечание. Скупыми средствами древний мастер создал запоминающееся и привлекательное произведение.

Рядом с Введенской расположена другая постройка монастыря — летняя Преображенская церковь. Строилась она одновременно с Введенской на участке, находившемся в то время за городом, «в поле», на средства той же Евдокии Щепоткиной. Церковь пятиглавая, каменная. С западной стороны — небольшой притвор с одноярусной шатровой колокольней.

Нет в этой постройке того великолепия, что на других соликамских памятниках. Ее можно рассматривать как свободный пересказ той же темы, на какую «сочинена» Богоявленская церковь. Но пересказ этот краток, без «лирических отступлений», более сух.

Зато церковь производит впечатление своей молчаливой и сосредоточенной мощью.

Однако ж и эта простота радует взор, глаз как бы отдыхает на спокойной глади стен. Прохожий попадает под обаяние этих скупых форм. Строгий каменный шатер, увенчанный кирпичной главкой с очень лаконичным по форме крестом, и пять шлемоподобных глав основного храма усиливают суровость памятника.

До нас дошло имя строителя этой церкви — сохранился договор между заказчиком и подрядчиком. Документ этот заслуживает самостоятель-

ного разговора, ибо до сих пор мы не называли никаких имен. Как остроумно заметил один искусствовед, древние художники не принимали в расчет любознательных потомков. Впрочем, не всегда это от них и зависело.

Древние летописи и церковные книги дотошно описывают, на средства какого богатого человека построено здание, по чьему повелению и по грамоте какого епископа заложено. Но очень редко доходят до нас имена подлинных создателей храма — безвестных народных мастеров, тем важнее вызвать их из забвения.

Историку Пермской научно-реставрационной мастерской Владиславу Александровичу Могильникову удалось напасть на след одного из них. Работая в разных архивах страны, собирая материалы о соликамских памятниках, он, просматривая в Центральном государственном архиве древних актов старинные документы, увидел перечень дел Соликамской приказной избы. И очень обрадовался, когда нашел среди них «челобитье мясницкой полусотни федоровской жены Щепоткина вдовы Авдотьи...»

Вдова эта, основательница женского монастыря, историкам города достаточно известна и не в ней было дело. Документ открыл имя безвестного прежде соликамского зодчего — «подмастерья Логинка Корсакова». Текст челобитья гласил, что «он Логинко подрядился у нея Авдотьи делать каменную церковь и делает де не против договору и образца».

Тут надо объяснить, что чертежами строители тогда пользовались редко, обычно просто договариваясь с заказчиком — какой уже выстроенный храм принять за образец (образцами называли также модели храма из дерева или глины). Остальное решали мастерство и вкус руководителя строительных работ — зодчие прошлого, в отличие от современных архитекторов, всегда сами руководили работами.

Итак, стало известно имя архитектора-строителя Преображенской церкви — это Логин Корсаков. На далее из документа можно было узнать имена его соратников: «поручители» Логина Гриши-

ка и Матюшка Мясниковы были допрошены о том, какие здания уже построил Логинко, какой у него строительный опыт и квалификация.

В Соликамске семнадцатого века работало много приезжих московских каменщиков, но москвичи не могли сами возвести такое количество храмов. На местах — в Соликамске, Верхотурье и других городах и весях — они набирали учеников для обучения каменному делу. Требования к ученикам во все времена были одинаковы: «чтобы разумен и рукоделен и во всячине смышлен и к тому бы каменному делу был переимчив...» За плечами и учеников и учителей был многовековой опыт русских плотников. Поэтому в постройках мастеров каменных дел так чувствуется влияние деревянного зодчества.

В Соликамске выросло много своих самобытных мастеров. Они пользовались известностью и за пределами города. Так их приглашали для строительства колокольни в Усолье, участвовали они и в строительстве Верхотурского кремля.

Несмотря на то, что памятники Соликамска строились в разное время, здесь создан удивительно цельный и стройный ансамбль. Интересно, что даже сейчас, когда прошло уже более двух с половиной столетий и на многих храмах утрачены главы и целые колокольни, эта продуманная компоновка ощущается очень зримо. Таков почерк мастеров.

В древнем русском городе и сегодня живут мастера самых разных профессий — химики, шахтеры, бумажники... Есть и строители. Ходят они по древнему городу, смотрят на старые стены, на седые башни, на загадочные узоры. Быть может, вспоминаются им слова поэта С. Щипачева:

Тут каждый камень памятен
и дорог,
Тут след времен минувших
не исчез.

Г. КАНТОРОВИЧ

ИМЕНИ ВАСИЛИЯ СВАЛОВА

«Донецкая область, станция Кутейниково, школа имени Николая Островского, отряд имени летчика Свалова» — по такому адресу пишут пионеры 6-х классов школ № 7 и № 56 станции Егоршино Свердловской области. Их отряды тоже носят имя летчика-уральца Василия Семеновича Свалова.

Пропавший без вести

В день двадцатилетия Победы над фашистской Германией пионеры железнодорожной школы № 56 пришли в знакомый небольшой домик на Парковой улице. Родители летчика Свалова, Татьяна Трофимовна и Семен Васильевич, как всегда, были рады ребятам. Бережно хранят они дорогие реликвии сына: фотографии, школьные тетради, книги, рисунки, заметки.

С большого стенового портрета смотрит молодой летчик в красной звездной пилотке. Фотография Василия сделана перед отправкой его на фронт.

Уже в школе Василий отличался широтой интересов. Он мечтал стать учителем и физиком, писал стихи и увлекался рисованием. После окончания десятого класса уехал в Свердловск и поступил в Уральский государственный университет. Вскоре стал слушателем вечерних курсов аэроклуба, где впервые сел за штурвал самолета.

И когда началась война, студент второго курса университета Василий Свалов стал летчиком.

Сохранились его письма с фронта. Вот отрывок из одного, адресованного отцу: «...Мечтаю о том, что хорошо бы сейчас работать в школе вместе с женой Вадой и по вечерам забавляться с дочуркой, а за чашкой чая пофилософство-

вать с тобой о жизни, о людях. Но проклятый Гитлер лишил нас семейного счастья, расстроил все планы на жизнь, разрушил все прекрасные мечты и желания. И в сердце моем вырастает с каждым днем все больше и больше ненависти к фашистским людоедам, поправшим нашу солнечную Родину.

И мечта о счастливой жизни воодушевляет меня к борьбе, к борьбе за жизнь! Отец, ты не подумай, что говорю я так ради красивых слов. Нет! Я не только так думаю, так пишу, но всеми силами стараюсь оправдать свои слова на деле».

А вот маленький пожелтевший листок. Это он в 1943 году известил родителей о том, что летчик Василий Свалов не вернулся с боевого задания.

Скупые, ранящие душу слова: «пропал без вести»... Что стало с сыном? Если погиб, то есть ли где-нибудь его могила?

Неизвестный летчик

А в тот же день, 9 мая 1965 года, за тысячи километров от Урала жители поселка Кутейниково в Донбассе, на центральной усадьбе совхоза «Металлист», собрались на торжественное перезахоронение останков неизвестного летчика. Кто он? Выяснить это решили местные следопыты.

Пойти по правильному пути помогла им районная газета «Луч Ильича», опубликовавшая письмо уральских школьников о розыске могилы Василия Свалова, который 22 июля 1943 года участвовал в налете на вражеский аэродром близ Кутейниково и не вернулся на базу. Опыт подсказал донецким ребятам, что начинать надо с расспроса жителей поселка, которые немало повидали во время войны.

Очевидцем событий оказался Иван Мироненко. Было ему тогда 15 лет. Фашисты ежедневно собирали подростков поселка и вместе с военнопленными гоняли на разные работы. В то утро Ваня шел в конвоируемой колонне на прополку кукурузы. Раздался гул самолетов, все повернулись и увидели, как девятка «Илов» летит к аэродрому. И разом впереди советских самолетов ударили фашистские зенитки. Сбросив бомбы, «Илы» повернули в сторону линии фронта. За ними потянулся дымный

след. Но что это? Один из подбитых самолетов, сделав новый разворот, возвращается к аэродрому и, уже падая, сыплет оставшиеся бомбы на вражеские машины.

Ваня видел, как от самолета отделилась черная точка, как раскрылся парашют и отвесно опустил летчика на землю. Как совсем рядом с грохотом упала объятая пламенем машина.

Гитлеровцы на мотоциклах помчались к летчику. Туда же бежали конвойные, подгоняя военнопленных и подростков. Летчик был мертв. Немец обшарил карманы, нашел комсомольский билет, несколько писем, фотографии. Ване удалось заглянуть в комсомольский билет, прочесть фамилию и имя летчика...

Вечером женщины похоронили погибшего героя.

Все эти годы Иван Мироненко твердо помнил: фамилия — Свалов, имя — Василий.

На Миус-фронте

Егоршинским следопытам удалось разыскать однополчана Свалова. Они прислали ребятам свои воспоминания.

В полку любили уральского парня. Был он смелым летчиком и страстным мечтателем. В свободное от полетов время Василий всегда был занят: то выпускал боевой листок «На красноармейский штык», то писал стихи.

Вечер 21 июля 1943 года был тихим и теплым. Василий собрал вокруг себя товарищей и, листая толстую тетрадь, ска-

— Вот, ребята, послушайте, письмо дочери написал. — И он прочитал колыбельную.

— Молодец, Вася, дай-ка мне твою заветную тетрадь, — попросил младший лейтенант Будма. У него был мягкий голос, и летчики любили слушать его. Негромко Будма начал читать несовершенные, но идущие от сердца стихи:

Мать — нету слова милее
и краше,

Мать — это гордость
и радость моя,

Недаром назвали Родину
нашу

Этим же словом ее сыновья.

А 22-го рано утром командир полка Г. М. Смыков поставил боевую задачу — разбомбить вражеский аэродром возле поселка Кутейниково.

Через несколько минут девятка грозных машин взмыла в небо и, взяв курс на Кутейниково, пересекла блестящую узкой лентой реку Миус, по которой проходил фронт.

Память о нем жива

Девятого мая 1966 года кутейниковские следопыты встречали у себя Татьяну Трофимовну и Семена Васильевича — родителей летчика, отдавшего жизнь в бою за их родной поселок. На митинге в почетный караул стали пионеры школы имени Николая Островского.

До сих пор живет на донецкой земле легенда об уральском летчике, продолжавшем штурмовать врага на горящем самолете. А на Урал идут и идут письма.

Следопыты Егоршино

ШЕЛ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ...

Все началось с письма научного сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Лидии Николаевны Фомичевой. Она писала следопытам школы № 2 города Белая Калитва, Ростовской области: «Посылаем вам фотографию делегатов II съезда горнорабочих. К вам просьба, укажите, где находится делегат Вержбицкий Ф. С.? Может быть, еще кого-нибудь из делегатов удастся установить. Напишите нам. Просьба также, пришлите, пожалуйста, фотогра-

фию, найденную вами в шахтерском поселке Горнячком, а взамен вышлем фотокопию».

На многочисленные запросы следопытов пришли ответы из Главного архивного управления при Совете Министров СССР, из Центрального государственного архива народного хозяйства СССР, из партийных архивов Ростовского и Свердловского обкомов КПСС, от людей, лично знавших В. И. Ленина, и ветеранов революции, от участников II Всероссийского съезда горнорабочих и их родст-

венников. В школьном архиве оказались ценнейшие документы. А главное — ребята установили на фотографии фамилию делегата съезда, сидящего в первом ряду, в центре, впереди Владимира Ильича Ленина; раскрыли интересную судьбу человека, своего земляка — Федора Степановича Вержбицкого.

Родился Вержбицкий в 1898 году в семье деревенского портного. Окончив три класса церковно-приходской школы в Белой Калитве, одиннадцатилетний Федор стал работать по найму у кулаков хутора Рудакова. В 1912 году пришел на шахту. Был сортировщиком угля, рабочим лесного склада, коногоном.

Стать в ряды бойцов за революцию помогли Федору и его товарищам большевистские агитаторы. А в гражданскую войну он в рядах Красной Армии сражался на берегах Волги, под Царицыном, бился с врагом под Воронежом, громил белогвардейцев под Калачом. Воевал храбро, беззаветно верил в победу рабочих и крестьян, в правоту дела Ленина. На фронте в 1920 году Федор вступил в члены РКП (б).

После гражданской войны Федор Степанович работал в Союзе горнорабочих секретарем Свинаревского (Горняцкого) кустового рудничного профсоюзного комитета, избирался председателем рудничного комитета, секретарем местного отделения Всероссийского Союза горнорабочих.

Но какова же история фотографии, которая хранится в школьном музее?

Был конец 1920 года. Зима лютвала. А у

дверей клуба народу — не пробьешь пушкой, не перекинешь шапкой. Шахтеры пришли на общее собрание. Обсуждали хозяйственные вопросы, утвердили проект письма В. И. Ленину. Потом перешли к выдвижению делегатов на кустовую профсоюзную конференцию.

— Вержбицкого запишите... Федора Степановича! Он достойный горняк! — послышались голоса в зале.

Федор Степанович пользовался у горнорабочих большим авторитетом. Часто можно было видеть его на рудниках, в казармах, бараках шахтеров.

В декабре 1920 года делегаты Донбасса выехали на шахтерский съезд в Москву. Среди делегатов был и Ф. С. Вержбицкий от горняков Белокалитвенских рудников. Шахтеры везли подарок московским рабочим — несколько вагонов угля — и письмо трудящихся на имя В. И. Ленина. Горняки писали: «Вместе с приветом и настоящим письмом посылаем вам для пролетариата Москвы 30 000 пудов угля-антрацита, добытого на воскресниках в июне месяце по постановлению общего собрания рабочих и работниц. Работая в сырых, мрачных и темных шахтах раздетые, разутые и полуголодные, мы верим в ту будущую коммунистическую ниву, сеятелями которой являются рабочие Советской

республики».

Заседание II Всероссийского съезда горнорабочих открылось утром 25 января 1921 года в Колонном зале Дома Союзов. На этом съезде дважды выступал Владимир Ильич. Позднее он сфотографировался с группой делегатов. На снимке Федор Степанович в овчинном полушубке и в черной папахе.

В январе 1924 года Федор Степанович ездил в Москву в составе делегации горняков Донбасса на похороны великого вождя, стоял в траурном карауле на Красной площади.

В июле 1924 года Луганская губернская комиссия по отбору кандидатов в Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова командировала Вержбицкого на учебу. По окончании университета его направили на Урал, в город Асбест. Здесь Федор Степанович работал сначала председателем рудкома профсоюза горнодобывающей промышленности, а затем в 1930 году его избрали секретарем горкома партии. С 1931 года Ф. С. Вержбицкий на руководящей профсоюзной работе в Свердловске. Последняя его должность в 1937 году — заместитель начальника политотдела Пермской железной дороги.

Нет сомнения, что на Урале живут люди, которые помнят Федора Степановича. Может быть, у них сохранились его письма, фотографии или они могут поделиться своими воспоминаниями. Мы будем благодарны, если такими материалами пополнится наш краеведческий музей.

Следопыты школы № 2

НОЧНЫЕ БОРОЗДЫ

Л. ТРУТНЕВ

Рисунки В. Яковлева

Отворилась дверь, влажный воздух хлынул в комнату с сыростью, с осенними запахами. Вошел дед. Не прикрывая двери, вытер подошвы сапог о тряпку, стал раздеваться. Тут же появился Санька и тоже начал раздеваться. И дед, и Санька молчали. Санька посапывая, дед изредка кряхтя. Дед был чем-то озабочен, даже расстроен, а Санька напустил на себя этакое безразличие — мол, я-то знаю в чем дело, а другим знать не обязательно.

— Что это вы такие? — поинтересовался Ленька.

Дед кашлянул, принялся скручивать сигарку, а Санька взлохматил вихры длинными пальцами. Ни тот, ни другой не ответили.

«За человека не считают» — обиделся Ленька. Конечно, Саньке — пятнадцать, почти мужик, на целых пять лет старше. И дед — он Леньке дед, а Саньке — отец. Ленькина мама и Санька — брат и сестра. А Санька по всем правилам родства Ленькин дядя. Вот и сидит этот дядя щурится, дыры на портянке разглядывает — и молчит.

Три года уже, как идет война, живут они с мамой в деревне. Мама работает, Ленька учится и горя всякого вдоволь уже повидал. В десять-то своих лет он, может, не хуже Саньки разбирается что к чему. Научила жизнь.

Так почему же ему ни слова в ответ?..

В стекла стучали, как дробинки, редкие дождевые капли.

— В молчанку что ли играете, кто первый скажет — тому щелчок?

Санька, наконец, обернулся и подмигнул.

— В её самую.

— Ребенок, он и есть ребенок, — ни на кого не глядя, отозвался дед, — ни капли серьезности.

Санька принял это на свой счет и поджал губы.

— Индюком что ли ходить теперь. Я еще не знаю, радоваться мне или наоборот.

— А что такое? — Ленька пылливо глянул на Саньку, на деда.

— Что, что, — дед выпустил дым через нос, — Санька в школу учиться пока не пойдет, поработает. На тракториста по-

учится — и работать. — Дед запнулся. — Некому стало ремонт тракторам делать, работать на них. Третьего дня на правлении обсуждали. Вот и порешили — пусть подростки помогают... По желанию, конечно, добровольно. Подумал я — надо Саньке первому начинать...

Дед произнес все на одном дыхании и замолчал.

Не сразу дошел до Леньки смысл сказанного, а когда он понял, что дед сказал всерьез, то призадумался. Правда ведь — тяжело колхозу. Мужчин нет, женщины и ребяташки остались. Тракторы старые, но хлеб сеять надо. Нынче вон как трудно было весной, а посеяли хлеб и теперь едим помаленьку... Значит, пришла пора Саньке работать. А что же с ним, с Ленькой, будет? Не дорос? Или тоже к настоящему делу допустят?

Низкое зимнее солнце задержалось над самым лесом, освещая снежные ручьи поземки, белые и косматые.

Закрывшись рукавицей от встречного ветра, Ленька шагал рядом с Санькой за розвальнями, которые двигались медленно, рывками. Запряженная в розвальни корова, шла неторопливо, покачиваясь, обреченно свесив голову к дороге. Мать шагала впереди, ведя корову на поводу. Четкие коровьи следы быстро засыпало поземкой и только две плотные полоски от саней выбегали ребятам навстречу.

— ...Нам обещают гусеничный трактор дать на ремонт, вот это машина! — Санька приблизился к Леньке. — Как танк, везде пройдет, и мотор у него сильный.

— Как танк? — глаза у Леньки загорелись. — А по грязи он пройдет?

— Подумаешь, грязь! По болоту пройдет и по снегу. — Санька плотнее нахлобучил изодранную шапку с темными пятнами от машинного масла. — Только бы мне его дали, я бы поработал...

Ленька оглядел Саньку. «Счастливый, везет ему...»

Подошли к лесу. Санька осмотрел сугробы на опушке.

— Совсем зайцы исчезли. Не видать следов. Сырое лето вредное для них. Шкурка мокнет у косых и болеть они начинают.

Озябший лес стоял неподвижно, заметный чуть не до нижних сучьев белым и мягким снегом. Вокруг каждого ствола синела небольшая воронка, будто след от

ноги. Словно шел этот лес куда-то, двигался, да так и застыл на месте в одно мгновение, увязнув.

Пилить было тяжело. От дерева к дереву приходилось переходить по рыхлому снегу, который засыпался за отвороты валенок. Кроме того, нужно было вытаптывать площадку вокруг каждого комля, чтобы удобнее спиливать дерево, а сучья обрубить было еще труднее.

Санька и мать пилили. Промерзшие звенящие березы валились с треском, обламывая заледенелые сучья. Ленька старался вовсю. Толстые сучья он обрубал, а мелкие ломались, как сосульки, от одного прикосновения топора. «Промерзли насквозь... Как только они весной оживают...»

Распиленные на части стволы складывали на сани. Мать не разрешала Леньке поднимать тяжелые обрезки, а только самые тонкие — вершинки. Ленька сердился, он считал, что теперь у него силы больше, чем у матери, и не мог смотреть равнодушно, как мать, невысокая, потевшая в непосильной работе свою крепость, едва поднимает плотную, как железо, березу и, пошатываясь, идет по глубокому снегу. Он не видел в это время ее лица, но представлял — худое, вздрагивающее от напряжения. «Все жалеет меня... Эх, мама, мама...» Ленька подбегал сзади и до самых саней поддерживал свисавший с плеча матери конец бревна. Он успевал и помогать матери и носить к саням макуши, и мать перестала сердиться. Лицо ее посветлело, оживилось. Санька подмигивал Леньке, подбадривал его, и сам сгибался от толстых чурбаков.

И мать, и Санька, и Ленька разогреблись до румянца, а корова заиндевала, сгорбилась, переступала ногами в нетерпении и даже не жевала клочок сена, брошенный перед ней. «И животным-то достается из-за этой проклятой войны...»

Когда возвращались назад, в деревню, зимний короткий день угасал...

Снег, напоенный водой, разлетался в стороны, смачно чавкал. Дед тяжело опустил валенки в кожаных чунях на дорогу, и Ленька поспевал за ним, стараясь наступать в четкие дедовы следы. Легкий ветерок лизал снег, насыщая его влагой. И дома, и надворные постройки были серые, влажные, а лес синел, растворяясь в мутных далах.

— Сегодня совсем весной запахло, — сказал через плечо дед, — скоро вода хлынет.

Ленька, подставляя ветру лицо, промолчал. Он вспомнил, как, в первый год войны, шел с дедом в кузницу этой же дорогой и как по-иному выглядели дома, палисадники, колхозное хозяйство. Теперь многое постарело, сломалось, прогнило. «Некому следить, ремонтировать».

И кузница вроде стала черней и приземистой. Много валялось вокруг нее железного хлама. У стены стояло два трактора. Огромные их колеса щерились во все стороны острыми треугольными зубьями. Лишь эти зубья и блестели, а все остальное изукрашила ржавчина.

Ленька остановился у одного трактора, с затаенной радостью и с восхищением рассматривал его. Ему захотелось забраться на сиденье, покрутить колесо руля.

Хлопнула дверь, вышел Санька, сгибаясь под тяжестью какой-то тракторной детали. Увидев Леньку, он приободрился, опустил деталь на рваную засаленную телогрейку, разостланную прямо на земле, у трактора.

— Учиться пришел?

Ленька улыбнулся.

Поглядев на свои черные, лоснящиеся от мазута руки, Санька сказал:

— Давай, пока деда в кузне.

Сиденье было пружинистое, а руль влажный, большой. Ленькины руки едва охватили его.

— Ну как?

— Здорово! Поездить бы.

— Он еще не работает. Мотор ремонтировать надо.

Вышел дед с кузнецом.

— А вот и новый тракторист. Здорово.

Кузнец, прихрамывая, подошел к трактору, протянул Леньке тяжелую руку, похудевший, желтый, в истрепанной телогрейке.

— Да, жизнь идет, несмотря ни на что, — сказал дед и полез за кисетом...

Ленька глядел в окно. Черно и уныло было кругом. Коровы и овцы, пошатываясь на нетвердых ногах, бродили по проталинам, жевали жесткую, как проволока, прошлогоднюю траву. Наплывали, теснясь, угрюмые, будто закопченные, тучки, сыпал дождь с мокрым снегом. «Дедушка говорит, что нужно сеять, а семян не хватает, каждое зерно на учете,

тракторов тоже мало и погода еще портит все — холодно...»

— Это скорее на осень смахивает, чем на весну, — входя с улицы, сказал дед, — давно такой холодной весны не было, пожалуй, с тридцать четвертого. — Он отряхнул шапку, ударив ею несколько раз о колено. — Тогда, помню, числа десятого мая снег выпал. Встали утром — зима, а после обеда солнце пригрело — воды, воды! — Дед стал раздеваться. — Сразу же после этого жара началась, зелень полезла, к концу месяца вымахала, хоть сено коси. Хорошо, если б и теперь так, а то,

может, протянет этакая слякоть холодная весь месяц, не успеют хлеба созреть, худо будет...

«Не протянет,— подумал Ленька, у него были на то свои основания.— Войне кончатся скоро, значит весна хорошая будет».

— Всего-то два трактора дали колхозу. Если работать на них с рассвета до темна, то и за два месяца не управиться с посевной... Решили ночами работать — в две смены. Только вот задача — фар у тракторов нет, ночью между не рассмотреть.— Дед помолчал, теребя усы, улыбнулся.— Я предложил человека с фонарем впереди трактора пустить... Решили, что выйдет дело.

Ленька вышел на крыльцо. Темнело. Теплая весенняя ночь подкрадывалась тихо, незаметно. На севере еще светилась негасимая полоска в полнеба, а на юге уже зажигались звезды. «Полнолуние»,— подумал Ленька, глянув на красную луну и жадно вздохнул. Пахло землей, прелью. Легкий ветерок едва шевелил голые стебли прошлогоднего бурьяна у забора и то утихал совсем, то чуть усиливался, качая вислюю солому на крыше сарая и мелкие ветви тополя в палисаднике.

Скрипнула дверь, мать торопливо сунула Леньке узелок с холодной картошкой и тяжелыми лепешками из отрубей.

— Пошли, а то Санька заждется, каждая минута дорога.

Ленька шагнул на мягкую землю, вскинув узел на плечо. Легко ему стало и радостно. «Поработаю на сеялке, а может, и на тракторе проедусь».

Мать несла ведро с тлеющими углями и керосиновый фонарь.

Ленька шел за нею, слушая, как шуршит под ногами сухая трава.

Впереди, вздымаясь выше и выше, вставал черной щетиной лес, он закрывал светлую половину неба, становилось темнее, но глаза быстро привыкали к этой рыхлой темноте, различали в ней отдельные предметы. «Чтой-то не слышно ничего. Тихо».

Мать тоже молчала, не разговаривала, занятая, видно, своими какими-то мыслями.

У самого леса, на краю черного, как сажа, вспаханного поля, Ленька увидел трактор с сеялкой. «Не гудит».

На подножке сеялки, уткнув голову в колени, спал Санька. Он тоненько свистел носом и чуть слышно стонал.

Мать тронула его за плечо.

— Проснись, сеять пора.

Санька потер ладонью глаза и лоб.

— Это ты, нянь, и Ленька?

Смешно, Санька сестру свою называет — «нянь». Няньчилась она с ним, когда Санька совсем еще маленький был. Вот и привык он — нянь да нянь.

— Это мы,— Ленька старался говорить посолиднее.

— Вот здорово! — Санька оживился, почесал затылок.— А я вздремнул. Вторую смену без отдыха.— Он прошел к трактору, потрогал.— Не остыл еще. Мало, стало быть, подремал я. Поесть что-нибудь принесли?

Ленька молча протянул ему узел с едой.

Мать начала возиться с фонарем, пытаясь зажечь его фитиль от тлеющих углей.

Санька присел, начал есть.

— А я не знал, что вы придете. С утра-то один сеял, измучился. После каждого круга ремонтировался.— Он надломил лепешку.— Повариха с обедом опоздала. Поехала на мельницу за мукой, а телега сломалась, вот и не управилась...

Ленька слушал Саньку и разглядывал сеялку. «Сложная, вон сколько всяких ручинок и рычагов...»

Мать сильнее дунула на тлеющие угли — вспыхнул огонек, заколебался, осветив небольшой круг. Ближе подступила темнота, и Ленька сощурился. «Как же фонарь носить, ничего не видно?»

Санька осторожно стряхнул на ладонь крошки, отправил в рот.

— Пойду, напьюсь в колке,— он поднялся и, шатаясь от усталости, зашагал в темноту.

— Совсем измотался,— покачала мать головой,— еле на ногах стоит. Эх! — она вздохнула, подняла фонарь.— Ты, сынок, наверно, на сеялку становись, а я фонарь носить буду. На сеялке все легче.

— Нет, давай лучше мне фонарь.

— Наносишься еще,— мать провела рукой по Ленькиной спине и пошла к сеялке.— Зерно разгребай ровнее, почаще следи, чтоб бугров не было. Если бугор — значит трубки забились, крикнешь.

— Ладно,— Ленька прыгнул на подножку, затаив дыхание. «Машинистом буду».

«Фью-фью-фью» — засвистели в вышине крылья невидимых птиц. Ленька поднял голову и широко раскрыл глаза. Небо было глубоким-глубоким и таким необъятно холодным, что у него защемило в груди. Леньке показалось, что он отрывается от земли и летит в эту сияющую звездами бездну. Точно так замирал он во сне, когда видел сон, что в колодец падает...

Трактор долго не заводился. Санька бегал вокруг него, приговаривая сначала со злом, потом с обидой в голосе:

— Недавно ведь работал, теперь не хочет... Я не железный и то не отказываюсь, а он...

Мать суетилась с зажженным фонарем, светила, куда Санька указывал. Ленька тоже совал голову следом, то с одной стороны мотора, то с другой. «Как только узнает все это Санька — столько частей?..»

Прохладно стало, потянул слабый сиверко. Трактор загудел наконец. Мотор заработал с перебоями, зачихал, но потом наладился.

— Это зерно рассеем, что в сеялке, должен еще Тимка Шестов несколько мешков привезти, — сказал Санька, садясь на трактор.

«И Тимка тут работает, — подумал Ленька с удивлением, вспомнив, что уже давно не видел Шестова. — Не учится, наверно...»

— Держись крепче, руки не суй куда не след...

Трактор загудел громче, дернулся. В лицо Леньке швырнуло пылью, сеялка качнулась, плавно и мягко покатила. Впереди, чуть правее, закачался слабый огонек фонаря. Он освещал часть пашни, борозду, правое колесо трактора и таял, дальше было темно. Сквозь пыль огонек казался Леньке еще слабее.

Мягко и беззвучно плыла сеялка в темноте. Ленька потрогал рукой зерно в ковше. Твердые зернышки приятно холодили ладонь. Сразу же вспомнился хлеб — мягкий, душистый. Ленька вздохнул: «Давно не ел такого хлеба». Сеялка ткнулась в остановившийся трактор, и Ленька чуть не упал.

— Ну как у тебя? — Санька прыгнул на подножку, посмотрел, потрогал что-то внизу, под сеялкой. — Порядок вроде. Гляди, не рассыпай зерно.

Пошла, закачалась сеялка снова. Один круг, другой, третий. Пыль в глаза, на

зубы, темнота и грохот. «Не очень-то тут интересно... стой да стой». Незаметно Леньку укачало, и он задремал. Сильный толчок привел его в себя. Светлый шарик фонаря стал приближаться, будто подпрыгивая.

— Устал? — в голосе матери слышалось участие.

— Да нет, — чувствуя в ушах звон и тяжесть в затылке, отозвался Ленька.

— Фонарь поносишь? У меня уже ноги не ходят.

«Это лучше, буду как рулевой». Ленька прыгнул с подножки, а нога подвернулась и он упал.

— Куда торопишься?! — Санька помог ему встать. — Успеешь.

Снова загудел трактор. Ленька шел к светлой полоске, что чуть виднелась теперь над лесом. Ноги его утопали по щиколотку в мягкой пахоте. Сзади, грохоча, все время надвигалась черная громада трактора, от которого резко пахло нагретым ржавым железом и керосином. Трактор казался живым, так, неумолимо следовал он за Ленькой, повторяя все зигзаги его пути, след в след катил трактор за Ленькой. «Остановись — и задавит». Огонек освещал несколько метров и таял, растворялся в темноте. «Со стороны не догадываются, что это сев идет. Огонек-то слабый...»

Леньке уши заложило от грохота. Он поторапливал себя, сбивался с ноги, спотыкался. Фонарь, легкий вначале, теперь оттягивал руку, невыносимо болели скрюченные на дужке пальцы. «Как же мама так всю ночь бегаёт?» — думал Ленька и шел, чувствуя, как деревенеют мышцы на ногах и тяжелеет тело.

На краю полосы, что у дороги, показалась фигура человека. Человек шел навстречу, и Санька, развернувшись для обратного хода, остановил трактор.

— Это Тимка зерно привез. — Он прошел к сеялке, заглянул в ящик. — Досыпать нужно, а то на круг не хватит.

Подошел Тимка, и Ленька едва узнал его: стал Тимка худым и высоким. Леньке показалось, что Шестов вздрогнул и покосился на него. Помнит еще, наверное, как подрались они в школе.

— Привез двадцать мешков, куда сбрасывать будем? — хрипло и глухо спросил Тимка, будто не замечая Леньку.

— У кучки соломы сбрасывай, — махнул Санька рукой куда-то в темноту. — В случае дождя прикрыть можно будет.

«Ишь ты, взрослым стал»,— обиделся Ленька на Тимку и вытер шапкой лицо.

— Умаялся?— мать подошла к Леньке, взяла фонарь.

Ленька промолчал.

— Ничего,— подбодрил Санька,— сейчас вот засыпем в сеялку зерно, он мешки покараулит, а заодно отдохнет.

Мешки были латаные, грубые и тяжелые. Санька взял один из них на плечо, но не устоял, закачался, колени его подогнулись, и мешок скользнул на землю.

— Не надрывайся, давайте все вместе.

Ленька увидел, как заспешила на помощь мать, и сам подошел к телеге.

Тимка залез в бричку, ворочал там мешки, наваливая на край, а Санька с матерью стягивали их, несли к соломе. Ленька подхватывал мешок посередине, снизу.

— Потихе, потихе,— предупреждал Санька, если из-под заплаты начинали сыпаться зерна.

Было тихо, только негромко, на малых оборотах, работал мотор трактора, да на дальних разливах монотонно кричали какие-то ночные птицы. «На озере»,— думал Ленька и дрожал не то от холода, не то от волнения.

— Последний,— сказал Тимка,— поеду.

«Ну и пусть нос дерет»,— снова подумал Ленька, отходя в сторону.

Быки шарахнулись в темноту, заскрипели колеса, и телега скрылась, только слышны были неразборчивые крики Тимки да глухие удары палки по высохшим бычьим спинам.

Стали засыпать зерно в сеялку, и горловина мешка, которую поддерживал Ленька, неожиданно выскользнула у него из рук, часть зерна просыпалась на землю.

Санька ругнулся.

— Как держишь, разиня! Горсть зерна — кусок хлеба!

— Подберешь, сынок,— недовольно сказала мать.

Трактор удалялся медленно-медленно. Сначала видны были силуэты сеялки и трактора, даже смутно маячила Санькина фигура, светился сквозь сошники сеялки фонарь, потом не стало видно ничего, лишь иногда слабо вспыхивал огонек, будто спичку кто зажигал. Ленька лежал на мешках и думал. «Когда кончится война, буду сеять хлеб на больших новых тракторах, сильных и быстрых, с яркими фарами...»

Какая-то тень бесшумно скользнула

над головой. Ленька оторвался от своих мыслей, вздрогнул. Тень снова метнулась неподалеку. Ленька различил тупые ровные крылья. «Сова!» — он облегченно вздохнул и огляделся. Становилось светлее. Уже полнеба серебрилось над лесом, только в стороне озера было сумрачно. «Пойду попою,— подумал Ленька и поднялся.— А вдруг кто-нибудь зерно из мешков возьмет? Вдруг кто-нибудь наблюдает и ждет, когда я уйду? Ничего, смотреть буду. Я скоро».

В колке воздух был теплее. Талая вода блестела глянцем. Неподвижно стояли ивы на опушке. Пахло корой и прелым листом. «Здорово как, хорошо!» Ленька нагнулся, зачерпнул воду в пригоршню. Вода была теплой, сладковатой. Подняв голову, Ленька посмотрел в сторону мешков, они виднелись едва приметной кучкой. «Нет никого». Зашелестела листва, на опушке мелькнула сероватая тень. «Заяц, вроде!» Ленька бросился вперед, но у пня уже никого не было. Вдали заблестел огонек. «Назад едут, пойду».

Какой-то человек, низко пригнувшись, побежал от мешков. Ленька опешил на мгновение, остановился. «Кто это?! Вор! Зерно воровал?!» Не раздумывая, Ленька побежал так быстро, как мог, и сердце его заколотилось: «Догнать надо! Догнать!»

Утопая в мягкой пахоте, он торопился что было силы.

Шагов десять осталось, человек загнулся, упал. Ленька услышал тяжелое хриплое дыхание и увидел какую-то незнакомую тетку. Когда Ленька подбежал, она медленно, как бы нехотя, поднялась, и на земле остался лежать небольшой узелок. Ленька с ходу ухватил его, потянул к себе, чувствуя под пальцами твердые зерна пшеницы.

— Зачем набрали?! — с недоумением и гневом спросил Ленька, мысли его путались.

Тетка еще не пришла в себя от быстрого бега и не могла выговорить ни слова. Она только хрипела, издавая горлом булькающие звуки.

Ленька поднял узел.

— Не трожь! Не трожь, малый! — уцепилась тетка ему в плечо.— У меня пятеро ребятишек от голода пухнут. Не пошла бы так-то. Сто потов прошибло, пока в соломе сидела, караулила, измерзлась. Умрет у меня меньшая...

Тетка еще что-то долго и быстро гово-

рила, но Ленька уже не слушал ее. Жалко ему стало незнакомых маленьких ребяташек, мелькнула мысль: «Может, отдать? Санька с мамой не узнают, не видят они. Вдруг правда умрет девочка». Руки у Леньки ослабли, узел мягко лег на землю. «Санька за горсть зерна обругал, — вертелись у Леньки противоречивые мысли. — Вся деревня голодает, хлеба ни у кого нет. Если всем по столько... Чего же сеять тогда?..»

— Нет, не отдам! — твердо сказал он и снова потянул узел к себе. — Не отдам. Всем есть нечего.

Тетка отступила, пристально посмотрела на него и быстро начала говорить.

— Ты никому не рассказывай... Не говори про хлеб-то. Засудят, одна я, ребяташки помрут. А пшеницу высыпать в мешок, высыпать...

Ленька молча направился к мешкам. Тетка шла за ним, непрерывно твердя:

— Не говори, малый, слышь, не говори...

Тетка вырвала у Леньки узел, быстро пересыпала зерно в мешок и скрылась за кучкой соломы. «Во сне будто...» Ленька

попытался обдумать случившееся, но рядом зарокотал трактор.

— Как у тебя делишки? — осведомился Санька.

Сзади подходила мать.

«Сказать или не сказать?»

— Замерз, поди? — спросила мать. — Светает, скоро смена придет, можешь теперь и вздремнуть.

Ленька молчал.

— Чего молчишь?

— Да зайчонка ловил в колке, увильнул куда-то, думаю — куда.

— Он теперь за тридевять земель. Нашел о чем думать.

Трактор снова зарокотал, удаляясь. Ленька лег на мешки, уставился в небо. Оно было таким же необъятным, как и два часа тому назад, но только поглубевшее, просветленное. Леньке показалось, что он падает в небо, тонет в нем: сон, крепкий, тяжелый, навалился на него. Ленька перевернулся на живот, раскинул руки, обняв мешки с зерном, и уснул. Снилось ему ясное летнее утро, зеленая трава, цветы, люди и хлеб — свежий, душистый.

Фото О. Меха (г. Саратов)

УСПЕХ

СКОРОСТЬ

Обещание Каменского ВЕКА

Фантастическая повесть

Дмитрий СЕРГЕЕВ

Рисунки Е. Стерлиговой

За пропастью веков

У нас была мелкомасштабная карта для туристов. Рельеф на ней не обозначен, нанесены только речки и охотничьи тропы. Позади зубчатых стенок кара мы рассчитывали увидеть пологий спуск, а очутились на краю пропасти. Возвращаться не захотели, жаль было потерянного времени, решили обойти кар поверху. По скалистому лезвию, вонзенному в небо! На одной стороне его прилепился снежный намет — многотонный голубовато-белый карниз, висящий над бездной.

...Последнее, что осталось в памяти, — отдаленный тревожный гул. Будто весь мир рухнул подо мною и тяжеленные горы разом сдвинулись со своих мест. Я не испытал страха: не понял, что произошло. Спустя немного, кувыркаясь в снежной пурге, окутавшей меня, хотел крикнуть, но захлебнулся снегом...

Должно быть, с тех пор прошла вечность, — таким было мое первое впечатление, когда соз-

нание начало пробуждаться. Снег сдавил мое тело. Я попытался открыть глаза, но смерзлись ресницы. От резкой и сильной боли в глазном яблоке я снова провалился в небытие.

...На этот раз я открывал глаза медленно. Спустя долгое время, сквозь наплывы разноцветных кругов, различил замкнутое пространство, оградившее меня. Повел зрачками в стороны, вверх, вниз, сколько удалось, — и ничего не увидел. Я лежал в просторной капсуле, наполненной рассеянным светом и тишиной, — будто внутри мыльного пузыря.

«Значит, он все-таки есть — тот свет», — спокойно и равнодушно подумалось мне.

Но тотчас же я вспомнил про веки и про боль в глазном яблоке. Прищурился, различил смутный гребешок собственных ресниц. Зачем бесмертной душе ресницы?

И тут я услышал человеческий голос. Слов, правда, разобрать не мог: говорили на незнакомом языке.

Надо мной склонилось лицо. Пожалуй, это было мужское лицо, хотя полностью я не был в том уверен.

Рядом возникло второе лицо, ничем не отличимое от первого. Я зажмурился, а когда снова раскрыл глаза, мужчин стало трое. Один из них что-то произнес. Я отчетливо слышал звуки, но слова были незнакомы. Я даже приблизительно не мог сказать, на каком языке он говорит, но тем не менее понял все.

— Как вы себя чувствуете? Испытываете ли желание жить?

«Чувствую неопределенно. Жить? Не знаю», — хотел сказать я, но не мог пошевелить ни губами, ни языком.

И все же тот, кто спрашивал, понял меня.

— Постепенно все возвратится.

— Где я?

— Вы находитесь в реальном мире.

— Живы ли мои товарищи? Кто меня спас?

— Вам нельзя шевелиться.

Я не слышал шагов, когда они уходили. Вокруг осталась неразличимая зыбь стен и свода — в них упиралось зрение. Похоже, они сделаны из ничего! Просто я не могу видеть, что же находится дальше, — и этот предел кажется мне стеною.

Ко мне в палату приходили все те же красавцы-близнецы, не отличимые друг от друга. Двое, трое, однажды четверо. Или же это был один человек, а у меня в глазах двоилось, троилось и учетверялось?

Я по-прежнему свободно общался с ними, хоть и не понимал ни одного слова на их языке.

— Где я нахожусь?

Мне что-то сказали — в воображении возникла пугающая бездна, от которой зашлось сердце.

— Сколько времени прошло с тех пор, как я упал в пропасть?

Мне ответили, но в моем сознании ответ раздвоился.

— Никто не знает этого, — был один.

А второй... Второй не облекся ни в какие знакомые понятия, — представилось нечто туманное и беспредельное до жути, до острой боли в глубине сердца. Вообразилось огромное число: семь нулей и впереди тройка. Тридцать миллионов лет! Целый геологический период в истории Земли.

— Где же я?! — вскричал я и на этот раз услышал свой отчаянный голос.

Мне сказали, и снова я ощутил холод бесконечного пространства, наполненного тьмою и небытием.

Они разговаривали между собой.

— Может быть, индикатор не к той клемме подключен?

— Я проверил: прибор исправен. У этого человека сила эгоистических желаний полтора миллиона единиц.

— Возможно, в их древности это было нормой? Не будет ли он представлять опасности для нас?

— Тсс! Мы не выключили бикер: если он не спит, он понимает наш разговор.

Один из них склонился надо мной, и сразу все оборвалось. Я продолжал слышать голоса, но смысла уже не понимал. Сквозь ресницы тайком наблюдал за ними. Можно подумать: сошлись двое бездельников и обсуждают, где провести субботний вечер. Решительно ничего нельзя прочитать по выражению лиц. А знать, о чем они сейчас говорили, мне было необходимо: все ска-

занное касалось меня. Это у меня сила эгоистических желаний составляет полтора миллиона единиц, это я могу представлять опасность для них! Что они еще надумают?

Придется держать ухо востро: мало ли что им может взбрести на ум. Интересно знать, как я все-таки очутился здесь? Если это действительно реальный мир, а не тот свет, то и мое появление на Земтере (так, кажется, называют они свою планету) должно объясниться без всяких чудес.

Скорее бы уж подняться на ноги да осмотреться: может быть, вовсе никакой это не Земтер, а обыкновенная психиатрическая лечебница.

Поражаюсь, как эта успокоительная мысль не пришла мне раньше. В самом деле, нет никакого таинственного Земтера — все это снится. Может быть, не было и обвала. Через несколько минут Деев командует: «Подъем!» — я открою глаза, увижу прожженный верх палатки, услышу шум речного переката и потрескивание лиственничного сусняка в костре. Кстати, кто сегодня дежурит? Чья очередь разжигать костер?

— Моя! — обрадованно воскликнул я и приготовился проснуться.

Но сон продолжался.

В палате никого не было. Я решил немедленно бежать отсюда, пока не свихнулся окончательно. Мне казалось, сил у меня достаточно. Но едва я попытался встать, закружилась голова, больничная койка закачалась подо мною, как плоскодонная лодка. Я долго лежал навзничь, не в состоянии пошевелиться и боясь потерять сознание.

Не слышал, когда открылась дверь, — в палате уже была женщина в облегающем свитере. По-видимому, медсестра. Она внесла поднос с несколькими пиалами и блюдами — мой завтрак. Я не успел ни поблагодарить, ни ответить на ее улыбку.

Впервые мне дали нормальную пищу, а не пилюли и порошки. Подрумяненный бок отбивной слегка дымился и выглядел раздражающе аппетитно.

Мне удалось сесть на койке. С минуту я пересиливал головокружение. Должно быть, заманчивый вид жареного мяса помог мне справиться с тошнотой. Увы, то, что лежало на тарелке, только по виду напоминало отбивную — на самом деле было мягким, как паровая котлета. Пахло карболкой, немного отдавало тухлой рыбой.

Позавтракав, я вторично отважился встать на ноги, на этот раз — успешно. Подошвы коснулись пола, но удивительно — я совсем не ощутил прикосновения к твердой поверхности, как будто встал на облако. С опаской сделал шаг. Ощупал стены, мебель — все было из того же материала, что и пол: ни мягкое, ни твердое. В качестве опыта я саданул со всей силы кулаком по столу, но удара не получилось, хотя под рукою была ровная и неподатливая поверхность.

На всякий случай прихватил с собою бикер. Это был очень удобный и компактный прибор — он укреплялся внутри уха и несколько не мешал.

Длинный коридор тянулся в обе стороны. Всюду пусто. Я побрел наугад, миновал несколько запертых дверей и почувствовал, что устал. Должно быть, от напряжения: слишком непривычно было ступать по несуществующему полу.

За поворотом я увидел несколько сестер,

Сбившись в кружок, они о чем-то секретничали. Эластичный пол поглощал звук моих шагов. Я негромко кашлянул. Они все, как по команде, повернулись.

Мне вдруг захотелось встать на голову, зашвырнуть, сунув пальцы в рот, или выкинуть еще что-нибудь столь же нелепое. Посреди больничного коридора стояли двенадцать красавиц, ничем не отличимых одна от другой.

Бикер оказался включенным, и я понял их, когда, стягнув минутное оцепенение, они зашептались между собой:

— Это не он!

— Тот должен быть в треугольниках.

— На этот раз ему не удастся ускользнуть...

Ни одна из красавиц не полюбопытствовала взглянуть мне в лицо — их интересовал только свитер.

Я окончательно заблудился в стерильно чистых и совершенно одинаковых коридорах, не знал, которая из дверей ведет в мою палату. Ткнулся наугад.

Палата ничем не отличалась от моей, но койка была занята. Я хотел потихоньку удалиться, но в это время больной открыл глаза и сел. Один из мужчин, уже знакомых мне? Он мельком взглянул на меня и рукой показал на стул рядом с койкой. Было что-то располагающее в этом обычном жесте. Я невольно подчинился. Взгляд незнакомца вернулся к моему лицу, его интересовал не свитер, а именно я.

Он не мог быть ни одним из тех, кого я уже встречал. По внешности это был все тот же ангелоподобный геркулес, красивый до приторности. Но внутренняя сила оживляла его улыбку и взгляд, и этим он казался непохожим на других.

С минуту мы разглядывали друг друга в молчании. Синие, красные и желтые треугольники дробили на мелкие осколки свитер незнакомца, и меня осенила догадка.

— На вас готовят облаву, — сказал я.

Он не вздрогнул, не заметался в панике, как я ожидал. Он лишь небрежно оправил на себе свитер.

— Хотите — поменяемся свитерами? — предложил я в порыве великодушия.

— Нет. Не впутывайтесь в эту историю. У вас ведь и собственных забот достаточно. — Он усмехнулся, как будто в самом деле мог знать мои мысли. — Больница не лучшее место, где можно укрываться долго. Надежнее была бы тюрьма, но здесь нет тюрем.

О редкостном самообладании разведчиков — а передо мной, по-видимому, был именно разведчик, — я прекрасно знал по кинофильмам. И все же я поразился его хладнокровию.

— Вот если вы не возражаете, я готов поменяться с вами палатой. На время это собьет их с толку, — сказал он.

— С удовольствием! — воскликнул я. — Только я не знаю своей палаты. Я ведь к вам попал по ошибке.

— Ну, это очень просто, — заверил он меня. — Найду.

Я лежал на чужой постели. Непонятный восторг охватил меня. Почему я радовался? Может быть, я помогаю опаснейшему злодею, преступнику? Ради чего я ввязался в эту историю? Да еще и лую!

С этой мыслью я задремал,

Меня разбудили громкие голоса. Несколько человек в черных блузах окружили кровать.

— Встать!

Я неохотно подчинился команде. Черные в растерянности смотрели на мой свитер.

— Это не он, — произнес один.

— Смотрите! — в ужасе воскликнул второй, показывая пальцем на мое лицо. — Дикарь!

Их словно ветром сдуло.

Я снова попытался задремать, но почти тут же проснулся от тихого шороха. У кровати на стуле сидел разведчик.

— Мы забыли познакомиться, — сказал он, протягивая мне руку. — Итгол.

— Олесов, — назвалса я.

Терпеть не могу собственного имени — Питирим. Не представляю, в каких святцах родители раскопали его! Мне приходилось называть себя по фамилии, даже когда знакомился с девушками. Все друзья так и звали меня — Олесов.

— Мне удалось разузнать кое-что про вас, — сказал Итгол, и я приготовился слушать.

В недавнее время на Земтере вблизи одного из полюсов пробудился потухший вулкан. Через жерло из глубины вырывались горячие газы, летели раскаленные обломки и пепел. Сам по себе вулкан угрозы не представлял, если бы в соседстве с ним не располагалась естественная кладовая запасов воды — ледяной панцирь. Газы и пепел пропаривали лед, образуя озера и временные реки. Вода мгновенно испарялась, возникали облака из микроскопических кристаллов льда. Ураганной силы ветры обрушивали размельченную массу на установки энергобашен. Удары ледяных туч были разрушительными.

На полюс снарядили экспедицию, она должна была заблокировать вулкан. В ледяной панцире начали пробивать шахту. В ее стволе и был обнаружен металлический ящик с замороженным человеческим телом, древними документами и неизвестным снаряжением.

По существующему на Земтере закону, трупы хорошей сохранности, к какому бы времени они ни относились, полагалось оживлять. Поэтому решили, что в шахте найдено тело одного из первопроходцев, осваивавших ледяной материк в каменном веке, — названия геологических эпох были у них примерно такими же, как на Земле. Контейнер, вместе со всем содержимым, был назван «Завещанием каменного века». От объяснения, каким образом мое тело очутилось в ящике и тысячелетия пролежало во льдах на чужой планете, Итгол, как показалось мне, уклонился.

Большая часть рассказа Итгола осталась непонятной мне. Как можно заблокировать вулкан? Зачем понадобилось пробивать шахту во льду? Что это за энергобашни?

Ничего этого я не стал выяснять: если мы отвлечемся на второстепенные детали, то никогда не доберемся до главного. Главным для меня было узнать — где нахожусь, сколько времени прошло с момента моей гибели?

— Почему вы планету называете Земтером? Мне известна Земля.

— Земля?.. — Итгол внимательно посмотрел на меня. — Нет, мы на Земтере.

— Сколько времени я пролежал в леднике?

— Наверное, не меньше двадцати тысяч лет. Двадцать тысяч лет все-таки не тридцать миллионов. Мне даже дышать стало легче.

— А мне говорили — тридцать миллионов, — едва выговорил я жуткое число,

— Вам действительно называли это число? — усмехнулся он.

Я припомнил вереницу нулей, которые вообще разились мне тогда. А ведь числа никто не называл вслух.

Я рассказал ему, как было.

— Очень странно! — сказал он. — Это для меня безразлично — минута ли, тысяча лет. Но для вас...

Я рассмеялся, такой у него был озабоченный вид. Будто ему и в самом деле не все равно, сколько времени пролежал я во льду.

Из его рассказа я уяснил, что нахожусь в мире, ничуть не похожем на родную Землю. Люди здесь живут не на поверхности планеты, а внутри. Цивилизация Земтера насчитывает около двадцати тысячелетий. Во всяком случае, никаких исторических документов древнее этого времени не известно. (Должен заметить, что единицы измерения у них были другими, но у меня в уме они сами собою, без каких-либо усилий с моей стороны, переводились в привычные часы, килограммы, метры).

— После каменных топоров и орбитальных ракет прошло двадцать тысячелетий, — говорил Итгол.

— Позвольте, — перебил я. — Между каменным топором и орбитальной ракетой — пропасть! Разве можно ставить их рядом?!

— Принципиальной разницы между каменным топором и первобытной ракетой на радиоактивном топливе нет: то и другое доступно людям при зародышевых знаниях о строении мира.

Он сделал попытку растолковать мне главные достижения наук Земтера, говорил о хомороидах пространств, о вакуум-клице, об их постоянной взаимосвязи с числом единиц в балансе израсходованной информации... От всей этой мешанины у меня закружилась голова.

— Видимо, вам не понять этого, — сказал он. — Но проще объяснить вряд ли возможно...

Итгол настороженно прислушивался к тому, что происходит в коридоре. Остаться долго в палате было для него опасно. Прежде чем уйти, он сказал:

— На днях вас выпишут из лечебницы. Я уже знаю заключение медицинских экспертов: вы признаны вполне нормальным человеком и поэтому будете пользоваться всеми правами гражданина Земтера. Вы сможете выбрать себе жилище в любом секторе на любом из двухсот тридцати шести этажей. На днях я повидаяюсь с вами.

С этими словами он встал и вышел из палаты. Я кинулся к двери вслед за ним — он забыл сказать, каким образом я должен буду сообщить ему о себе.

Прошло не больше пяти секунд. До ближайшего поворота коридора — не меньше ста метров. Но Итгола в коридоре уже не было.

Итгол не ошибся: через день меня пригласили в канцелярию. Чиновник вручил мне жетон — земтерское удостоверение личности.

Я имел право поселиться где угодно: не занятых помещений хватало всюду. Но прежде я решил осмотреться.

Просторные пешеходные туннели соединяли смежные этажи. Туннели были безлюдны, как вокзалы метро в ночные часы. Полотно движущейся дороги скользило безостановочно вдоль наклонных каменных галерей.

Принципиально в этом способе сообщения не было ничего нового, если, правда, не учитывать масштабов, — земтерский метрополитен обнимал целиком всю планету. Но грандиозность технических сооружений давно уже перестала меня поражать. Вообще, изумление, которое якобы испытывает человек перед величием техники, всегда преувеличивалось. По-настоящему можно удивиться один-два раза, а после все воспринимается уже как должное. Взять хотя бы поколение наших отцов и дедов: при их жизни совершился переход от лучины и керосиновой лампы к огням гидростанций, от конной упряжки к электровозу и воздушным лайнерам. А кто особенно поражался этому? Никто. Разве что журналисты...

Если разобраться, я и сам принадлежал к поколению, на чьих глазах происходила техническая революция. А что сильнее всего затронуло мое воображение? Тайна!

Я застал мир тихим и патриархальным. Вернее, таким он предстал мне: я родился в захолустье городишке, который, сколько бы ни кичился своим местоположением, сколько бы ни наговаривал на себя лишнего, на самом деле прозябал на задворках истории — главные события века разворачивались вдалеке от него. Улицы моего детства были покрыты травой, а не заделаны асфальтом, как стало позднее. Катыши лошадиного навоза доставляли усладу воробьям, а зимой ими можно было кидаться вместо камней. Первое мое знакомство с чудом произошло на ближнем углу нашей улицы. К тому времени я уже видел аэроплан и автомобиль, но не они поразили меня.

На углу стояла водокачка — насыпная избушка на курьих ножках. В ней даже оконца были сказочно крохотными. Воду носили на коромысле, и старшая сестра частенько брала меня с собою. Очень хорошо помню деревянный пенальчик, одним краем выставленный наружу из окошка водокачки. Сестра опускала в него копейку, пенальчик уползал внутрь — копейка исчезала. Сестра подставляла ведро под кран, из него начинала хлестать вспененная от напора струя. Когда ведра наполнялись, вода переставала течь, последние капли шлепались в пробитую на земле водомоину.

Вот этот пенальчик, проглатывавший наши копейки, был для меня чудом, которое затмило и самолет, и автомобиль. Позднее я узнал — в будке за крохотным оконцем сидел одноногий инвалид, он открывал и закрывал кран, пускал воду и забирал из пенала копейки. Из-за малого роста я не мог видеть, что происходит за окошком, и все казалось мне таинственным.

Поскольку все этажи были одинаковыми, выбрать оказалось не из чего. Я остановился там, где меня застигла ночь: тридцать второй этаж, сектор БЦ. Чтобы прописаться и стать на учет, потребовалось совсем немного: достаточно было опустить свой личный жетон в отверстие хлоп-регистратора — и все данные обо мне сразу же поступили в вычислительный отдел адресного блока. Взамен жетона хлоп-регистратор выплю-

нул небольшую карточку. На стандартном свитере, выданном мне в больнице, имелся специальный кармашек для нее.

Я стал полноправным гражданином Земтера. Меня предупредили, что в течение первого месяца я могу не являться в Т-пансионат. Я не поинтересовался, что это такое. Мне почему-то не очень хотелось являться туда.

Месяц свободного времени был очень кстати. Увы, в покое меня не оставили. В первый же день ко мне явился человек в форменной блузе.

— Представитель земтерского гипноцентра, — отрекомендовался он. — Поскольку вы человек новый, мне поручено проводить вас в операционное ателье.

— Это еще что такое?

— Разве вы не собираетесь надеть гипномаску?

— Гипномаску?..

Оказалось: все жители Земтера носят гипномаски. Собственная личина каждого скрыта под безукоризненной совершенной внешностью. Через каждые три года проводятся всепланетные конкурсы красоты. Победители — мужчина и женщина — становятся эталоном гипномаски.

— Зачем это понадобилось?

— Для справедливого распределения счастья. Я не поверил своим ушам.

— Разве счастье возможно распределить?

— На всей планете уже в давнюю пору установлено равенство благополучия. Понятия: нужда, бедность — позабыты. Однако люди не стали счастливы. Для многих роковой становилась ошибка, допущенная природой. Достаточно было человеку родиться с каким-либо физическим изъяном, как все усилия наисовершеннейшей системы воспитания, все блага, получаемые каждым гражданином, не могли сделать его счастливым. Гипномаска окончательно и навсегда уравнила людей. Даже в давние времена многие стремились походить друг на друга. С изобретением гипномаски не нужно стало ухищряться, кому-то подражать.

— И у вас не стало больше несчастных? Все одинаково счастливы?

Он ничего не ответил, только странно посмотрел на меня, словно я задал неприличный вопрос.

Мне не очень хотелось походить на истуканно-красивого типового земтерянина. Но выделяться среди других не имело смысла, и я чуть было не дал согласия. Мысль об Итголе удержала меня. Как ему удастся отыскать меня, если я растворюсь среди миллиардов остальных земтерян?

— Я не желаю надевать гипномаску.

На лице чиновника отразилось изумление.

Итгол ждал меня в моей комнате. Он сидел в кресле спиной к двери. Я увидел его затылок и широченные плечи в оранжево-желтом полотном свитере, но тем не менее мгновенно узнал.

«Как он сумел попасть в комнату сквозь запертую дверь? — поразился я. — Впрочем, ничего удивительного — только так и должны действовать настоящие разведчики!»

Гораздо больше меня удивило, каким образом при встрече с ним мне удавалось узнавать Итгола: каждый раз он появлялся в новом свитере, а внешность у него была стандартная — гипномаска.

— Если вы хотите узнать свое прошлое, не вайлите дурака — наденьте гипномаску, — сказал он. — Вскоре мне удастся достать кой-какие документы, интересные для вас. Не нужно привлекать к себе внимание, нам трудно будет встретиться. Завтра же отправляйтесь.

Я не успел ничего сказать. А у меня было оправдание: ведь я отказался от гипномаски только ради него, чтобы ему легче было отыскать меня. Итгол встал.

— Не подглядывайте за мною, — предупредил он с добродушной усмешкой и вышел.

Операция оказалась несложной. Меня усадили в кресло, похожее на зуболаечебное. Сверлить мне зуб не было нужды: крохотный, меньше дробины, приемник поставили на место застарелой пломбы. Излучатель наделался на шею, как ладанка. Вся процедура длилась не больше пятнадцати минут.

Я непроизвольно ощущал языком гладкую поверхность пломбы: с непривычки она мешала. Несколько стандартных мужчин и женщин захотели приветствовать меня в новом облике. Возможно, они участвовали в церемонии по обязанности, как в мое время представители общественности на молодежных свадьбах.

Объемное зеркало во всю стену отражало всех нас. Форму и расцветку геометрических знаков на своем свитере я не запомнил и потому нарочно почесал за ухом, чтобы узнать себя. Оказалось, что мой свитер украшают синие круги и красные треугольники. Встретившись взглядом с собственным отражением, я попытался иронически улыбнуться. Ничего из этой затеи не вышло — улыбка получилась чарующей. Слегка повернувшись, я увидел, как под свитером взбурились несуществующие мускулы. Мускулы у меня, конечно, были и до этого, но не такие. Просто-таки ангелоподобный геркулес, а не человек!

— Вам необходимо жениться, — заявил мне чиновник из социального отдела по охране брака и семейного благополучия.

Мое холостяцкое существование нарушило покой многих. До этого у них не было никаких забот: на всей планете царила безупречная нравственность. На Земтере нет холостяков. Каждый, достигнув зрелого возраста, вступает в брак: одинокие люди ведут ненормальный образ жизни, поэтому не могут быть счастливы. Появление холостяка насторожило не только чиновников из отдела, но и всех законных супругов, проживавших поблизости от квартала, где я поселился.

Откровенно говоря, мне совсем не приходило в голову посягать на честь земтерянок. С некоторых пор я смотрел на них, как на манекены, выставленные в витрине образцового универмага. Но, вспомнив Итгола, я уступил и на этот раз: ему нужно, чтобы я ничем не выделялся из массы добродетельных и счастливых земтерян.

В среднем на планете ежедневно заключалось по несколько тысяч браков, точнее — помолвок. Будущим молодоженам предоставлялся месячный срок на размышления. Обычай этот показался мне давним пережитком — собственно, над чем было раздумывать женихам и невестам? Все земтеряне и земтерянки были одинаковы, во всяком случае — внешне.

Женихи и невесты выстроились в две шеренги друг против друга. Мне выпала честь первым выбрать невесту. Здесь царило полное равновесие: одна пара соединилась по выбору жениха, следующая по выбору невесты.

Я не в состоянии был окинуть взглядом длиннющий строй красавиц. Разрез глаз, широко и красиво поставленных, прямые носы, пушистые длинные ресницы, просвечивающие мочки ушей, антрацитовый блеск зрачков, матовая синева белков — все, абсолютно все было у них одинаковым! Будто только что с конвейера! Красота, пущенная в тираж! Неповторимой ее не назывешь...

— Ну, что же вы, — поторопили меня.

Чиновников было трое. Мне пришла спасительная мысль.

— На счет: три-четыре — выбрасывайте пальцы, кто сколько захочет, — попросил я всех троих.

Они не сразу поняли, чего я добиваюсь от них, но мне все же удалось растолковать.

— Три, четыре! — скомандовал я.

Они дружно выбросили по пять пальцев. Плюс моих два. Получилось семнадцать.

Я подошел к семнадцатой в шеренге.

— Либзе, — назвалась она.

— Олесов, — представился я.

На ее пышной груди красовались три поперечных полосы: синяя, зеленая и красная. Легко запомнить.

Моя методика пришлось по душе остальным: каждый очередной жених и невеста заставляли чиновников выбрасывать пальцы. Большого разнообразия в числе не получалось: чиновники всякий раз выкидывали по пять.

По обычаю, нам предоставили смежные квартиры, которые сообщались между собой через просторный коридор и имели общий холл.

Я направился в свою половину.

Итгол был уже там. На полу стоял громоздкий металлический ящик. «Уж не свадебный ли подарок», — подумал я.

— Завещание каменного века, — сказал Итгол с довольно улыбкой. — Мне удалось раздобыть контейнер. Попробуйте сами разобраться, что здесь к чему. Я должен уйти.

Оставшись один, я заперся в комнате. Внутри металлического ящика лежали документы, сброшюрованные в объемистый том. Оттиски сделаны на тонких и гибких пластинках из непрозрачной синтетики. Язык, на котором составлены документы, не знаком мне. Еще там была гладкостенная капсула. Ощупывая ее, я случайно надавил потайной клапан — и она раскрылась. В ячее, оклеенной мягким защитным слоем, лежал странный прибор. Он состоял из проволочного колпака и ремней. Точнее, не ремней, а голубоватых лент, внутри которых просвечивали гибкие, металлические сверкающие нити.

Помимо колпака, в капсуле были уложены полупрозрачные кремово-желтые пластины, составленные из множества пустотелых шестиугольников. В щели между стенками я увидел белый листок, похожий на приглашенный билет. Я развернул его — и едва не вскрикнул.

«Инструкция», — прочитал я знакомое слово.

Был и пояснительный рисунок-схема: человек в странном облачении, похоже, в том самом проволочном колпаке, который лежал в капсуле.

Колпак напялен на голову, голубые ленты-постромки притягивают к затылку пластины.

Я прочитал инструкцию:

«Гибкий шлем из оплетки (№ 1) надеть на голову, хомутик (№ 2) застегнуть на груди. В двуклинный штепсель (№ 3) на ферроидиске (№ 4) поместить рожки кондуктора (№ 5) и нажать пуск (№ 6)».

Никаких пояснений, зачем это нужно, не было.

Я примерил колпак и сбрую, застегнул хомут, поместил рожки кондуктора в двуклинный штепсель на ферроидиске и — будь, что будет! — надавил пуск.

Камин на Карсте

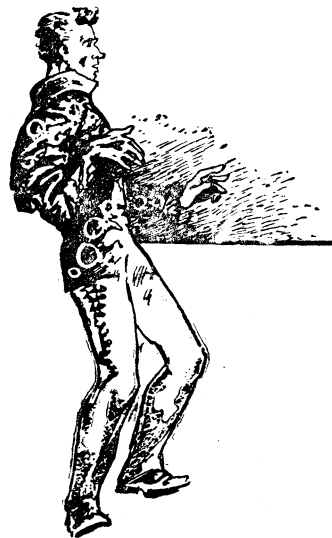
Со мной решительно ничего не произошло. В ушах раздавалось потрескивание и тихие размеренные щелчки. Стены комнаты, где я сидел, заволокли туманом.

...Туман понемногу начал рассеиваться, — выступили очертания других стен, длинного стола, колонн... Я одновременно и поразился этому, и считал, что так оно и должно быть. Мелкие заклепки на выходном люке-двери были до чертиков знакомы мне, хоть я никогда не мог видеть их прежде.

Я даже знал, что увижу, если обернусь.

Я оглянулся и увидел именно то, что ожидал: висящий в воздухе диск, изрешеченный пустотами, — в них вспыхивали и гасли разноцветные огни, — и ссутуленную спину человека. Более того, я знал: этот человек угнетен и подавлен. Обычно он никогда не сутулился.

«Кто сн? — поразился я. — Почему его спина и затылок так знакомы и родны мне? Я впервые вижу его».

Но тут же изнутри пришел ответ:
«Это мой дядя Виктор — старший мантенера-
ик на астероиде Карст».

«Что за чушь? Какой еще астероид?»
«Обыкновенный — станция обслуживания ли-
ней, главная пристань шлюпов».

Я мельком глянул в зеркало, висевшее на стене слева от старшего мантенераика, и несколько не удивился, увидав вместо себя мальчишку, стриженного наголо, в точно таком же проводочном колпаке, какой напялен на мне. Мне даже казалось — я и есть тот мальчишка. У него было смышенное лицо и недетские печальные глаза. Он несколько не походил на меня, каким я был в его возрасте.

«Я — это я, а не он, — мысленно произнес я чужим мальчишеским фальцетом. — Он там, в ящике».

В воображении возник металлический ящик — тот самый, в котором на Земтере обнаружили мое тело. Но ящик виделся мне совсем не во льдах и не на Земтере, а в тесном холодильни-
каюте, освещенном голубовато-льдыстым светом. И это было вовсе не мое, не мальчишкино тело, а его.

Мои ощущения и мысли все время путались, я не мог разобраться: кто же я на самом деле и где тело находится в ящике?

Немного спустя, свикнувшись, наконец, с мыслью о том, что при помощи колпака смотрю необычный фильм — запись чужих впечатлений и воспоминаний, я полностью вжился в чужой образ: стал мальчишкой.

Я шагал длинным коридором. Две линии пла-
фонов тянулись вдоль стен, синеватый свет рас-

сеивался в нагретом воздухе. У меня была опре-
деленная цель, я знал, куда иду.

Изредка мне еще удавалось разделять навязанный чужой внутренний мир и свой: я замечал, что походка у меня чужая, несвойственная мне, что привычка вскидывать голову слегка набок, когда нужно посмотреть вдаль, — тоже не моя.

Я вошел в кабину гравитационного канала, не глядя, достал из бокового гнезда широкий, скользяще мягкий пояс и застегнул его на себе.

Сквозь узорчатую решетку защитного барьера видно жерло канала, нацеленное вглубь, словно колодезный сруб. Вернее, направленное и ввысь и вглубь одновременно: едва я нацепил пояс, у меня потерялось чувство вертикальной ориентировки — не понять, где верх, где низ. Шаблоны кольцевых пережимов на стыках гравитационной трубы многократно повторялись, как взаимное отражение двух зеркал.

Я толкнул дверцу и по воздуху выплыл в растворенную пасть канала. Мгновенный холодок в животе — воспоминание испуга, пережитого в первом полете, — быстро сменился сладостным ощущением окрепших мышц. Мои движения плавны и свободны, как у плывущего дельфина, вытянутое тело скользит строго по центру трубы, суставы внутренних швов-соединений пронесаются мимо.

Подрулив к одной из конечных площадок, я ухватился за гибкий поручень. Ступил на площадку, решетка позади меня автоматически закрылась. Сняв пояс, я снова ощутил тяжесть собственного тела.

Выход к внешней пристани остался по ту сторону канала. Передо мною были четыре сводчатых туннеля, разделенных каменной толщей. Здесь всегда глухо, даже звука шагов не слы-

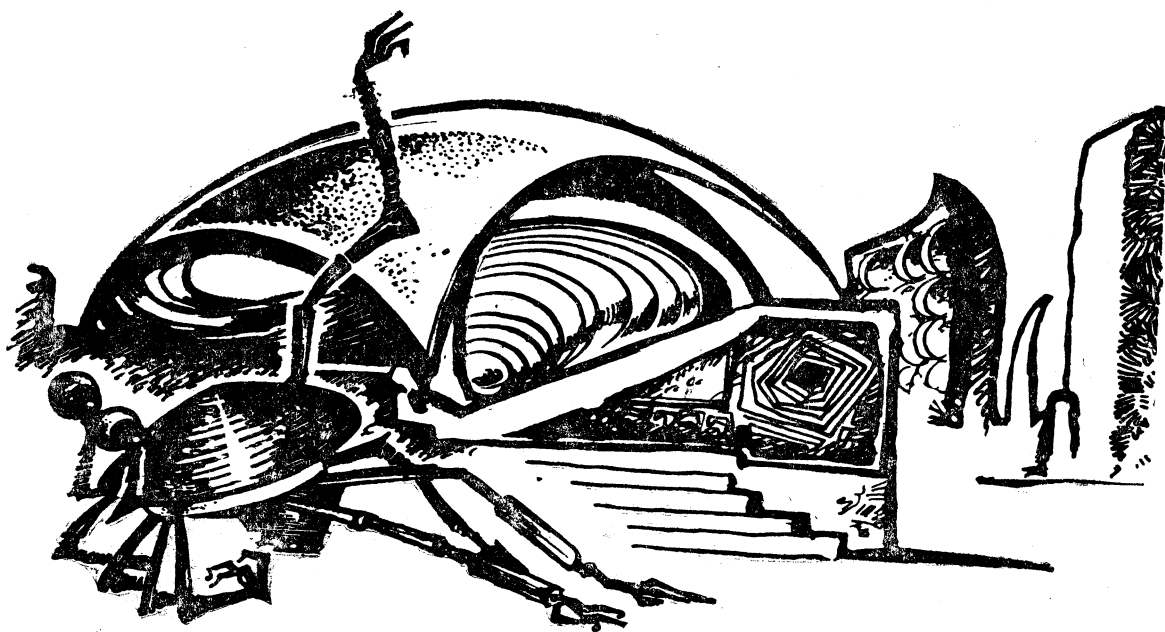
хоть, будто он пропадает в затененных ямах, чернеющих по обеим сторонам коридора, как лужицы. Мне всегда делалось страшно в этом месте, хотя на самом деле никакой опасности в них нет: в каждой из них к решетчатому заслону подведен входной рукав-дуга, и только.

Побыстрее миновал это место. Вслед за последним крутым поворотом туннеля распахнулся объем главного цирка — взгляд потерялся в миражной дали чередующихся каменных кулис и синих просветов пустоты. У меня навсегда сохранилось первое впечатление бесконечного пространства, хоть я давно уже изучил истинные границы помещения. Зрительный обман достигался одною лишь внутренней архитектурой этого зала. Но цирк и в самом деле был громадным: здесь располагались спортивные площадки, корты, бассейн. Непривычная тишина — обычно здесь всег-

едва я сжился с ним, мне стало ясно: мальчишка глубоко чем-то потрясен, даже слова: горе, беда, несчастье — не вмещали того, что выпало испытать ему. И не только он, все они, кто был в это время на Карсте, переживали тягостное чувство, близкое к отчаянию.

Мусор возле бассейна лишний раз напомнил о случившемся. Мусора не должно было быть. Сломанные роботы-уборщики — не следы преступления, следы погрома, учиненного человеком, озверевшим с отчаяния. Кто-то не перенес вида бездушных машин, выполняющих привычные обязанности. Чистота на Карсте никому больше не была нужна.

Последний поворот, за ним широкая панельная дверь. Она сама распахнулась и пропустила

да было многолюдно и оживленно — поразила меня, до отчаянной боли сдавила сердце. Мягкие подошвы ботинок тонко посвистывали на эластичной дорожке. Звуки эти подчеркивали уныние и мертвую глухоту вокруг. Неприбранные клочки и обрывки ферролент согнали сквозняком в продольную выемку у бассейна.

Вид этой жалкой горстки мусора новой болью пронзил меня. Через силу сдерживая рыдания, я побежал дальше.

Но не только мусор и тишина — все вокруг напоминало об эвакуации. Мне попались два искореженных шестипалых уборщика-гнома. Они валялись в безобразных случайных позах, будто раздавленные пауки. У одного была высоко задрана ходулина с роликовыми катками на подошве. Я не в силах был смотреть на них.

меня, а потом беззвучно закрылась. Около дюжины столов свободно размещались в пустом зале. Возле каждого стояло по два-три кресла. Ни одного человека не было здесь сейчас.

Я прошел через зал в хранилище. От остальных помещений оно отделено тройной дверью. Через нее не смеют проникать роботы — здесь начинается запретная для них зона. Только живое существо может пройти через эту дверь.

Блоки книжных стеллажей образовали город с широкими сквозными проспектами и переулками, в которых нетрудно заблудиться. Самокатные буфы на колесиках стояли наготове, спрятанные в потайных пазах. Я выдвинул ближнюю и вскочил на нее. У буфы небольшая скорость, но, отталкиваясь ногой, я так разогнался, что едва не сорвал тормоз, когда понадобилось остановиться.

На задах библиотечного города находился заповедник дяди Виктора.

Дядя Виктор, старший мантенераик астероида, мог позволить себе небольшую роскошь. Правда, когда об этом узнали, поднялся скандал, и он едва не был отстранен от должности. Однако, поскольку дополнительные расходы оказались ничтожными — дядя Виктор представил подробную смету проекта, — с чудачеством старшего мантенераика примирились.

По сути это был заповедник старины — давно отжившего уклада и быта. Несколько помещений, примыкающих к хранилищу, дядя Виктор включил в зону, недоступную для роботов. Попасты в эти помещения можно было не только через хранилище, но и через другой вход с трехбарьерной системой пропуска — через него, также могли проникать только живые существа. Здесь в сво-

— Вот он где! А мы все избегались, ищем, — услышал я позади себя благодушно ворчливый голос.

На самом деле бабушка переживала меньше других или так умела скрывать свои чувства? Каждая встреча с нею действовала на меня успокоительно. Что бы ни случилось, — даже если наш астероид сию минуту развалится и в жилые отсеки ворвется космический холод, — она до последнего мгновения будет укрывать меня своей кофтой, своим телом, чтобы хоть немного продлить мою жизнь. О себе она не подумает. Обо всех остальных, пожалуй, тоже, — только обо мне. Меня это тяготит: так я навсегда останусь перед нею в неоплатном долгу.

— Ты должен побывать еще в порту и на

бодное время собирались дядины друзья. Более тихого и спокойного места не было на всем Карсте: сюда не доносились никакие шумы.

Вот и комната дяди Виктора — старинный диван, обеденный стол, этажерка с книгами.

Над камином в стену вделана небольшая репродукция. Я боялся и хотел приблизиться к ней, заранее испытывая восторг и боль. Но именно эту боль я и хотел испытать сейчас, ради нее и стремился сюда. Ведь больше я уже никогда не смогу увидеть эту картину.

Хотя мальчишка и недолго рассматривал ее, репродукция запомнилась мне. Больше того, оригинал картины я видел в своей прежней жизни. Не помню только, в каком из музеев.

Немного кустов с осенней листвою, почти обметенной ветрами. За кустами — прямая черта горизонта, обозначенная светлой каймой неба. Солнце закатилось, осталась одна эта блеклая полоска, помогающая угадать скрытое за кустами обширное поле. В нахмуренном небе одинокая ворона. Во всем — предчувствие скорых затяжных ненастий.

От картины веяло неразгаданной печалью.

приемной станции, — напомнила она. — Осталось три часа. Не жмет тебе? — она подозрительно и неприязненно оглядела колпак, насаженный на мою голову. Сам я давно позабыл про него.

В молодости бабушка занималась биотех-

лась у нее в страстную ненависть ко всей технике вообще.

— Нисколько не жмет, — заверил я.

— Смотри. А то, может, подложить где?

Ну и бабушка! Ей ли не знать, что ничего нельзя подкладывать, — запись получится размазанной.

А как она противилась, когда выбор пал на меня!

— Если уж у вас так много личных секретов, что вы боитесь записаться, — надевайте колпак на меня. — Она подставила свои седина. — Напяливайте, напяливайте! Я не боюсь, хоть у меня своих тайн не меньше, чем у вас. Думаете, мне приятно доверять их кому-то?!

Кое-как убедили ее, что для роли информатора лучше всего подходит детский мозг, не запятанный нравственными угрызениями. Да она и сама знала это — просто упрячилась.

Предстояло выйти на поверхность астероида. От меня, правда, почти ничего и не требовалось: я попал во власть транспортирующих механизмов. Даже скафандр на мне застегивали гномы-автоматы.

Сопровождавший меня главный диспетчер показывал, где какую кнопку нажимать, куда ставить ноги, куда помещать руки, чтобы их могли охватить гибкие и прочные щупальцы передвижной клетки. Мы вышли из астероида и двинулись к пристани, где в невесомости парила сплетка малых космических шлюпов. Корзина с нами сама въехала в точно обозначенную трапецию приемного люка.

В другое время я, пожалуй, лопнул бы от гордости: со мной обращались, как с важной персоной, в наставники и помощники ко мне приставлен главный диспетчер. Сейчас все это было безразлично. Моя жизнь, как и жизнь всех нас, вошла в новую полосу — все теперь оценивалось другою мерой.

Немолодой уже диспетчер выполнял свои обязанности механически. Пожалуй, и он не отдавал отчета, что на этот раз его подопечный не взрослый, а мальчишка. Прожитые годы теперь не имели значения. Всего несколько минут сравняли нас всех.

Закончив обход, мы возвратились в приемную западного астероида. У меня было время заняться личными делами: до старта первых линий оставалось больше двух часов.

Я вновь проделал тот же путь через хранилище и снова попал в каминный зал.

Здесь все выглядело громоздким и тяжелым — мебель была в стиле давно минувшей эпохи. В ту пору люди не знали даже электричества. Помещения отапливались дровами, которые сжигали в печах и каминах. Немыслимо вообразить, откуда брали такую уйму дров! Но, признаюсь, я завидовал тем людям и так же, как дядя Виктор, часами мог просиживать у пылающего камина. Смотреть, как пламя набрасывается на поленья, как, охваченные красными и синими языками, они гудят и потрескивают.

Возле камина заготовлена вязанка дров. Я на вес выбрал поленья посуше. Составил их горкой в камине, как это обычно делал дядя Виктор.

Занялась пламя. На срезе поленьев вспучивались и пошипывали капли смолы. Теплом нажгло мне колени, накалило щеки. Но я продолжал смотреть на огонь.

В век развитой технической цивилизации люди, обреченные всю свою жизнь проводить в стерильно комфортабельных жилищах, невольно чувствуют себя обворованными, когда случайно соприкасаются с давно позабытым уютом обычного костра. Первые тысячелетия истории человечества прошли возле пещерного очага. Смутная и беспокойная тяга к живому огню ни в ком из нас не умерла окончательно.

Эти же древние чувства владели мальчишкой.

Невнятный, меняющийся рисунок прыгающих языков пламени заставлял его грезить наяву. Поленья, охваченные огнем, превратились в колонны необозримого зала, переполненного народом, гудение тяги в дымоходе — в тревожный и напряженный гул множества голосов...

Я погрузился в его воспоминания — снова стал мальчишкой: все, что происходило с ним, переживал и я.

Я плохо помню Землю, меня увезли на астероид пяти лет. Свирепый, но теплый ливень, величие пузыристых луж, которым разлиться вширь не позволяли дренажные канавы, — вот, пожалуй, самая броская картина из всего, что осталось в памяти. Да еще прореженный зеленый занавес из яблонь вдоль шоссе, по которому мчит автокат. Шальный ветер врывается в открытые окна, рубашка на мне вздулась, все мое легкое тело охвачено прохладной и щекощущей свежестью.

И вот теперь мне предстоит покинуть астероид. Ученые Земли нашли новую межгалактическую базу, и Карст им был уже не нужен.

Карст... Оказалось, что он дорог мне, так как я здесь жил. Жил! Как много, оказывается, значит это слово.

А ведь я ничего не смог полюбить здесь, кроме камина и репродукции со старинной картины. Такого непричесанного и неприбранного пейзажа, какой изображен на ней, на Земле уже не найти. Заповедные уголки, похожие на этот, были только в далеком прошлом.

Я не замечал, что плачу, — слезы катились по накаленным от жара щекам и быстро высыхали.

В каминном зале меня нашел дядя Виктор. Он сделал вид, что не замечает моего заплаканного лица. Сейчас мы с ним были равными — одни и те же чувства владели нами, были понятны обоим, в его глазах я видел ту же тоску и боль.

— Тебе пора отключаться, — напомнил он.

Все кончилось. По инерции я продолжал еще видеть горящие поленья и раскаленную решетку камина, мое лицо и руки словно бы ощущали тепло, но я уже сознавал, что нахожусь не на Карсте.

По моим щекам катились слезы, вызванные чужими переживаниями. Я очнулся окончательно — и действительность стала реальной: меня окружали благотворительно мягкие стены комнаты на осточертевшем Земтере. В зеркальной полировке внутренней крышки контейнера я увидел свое отражение — бесчувственно красивую маску. А за дверью уже слышался голос Либзе:

— Олесов, к нам пришли гости...

Я сдернул с головы колпак — он съезжил и принял форму гнезда, в котором пролежал тысячи — или миллионы? — лет.

Не в первый раз, запершись в комнате, надевал я на себя проволочный колпак. Кусок чужой жизни длился ровно четыре часа. И всегда мне только вначале удавалось отделять собственные ощущения и чувства от чужих — мальчишковых. Вся четырехчасовая программа впиталась в меня, стала частью моего прошлого.

Для меня по-прежнему ничего не прояснилось — можно сказать, загадок только прибавилось. Что это за астероид Карст? Почему там очутилось мое тело? Когда это было?..

Может быть, разгадка заключена в документах, которые находились в контейнере? Пытаться самому расшифровать неизвестный язык — затея напрасная, для этого нужно обладать способностями Шампольона.

Я машинально перелистнул несколько страниц, взгляд бегло выхватил одну строчку: «Галактические координаты искусственного астероида Карст...» — прочитал я.

Вообще там были совсем другие слова, на другом языке, но теперь я понял их. Это был язык, которым владел мальчишка.

В документах содержалось краткое описание Карста. Обо мне нигде не упоминалось.

Я уже совсем потерял надежду снова увидеть Итгола, когда он появился в моей квартире. Как всегда, проникнув сквозь стены одному ему известным способом. На этот раз он был с дамой.

Разрази меня гром, если я что-нибудь понимаю в этом! Дама Итгола была в обычной земтерской гипномаске, но я и ее не спутал бы с другими женщинами: сквозь стандартную оболочку как будто проглядывал собственный ее характер.

— Познакомьтесь, Игара, — представил ее Итгол.

Неожиданно для себя я расшаркался перед нею на манер придворных кавалеров восемнадцатого столетия. Она, с едва приметной улыбкой, так же церемонно поклонилась мне.

— Рассказывайте, что вам удалось узнать, — попросил Итгол.

Я торопливо и путано рассказал про чудесный колпак, про Карст, про мальчишку. Я боялся, что они перебьют меня и расхохочутся, — такой невероятной представлялась мне вся эта история. Но они слушали внимательно. Несколько раз перекинулись друг с другом понимающими взглядами.

— Необходимо лететь на Карст, — заявил Итгол.

— На чем? — задал я глупый вопрос.

— На звездолете, разумеется.

Подробная карта Галактики была приложена к документам, которые очутились в наших руках. Итгол сказал, что сможет вычислить маршрут Земтер — Карст.

План похищения звездолета созрел в его голове мгновенно. В нескольких словах он объяснил, что требуется от меня.

Свадебное путешествие

Уговаривать Либзе не потребовалось, она согласилась сразу.

На рейс записалось пять пар — все молодожены, точнее, будущие молодожены, как и мы с

Либзе. Двое, Герий и Эва, были даже помолвлены в один день с нами.

Рейс выполнял громадина-звездолет, когда-то ходивший между Земтером и Тритоном — небольшой оставшей звездой, удаленной от Земтера всего лишь на полтора светогода. На Тритоне находились главные рудники земтерян. Корабль давно уже отслужил свой срок и был наскоро переоборудован в пассажирский прогулочный — нечто вроде космического дилижанса.

Обычными пассажирами на нем были отпускники и молодожены. Корабль описывал несколько витков вокруг планеты на первой космической скорости. Такая прогулка разве что в мое время на Земле показалась бы заманчивой. Поэтому желающих было немного.

Просторные залы ожидания находились в одном из верхних этажей. Они казались совершенно пустынными. Несколько скусающих парочек, вроде нас с Либзе, сидели в креслах неподалеку от выхода на стартовую площадку.

Больше от меня ничего не требовалось. Для выполнения нашего плана нужно было заправить корабль топливом — не на короткий рейс, а полностью, чтобы хватило до Карста. Нужно было вложить в автопилот новое задание, маршрут, рассчитанный Итголом. Но все это Итгол брал на себя.

Началась посадка.

Я не заметил, когда именно кончился коридор и мы очутились в салоне звездолета. Итгола с Игарой среди пассажиров не было, и я подумал уже, что затея провалилась. Но в следующий момент увидал их обоих: Итгол помогал Игаре усаживаться в кресло. Только что я насчитал в салоне пять пар, а стоило мне на миг отвернуться — их оказалось шесть.

Кресла-корзины были расположены посредине в три полукруга. Они висели в воздухе, как качалки. Непонятно, на чем они держались: никаких подставок или подвесок не было видно.

Мы расселись, люки захлопнулись, внутри громады корабля раздались невнятные шумы — загудело, защелкало, запищало. В салон из нескольких овальных отверстий поползла шипучая пена. Она заполнила все пространство, окутала наши тела и кресла. Пена была густая и упругая, как резина.

Не знаю, сколько времени продолжался полет, не знаю, спал я или бодрствовал. Послышался знакомый свист — пена схлынула. Последние голубоватые хлопья с шипением таяли на одежде, на креслах, на полу и в сборках занавеси, скрывающей окно-иллюминатор. Нечеткий лунный свет лился с потолка, фигуры людей, сидящих в качалках-корзинах, были плохо различимы. Что-то показалось мне странным. Я не понял, что именно. Все зашевелились, заерзали, оглядывая друг друга в полумраке.

— Хорошо бы прибавить свету.

Это сказал Итгол.

Свитер висел на нем необычно, будто не на живом человеке, а на огородном пугале — мешком, не по росту. Да и весь он словно усох и съежился в своем кресле.

На потолке в центре салона загорелся свет. В никелированном подлокотнике я увидел отражение поразительно знакомого лица, нисколько не похожего на гипномаску земтерянина. Я не сразу сообразил, что это мое собственное лицо, каким оно было прежде.

Видимо, я слишком резко шевельнулся —

тело выскользнуло из кресла, я беспомощно забарахтался в невесомости. Одиннадцать других пассажиров, с совершенно незнакомыми мне лицами, молча наблюдали за моими потугами в воздушной акробатике. Мне все же удалось пойматься за ляжку кресла и боком впихнуть свое тело в распахнутую корзину-сидение.

Вначале нужно потихоньку осмотреться и осмыслить: что же случилось, почему я оказался в окружении незнакомых людей? И все — разные!

Итак, по порядку: мы стартовали с Земтера и прибыли... Куда прибыли? Да и был ли старт? Слишком мало времени прошло: такое ощущение, будто вздремнул на часок, не больше. Впрочем, во всей этой истории со мной, которая началась там, в горах, время ведет себя странно: то ли миллионы лет прошли, то ли полгода. Буду принимать во внимание одни факты: мы находимся в невесомости, я утратил гипномаску — у меня прежнее, свое лицо, вокруг меня незнакомые люди — узнаю только их свитеры. Стоп, стоп! Я оглядел себя: рисунок на моем свитере остался без изменений — точно таким он был на Земтере. Стало быть, я вижу тех же самых людей, только без гипномасок. Должны же ведь и у них быть собственные лица. Значит, наш корабль в самом деле находится на таком расстоянии от Земтера, где влияние гипноцентра не сказывается.

Видимо, остальные тоже переваривали все это: молча оглядывали друг друга. Из всей компании только двое, мужчина и женщина, почти не изменились — остались такими же красавцами, какими были на Земтере. Судя по свитеру, женщина была моей невестой, Либзе.

На свитере у мужчины на груди горизонтальные полосы — это Герий. Жуткая мускулатура распирала его одежду, стоило ему чуть шевельнуться, бычья мослы перекатывались под свитером. У него в самом деле красивое лицо — этакая мужественная красота. Только вот недоуменный взгляд придавал ему глуповатое выражение...

Хотя я не мог знать, как в действительности выглядят Итгол и Игара, их обоих я узнал сразу — не нужно было и свитеры разглядывать. Игара была невысокой и щуплой. Ее лицо поражало богатством мимики, быстрой сменой настроений. Она то ли готова была рассмеяться, то ли просто недоумевала: где она и что случилось? С Итголом она не разговаривала, только переглянулась. Они и прежде понимали друг друга без слов.

Итгол далеко не молод. Мочки ушей у него оттянуты книзу, они, как подвески, свисают по обеим сторонам крупного негроидного лица. На голове короткая седая щетина волос. Большие, чуть навязывают глаза с живостью перекидываются с одного предмета на другой.

Несколько минут все внимательно приглядывались друг к другу. Первым заговорил Итгол.

— Ну-с, распоряжайтесь — мы ваши гости, — обратился он ко мне. — А что касается этого, — он как-то небрежно обмахнул длинными пальцами свое лицо, — понемногу привыкнем.

Он сорвал с себя ладанку, подвешенную на шнурке, и отшвырнул ее.

— Здесь эти штуки не нужны...

Металлический жетон описал параболу, ударился о потолок и поплыл книзу.

Я подобрался к иллюминатору, отдернул шторку. Среди немигающих звезд обрисовался силуэт громадного тела. На его поверхности, будто брызги, были раскиданы зеленые и синие огоньки. Я подумал, что вижу стартовую площадку Карста, но, хорошенько присмотревшись, понял ошибку — за окном маячил обыкновенный шлюп. Я хорошо знал, что это шлюп, потому что видел его мальчишкой. Роботы уже выдвигали из его чрева входной трап.

Я ощутил щемящую и сладостную боль, знакомую каждому, кому случалось возвращаться в родные места после долгой разлуки. Насколько же прочно вошли в меня чувства мальчишки! Ведь места были родными ему, а не мне.

Скорей, скорей! Я лихорадочно разбирал кипу скафандров, сложенных в боковом отсеке кабины, и по одному вышвыривал их в салон.

То, что я побывал здесь в образе мальчишки, помогало ориентироваться: я действовал безошибочно.

Голубоватый свет прожекторов освещал наш короткий полет через бездну. То, что во все стороны разверзлась бездна, сознавалось непривольно: такой плотной черноты невозможно представить нигде.

Я подрулил к приемной площадке и помог остальным войти в шлюп.

Когда я потянулся к торчащему из стены

рычагу, даже мои пальцы вспомнили мягкую шероховатость рукоятки. Только тогда, у мальчишки, пальцы чуточку не сошлись, а моя ладонь облегла рукоятку плотно.

Тело ненадолго налилось тяжестью — сказывалось ускорение шлюпа, — потом снова возвратилась невесомость, и ремни ослабли.

Опять накатила тяжесть. Я догадался: подлетаем к цели, двигатели выполняют торможение.

Корабль мягко пришвартовался, гулом отозвались опустевшие баки с остатками горючего, последняя судорога дрожи прокатилась по ме-

таллической обшивке шлюпа. Где-то под нашим полом задвигались автоматы, устанавливая герметически закрытый переход во внутренние помещения Карста.

Лишь у самого входа было тесно, как в прихожей, дальше коридор расширился.

В лабиринте можно идти по двое, и я взял под руку Либзе. Позади вразнобой слышались шаги остальных.

Створы тяжелой двери уползли в пазы, автоматический луч-счетчик зарегистрировал каждого из нас. Пoblзости натужно гудели запасники-трансформаторы.

Свинцово-каменные плиты встали на прежнее место. Открылись вентиляторы. Разреженный воздух, который мы занесли, с шипением уходил в них. Изоляционный душ шумно оросил наши скафандры. Вакуум-насосы увлекали воду в очиститель. Слышно было, как в карантинный приемник нагнетается местный воздух.

Теперь можно было освободиться от скафандров. В первое мгновение воздух показался мне кислым, с легким запахом гнили. То же самое почувдилось тогда и мальчишке.

Все, до мельчайшей подробности, памятно мне. Я уверенно шагнул прямо на закрытую дверь, зная, что она вовремя распахнется сама. Но произошла короткая заминка — будто от долгого бездействия механизмы заржавели — я слегка ударился коленом. Ушиб был не сильным, но я все же поразился. И только минуту спустя понял, что поразился вовсе не я, а мальчишка. Вернее, я поразился его памятью: самому мне не могло прийти в голову шагать на запертую дверь.

За дверью была гравитационная труба. Знакомое ощущение полета без крыльев, пропалсть в оба конца, ноющий холодок в животе... Я свободно, будто в полусне, управлял своим телом — делал все точно, как требовалось, как делал мальчишка. Всем остальным полет давался не просто. Их прибывало к внешним стыкам трубы, невольный страх заставлял их цепляться за неохватистые гладкие выступы. Я по очереди подплывал к каждому и помогал выбраться на середину, где направленный поток сразу подхватывал невесомые тела. Меня разозлил Герий. Его мускулистое тело, приплюснутое к стыку, было нелепым и смешным. Он смотрел на меня обезумевшими от ужаса глазами.

— Не прикасайтесь ко мне! — вопил он. — Я никуда не хочу!

Я влепил ему отрезвляющую пощечину. В невесомости удар был слабым и не причинил ему боли. Он только удивился. Но все же взял себя в руки. В конце ему даже понравился полет, у него по-детски заблестели глаза, и он улыбался, видимо, совсем не помня обиды.

Тот самый ужас, какой испытывал мальчишка в туннеле, пробитом в известковой толще, невольно охватил нас всех. Мягкая женская ладонь легла в мою руку, я, не оборачиваясь, легонько сдвинул чужие пальцы. Женщина боязливо прильнула к моему плечу. Я сбоку поглядел на нее: к моему удивлению, это была не Либзе, а Эва.

За недолгий срок, проведенный нами без гипномасок, у меня не было времени хорошенько приглядеться к ней: что она Эва, невеста Герия, я определил по рисунку на свитере. Их помолвка состоялась в один день с нашей. Эва несколько не походила на земтерскую гипномаску, ни лицом, ни сложением, — угловатая, чуточку нескладная, с внимательными настороженными

глазами. И еще — с затаенной улыбкой. Даже и сейчас Эва улыбалась, пересиливая страх и косясь на глубокие ниши, из которых веяло сухим шестом работающих в полную мощь дуг ов.

Внутренние помещения Карста не разрушились, не обратились в прах. На Земле достаточно было нескольких тысячелетий, чтобы напрочь сгинули города, империи и даже цивилизации. А за миллионы лет там способно исчезнуть что угодно — горные цепи и материк. Правда, истребляет не само время, а ветры, реки, солнечный зной, стужа и тление. Здесь же, как в громадной консервной банке, время остановлено: ни ураганов, ни наводнений, ни резкой смены погоды — климат поддерживается искусственно. К тому же роботы постоянно следят за сохранностью помещений и убранства, периодически подновляют все.

Мы вошли в пустынный цирк. Навечно застывшие каменные кулисы распахивались перед нами. Пространство, разделенное ими на центральный и боковые нефы, как будто не замыкалось стенами, а терялось в бесконечности. Страх остался позади. Прислушиваясь к затихающим ударам собственных сердец, мы с Эвой ждали, когда соберутся остальные.

Либзе вошла под руку с Герием. Он с галантным поклоном возвратил мне мою будущую супругу.

Все это время что-то настораживало меня, почему-то я испытывал беспокойство. Кажется, я понял, наконец, откуда во мне взялось это смутное ожидание беды: все-таки тревога была не моей. Мальчишку мучили угрызения совести, как будто он совершил такое, чего не следовало делать. За те немногие часы его жизни, известные мне в подробностях, он не сделал ничего, в чем бы нужно было раскаиваться. Может быть, мальчишка совершил опасный поступок уже после того, как проволочный колпак, записывающий все его ощущения и мысли, был отключен? Но это было и вовсе нелепо: я не мог знать, что происходило с ним в последующие часы.

Тут была какая-то загадка.

В зале Виктора все было не таким, как в остальных помещениях, где властвовал стандарт. Камин, отделанный камнем, чугунная решетка, мебель, карнизы, бра и шторы вместо обычных, потайных светильников, как повсюду, дубовые косяки... Должно быть, электропил в самом деле чудесное средство: дерево выглядит совершенно свежим. На беглый взгляд ничего не изменилось. Даже краски на репродукции, вделанной в стену над камином, не потускнели. Клюка, щипцы и совок — будто только и ждали, чтобы кто-нибудь растопил камин и воспользовался ими.

Убранство этого зала даже и в мое время показалось бы старомодным. Наверно, в чуде-стве Виктора выразился протест против безликости, которая к его времени начала приобретать космические масштабы.

Вот теперь мне стало ясно, по чему я больше всего истосковался на Земтере — по живому теплу, по трескучему пламени сгорающих дров. Никакое искусственное отопление жилищ не способно истребить древнюю память о пещерном костре, некогда объединяющем людей.

Сквозь тройной оградительный барьер, где меня дотошливо ощупали незримые контрольные лучи, я вышел во внутренний коридор.

На миг меня поразило: почему я знаю про этот выход? Мальчишка не был здесь. Вообще, я почему-то знаю гораздо больше того, что вместились в четырехчасовую запись мальчишкиной жизни.

Из ближней ниши вывалился шестиногий уродина-паук. Правда, его с одинаковым основанием можно было назвать шестируким: все шесть складных ходулин могли быть и руками и ногами. Бесшумно подковылял. Круглый глазок янтарно вспыхнул у него во лбу.

— Слушаю.

От этого сухого и ясного голоса меня непроизвольно передернуло. Чувство гадливости, которое он вызывал мерзкою формой, усилилось. За те немногие часы, что я пробыл в образе мальчишки, я не имел дела с роботами — видел только их искореженные тела в цирке. Услышать человеческий голос было неожиданно.

Я подавил отвращение.

— Принесите вязанку дров, мяса на двенадцать порций шашлыка и кувшин вина.

— Через пять минут, — пообещал робот и укочивлял от меня по коридору.

Длинный пустой коридор с несколькими нишами, в которых затаились пауки, действовал угнетающе. Омертвевшая тишина подавляла и настораживала. Может быть, тем и настораживала, что вовсе не была такой абсолютной, как должна была быть. Почудился невнятный заглушенный звук — так вскрикивают от внезапного испуга или от боли.

Показался робот. Двумя клешнями он толкал перед собою двухэтажную тележку на роликах. Тонкий писк струился из-под нее, видимо, смазка была не безупречной. На нижней полке сложены поленья, наверху посуда и продукты. Всего я сразу не охватил, но что-то из принесенного показало мне странным.

Забрав тележку, я покатыл ее к двери. Опять защелкали контрольные счетчики, исследуя: человек ли я, не робот ли?

Машинально похлопал себя в тех местах, где обычно находятся карманы. Совсем позабыл, что на Земтере никто не пользуется спичками. Как же добывал огонь мальчишка? Ведь он растапливал камин. Вспомнил! Вот эта штука, похожая на медицинский шприц, — миниатюрный огнемёт: нажмешь на кнопку — брызжет огонь. Огненная струя была такой жаркой, что дрова мгновенно занялись пламенем. Все же не до конца Виктор был последователен: к обстановке каминного зала скорее бы подошли кресало и трут, чем автомат.

Видимо, никто из моих спутников прежде не видел огня. Эва попыталась ладошкой погладить плещущий язык пламени — и удивленно отдернула руку. И так же, как делают дети, сунула обожженный палец в рот. Непроизвольный этот жест почему-то поразили меня: такое чувство, будто среди манекенов из папье-маше я вдруг обнаружил неподдельного живого человека.

Я надеялся, что мясо на шашлыки подадут выдержанным в лимонном соке со специями. Но, по-видимому, Виктор готовил мясо сам.

Разделявая мясо, я понял, что именно удивило меня недавно. Меньше всего вырезка походила на баранину — скорее уж на конину. Только вот жир почему-то желтый, словно барсучий.

Когда я позже спросил об этом робота, он ответил, что подал говядину. А цвет жира объяснил тем, что скот содержится в темноте. Это было похоже на правду. Возможно, за тридцать миллионов лет бараны вымерли, а коровы в подземных стойлах выродились. Должна же и у них продолжаться эволюция. Почему я решил, что застану здесь все таким, как было?

Угли нагорели. Мангал и шампуры хранились на обычном месте, в боковой нише камина. Он на добрых полтора метра выдавался из стены, был облицован темным зернистым диабазом. В устье печи имелось специальное гнездо, куда ставилась жаровня, так что дым и чад уходили в трубу.

Запах мяса сводил меня с ума. Я не представлял, как сильно истосковался по натуральной пище.

Раздав всем по шашлыку на шпажке, я налил вина в бокалы. Никакой другой посуды истукан-робот не подал, а мне не хотелось лишней раз встречаться с омерзительным существом.

Мясо оказалось сочным, вкусом оно действительно напоминало говядину. Однако... никто из моих гостей не отважился приступить к шашлыку.

— Ну же, смелее! — подбодрил я Герия. Мне хотелось загладить свою вину перед ним: сейчас казалось — он не заслуживал пощечины.

Герий попытался откусить, но не смог перегрызть волокна и положил в рот целый кусок. Долго мусолил его — не жевал, а именно мусолил, будто у него во рту были голые десны. Хотел проглотить и подавился. Я по земной привычке постучал его по спине. Он испуганно выпучил глаза.

Немного поесть отважились еще трое: Итгол с Игарой и Эва. У всех остальных, похоже, крольчья кровь в жилах.

Странно: почему эти трое все время выделяют? Во всем!

Но нужно было позаботиться и об остальных. Закажу им манную кашу! Всякую пищу, кроме шашлыков, готовили на общей кухне. Приготовление шашлыков — тоже привилегия Виктора.

Робот не вышел мне навстречу. Я заглянул в нишу — пусто. Мне не могли быть известны порядки, заведенные на астероиде, но почему-то я был твердо убежден: паук не смеет никуда отлучаться из ниши без указания.

Я не знал, как нужно величать робота.

— Эй, вы, сударь! — крикнул я.

За поворотом в коридоре раздалась шлепающие шаги. Паук мчался на меня атакующим маршем, пользуясь одновременно четырьмя конечностями. За три шага — я уже хотел с позором бежать от него — робот остановился.

— Слушаю.

— Восемь порций манной каши и столько же молочного киселя.

— Через пять минут, — произнес он стереотипную фразу.

Я не дал ему уйти.

— Который сейчас год? — спросил я и замер от волнения.

— Тридцать миллионов одна тысяча двести шестнадцатый, двадцать восьмое декабря, — отчетливо ответил он.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

ПЛАНЕТА

ПОД ОБСТРЕЛОМ

«Свидание» не состоялось, но...

В начале 1968 года в газетах стали появляться интригующие сообщения: астероид, диаметром примерно полтора километра, приближается к Земле со скоростью свыше сорока километров в секунду. Неужели он врежется в нашу планету? Последствия такого события были бы ужасны. Извержения Везувия 79 года, в результате которого была погребена Помпея, взрыв острова-вулкана Кракатау в 1883 году, в результате которого возникла волна высотой двадцать метров, поглотившая 36 400 жителей соседних островов Ява и Суматра, извержение вулкана Мон-Пеле в 1902 году, уничтожившее цветущий город Сен-Пьер и в течение нескольких минут унесенное 30 000 человеческих жизней, ашхабадское и ташкентское землетрясения 1948 и 1966 годов и другие грозные явления природы померкли бы рядом с таким событием, как столкновение двух планет.

Знаменитая тунгусская катастрофа вызвана, по мнению большинства ученых, падением космического тела массой примерно в миллион тонн. Масса же астероида Икар астрономами была оценена в 4,5 миллиарда тонн. Четыре с половиной тысячи тунгусских метеоритов... Что бы произошло с нашей планетой, если бы «свидание» с Икаром все же состоялось?

В настоящее время ученые довольно четко представляют себе механизм и последствия

подобных столкновений. Лабораторные опыты по моделированию такого удара и некоторые теоретические соображения показывают, что в первые мгновения после столкновения космическое тело, упавшее на сушу, продолжает двигаться вперед, углубляясь в горные породы. Одновременно возникает ударная волна огромной мощности, давление на фронте которой может достигать миллиона атмосфер. Колоссальная энергия, которой обладает космическое тело до столкновения, не может исчезнуть бесследно. Она должна проявиться в другой форме, главным образом в виде тепла, недостаточного, чтобы полностью испарить всю массу астероида и значительную часть земного вещества. Поэтому агония космического пришельца предстает собой грандиозный взрыв. На месте падения астероида останется чашеобразная воронка — метеоритный кратер.

Диаметр метеоритного кратера можно рассчитать по формулам, основанным на законе подобия. Этот закон выведен на основании замеров больших взрывов на Земле. Он гласит: объем воронки пропорционален энергии взрыва. Значит, если бы Икар врезался в Землю, то на теле нашей планеты образовалась бы «рана» около ста километров в диаметре, а окружающая местность на десятки и сотни километров была бы превращена в пустыню.

К счастью, как и предсказывали астрономы, 14 июня 1968 года астероид прошел мимо Земли на расстоянии всего лишь семи миллионов километров.

Однако, несомненно, что за длинную историю существования Земли такие космические «свидания» были и, вероятно, не раз.

Бомбардировка из космоса

Крупные метеориты падают на Землю примерно раз в год. Впрочем, падают — не то слово. Скорее «выпадают», ибо все метеориты, как правило, рассыпаются на осколки еще в верхних слоях атмосферы, и на Землю обрушивается так называемый метеоритный дождь. Крупнейшим событием такого рода за последние столетия можно считать сихотэ-алинский метеоритный дождь, «выпавший» зимой 1947 года над западными отрогами Сихотэ-Алинского хребта. Экспедиция Комитета по метеоритам АН СССР, организованная известным исследователем межпланетного вещества доктором геолого-минералогических наук Е. Л. Криновым, установила, что на площади примерно в полтора квадратных километра возникло 24 кратера диаметром от 8,5 до 26,5 метра, образованных осколками метеорита. Кроме кратеров, найдено 176 воронок и лунок диаметром от восьми метров до нескольких сантиметров. Массу сихотэ-алинского тела экспедиция оценила в 500—1000 тонн.

Как часто могут сталкиваться с нашей планетой более крупные космические тела? Каковы масса и размеры самого крупного, который может столкнуться с Землей? Ответить на эти вопросы точно в настоящее время пока еще нельзя, однако получить хотя бы приближенный ответ можно.

Астрономы выявили закономерность: чем больше масса частицы, тем меньше таких космических частиц. После долгого изучения ученых уда-

лось оформить эту закономерность в формулу: число частиц, падающих за какой-то промежуток времени на Землю, обратно пропорционально квадрату их средней массы. Сразу оговоримся: закон этот получен при изучении относительно небольших частиц. О том, что он справедлив и для крупных тел, мы можем только предполагать с большей или меньшей степенью достоверности. Но, чтобы получить ответ на вопросы, заданные выше, придется пойти на такое предположение. И вот оказывается, что самое крупное тело, с которым Земля могла столкнуться за время своего существования, могло иметь массу 10—35 миллиардов тонн. Это настоящий астероид! Если допустить, что скорость столкновения его с твердой поверхностью нашей планеты равна сорока километрам в секунду, то при этом должен образоваться кратер диаметром до двухсот километров. Есть ли такой кратер на нашей планете?

В зависимости от массы космического тела и скорости его столкновения с твердой поверхностью планеты различают ударные и взрывные кратеры. Ударные кратеры очень похожи по внешнему виду на воронки от авиационных бомб. Только вместо осколков снарядов в этих воронках — метеоритные осколки.

Взрывные же метеоритные кратеры — явление более интересное. Экспериментально доказано, что возникают они лишь в тех случаях, если скорость столкновения космического тела с твердой поверхностью планеты превышает пять километров в секунду. К настоящему времени на Земле обнаружено семь достоверных взрывных метеоритных кратеров диаметром от 100 до 1200 метров. Космическое происхождение их не вызывает сомнения — в кратерах и вокруг них найдены осколки метеоритов. Тщательное геологическое обследование этих кратеров, эксперименты по моделированию сверхскоростного удара, изучение воронок, образовавшихся при подземных ядерных взрывах, и опыты по выявлению природы ударной волны дали в руки ученых еще несколько признаков взрывных метеоритных кратеров. Все они обяза-

ны своим рождением воздействием на горные породы мощной ударной волны, давление на фронте которой может достигать миллиона атмосфер.

На огромной территории Советского Союза пока известны две достоверные группы метеоритных кратеров. Об одной из них мы уже упомянули — это сихотэ-алинская. Их особо важное научное значение состоит в том, что образовавший их метеорит наблюдался при падении. Другого такого случая в истории науки нет. Кратеры Сихотэ-Алиня — самые молодые на Земле. Поэтому, несмотря на их сравнительно небольшие размеры, они тщательно изучаются специалистами.

Другая замечательная группа — это кратеры Каали, расположенные в Эстонии, на острове Сааремаа. На них обратили внимание еще в прошлом веке, но доказательство их «небесного» происхождения было получено лишь в 1937 году, когда были найдены сильно заржавленные осколки железного метеорита (кстати, до сих пор все метеориты, находимые в кратерах, оказываются либо железными, либо железокремневыми). В этой группе несколько ударных кратеров и один взрывной, наиболее интересный. Край его чаши на шесть метров поднимается над окружающей совершенно плоской равниной. Диаметр кратера 110 метров, а глубина его до дна озера, заполнившего чашу, — 16. Весь кратер зарос деревьями. На внутреннем склоне вала до сих пор видны торчащие, вздыбленные пласты горных пород, приподнятые взрывом.

Катастрофа на острове Сааремаа произошла 2600—3000 лет назад. Это удалось установить по содержанию радиоактивного углерода в древесном угле, найденном в одном из кратеров.

Есть в нашей стране и такие места, где существование метеоритных кратеров предполагается, но еще не доказано. Например, еще с 1913 года в коллекцию Академии наук стали поступать осколки железного метеорита Чинге из Тувы. Осколки несли следы мощных деформаций, характерных для продуктов выброса из метеоритного кратера. Однако сам кратер до сих пор не найден.

В Сибири, на Патомском нагорье, на крутом горном склоне расположен очень интересный кратер диаметром 86 метров по гребню вала. Вал сложен местными горными породами, разбитыми на отдельные глыбы. В центре чаши возвышается горка. Откуда взялся этот странный кратер?

С 1947 года Комитет по метеоритам стал собирать сведения о тех объектах, которые похожи на метеоритные кратеры. Среди сообщенных, поступивших с тех пор, есть и касающиеся Урала.

В 1961 г. А. Кирьяков сообщил, что он видел в верховьях Печоры, близ Кожвы, озеро овальной формы, размерами приблизительно 50 на 100 метров. Лес вокруг озера был повален.

Недалеко от города Нижнего Тагила есть так называемое «Бездонное озеро» диаметром около 250 метров, очень большой глубины. Форма его слегка вытянутая, стенки наклонены внутрь. Поскольку известняк и мрамор встречаются лишь в 9 километрах от озера, П. Г. Ивунин, сообщивший нам об этом озере в 1964 г., заключает, что воронка является не карстовым провалом, а метеоритным кратером.

В Троицком районе Челябинской области находятся округлые озера Касаба, Чебакуль и Кукай, каждое площадью по 80—100 гектаров.

Между Аральским морем и Мугоджарами расположена округлая впадина Жаманшин, диаметром до пятнадцати километров.

Разумеется, далеко не все приведенные озера и впадины окажутся метеоритными кратерами. Однако их внимательный осмотр и тщательное описание, а также поиски других похожих на кратеры чаш и воронок помогут ученым решить, какие объекты заслуживают дальнейшего изучения. Ясно одно: далеко не все космические шрамы на территории нашей страны выявлены и изучены.

**В. ЦВЕТКОВ, сотрудник
Комитета по метеоритам
АН СССР,
Л. ШКЕРИН, сотрудник
Геологического
института АН СССР.**

ЧУКОТСКАЯ СЮИТА

Фото Б. КОРОБЕЙНИКОВА

Новый день над землей начинается в Беринговом проливе. Солнце, чуть приподнявшись над Тихим океаном, освещает два низких, почти незаметных острова: американский — Крузенштерна и советский — Ратманова. Между ними — полоса воды шириной около трех миль. Посреди этого пролива проходит государственная гра-

Танец охотника.

Журавлиная верность.

ница. Она же является и международной линией смены дат.

День на Чукотке начинается весной — после долгой полярной ночи. И начинается он с рассвета, повторяющегося много дней подряд, прежде чем солнце, долго прятывшееся за горизонтом, появляется над островами Крузенштерна и Ратманова в виде багровой «горбушки». По-чукотски рассвет — «эргырон». И наверное потому, что с таким нетерпением на Чукотке ждут весны, тепла и солнца — ведь там

зима продолжается 280 дней в году! — свой хореографический ансамбль чукчи назвали «Эргыроном».

Рождение «Эргырона» — большое событие на Чукотке. Его участники — юноши и девушки, вчерашние школьники, только что получившие аттестаты зрелости, — подготовили большую программу: пантомиму о жизни северян, о прошлом и настоящем своего

Веселые оленеводы.

Солстка «Эргырона» Лидия Ажар.

края. Положив в основу пантомимы национальные чукотско-эскимосские танцы, художественный руководитель «Эргырона» М. Ф. Шаповалов сумел придать танцам вполне современный, четкий и законченный рисунок. Первые же выступления «Эргырона» принесли его участникам большой успех. И теперь в Доме культуры и клубах этого самого восточного уголка нашей страны ждут «Эргырон» с таким же нетерпением и надеждой, как и рассвет нового дня, который приходит с острова Ратманова.

ШЛЮЗЫ НА ЧУСОВОЙ

СОХРАНИМ ПАМЯТНИКИ ПРОШЛОГО!

Однажды, работая в Тагильском архиве над материалами о сплаве заводских караванов по Чусовой, я встретил любопытную запись. В толстом шнуrowанном томе, названном «Отчет о сплаве горнозаводских караванов по Чусовой в 1857 году», указывалось, что в весенний сплав в Уткинских и других «гаванях» было построено и отправлено через «шлюзы» 83 барки и коломенки, груженные уральским чугуном и железом.

«Шлюзы» и «гавани» на Чусовой?! Возможно ли? Но это оказалось действительно так. На Чусовой и поньше сохранились уникальные гидротехнические сооружения, созданные в XVIII веке уральскими «плотинных дел мастерами».

В Усть-Утке, там где Чусовая принимает приток Межевую Утку, на площади в несколько десятков гектаров, до сих пор видна сложная система бассейнов (земляных котлованов), перегороденных земляными валами и соединенных между собой протоками. Это и есть «гавани». Весной, когда воды Межевой Утки заполняли гавани и уровень воды в них становился выше, чем в Чусовой, тогда открывали «шлюз». Груженные баржи выплывали из гавани и, подхваченные быстрым течением Чусовой, устремлялись вниз по реке.

Чусовской шлюз, по местному — «барочный полушлюз», представляет собой очень интересный тип судопропускного устройства. Стены и большие массивные двустворочные двери (ворота) шлюза делались только из лиственниц, способных, как известно, сохраняться в воде многие годы. Деревянные детали скреплялись коваными скобами. Ворота открывались с помощью сложной и оригинальной системы воротов.

Местные жители рассказывают немало интересного об использовании «гаваней» и «шлюзов». Здесь хранят память о вольном мастере М. Утемове, который в 1760 году построил первый на Чусовой пароход с железным корпусом и доказал возможность пароходства на быстрой горной уральской реке.

Запись о «гаванях» и «шлюзах», найденная в архивных материалах, привела меня и в село Чу-

совское, где, как оказалось, тоже почти полностью сохранились старинные «гавани» и «шлюзы» и другие сооружения, связанные с использованием Чусовой для судоходства. Были они и в поселке Староуткинском, но при реконструкции заводской плотины «гавани» частично засыпали, «шлюз» разрушен, уникальная чугунная плита с именами создателей этих замечательных сооружений отправлена в доменную печь.

Интересными и примечательными памятниками на Чусовой следует признать и многочисленные заводские плотины, построенные на речках Ревде, Утке, Койве, Серебрянке, Сылве и других. В их создании принимали участие талантливые гидротехники С. Злобин (Ревдинская плотина, ныне объявленная памятником истории и гидротехники Урала), К. Ушков (Висимская плотина и комплекс сооружений по переброске стока реки Черной в Тагил) и другие уральские мастера.

Но есть в бассейне Чусовой еще один, совершенно редкостный и необычный памятник инженерного искусства XVIII века. Это полуторакилометровый подземный тоннель и водопроводящий канал, соединяющий речку Глубокую (бассейн Чусовой) с речкой Полдневой (бассейн Исети). Построенный в 1876—1887 годах, тоннель без капитального ремонта действует и сейчас. Через него воды речки Глубокой и Глубоченского пруда поступают в Полевской пруд, используются для водоснабжения.

Свердловские краеведы Е. Коняев, Г. Сысков, В. Бармин, А. Урядников обследовали этот уникальный памятник и обратились в штаб операции «Ч» с предложением — ходатайствовать о том, чтобы взять его на учет и под охрану.

Бассейн Чусовой богат подобными памятниками истории Урала. Хорошо, если участники операции «Ч» будут выявлять их, описывать и сообщать в штаб операции.

Вертолет санитарной авиации возвращался в Анадырь. Он вез больного чукчу, прихватив по пути несколько пассажиров — той разношерстной, но в чем-то удивительно схожей передвигающейся публики, которая характерна для современного Севера. Больного надо было сдать в окружную больницу, остальных высадить у поселка старого рыбокомбината.

Не долетев до Анадыря несколько километров, вертолет завис над посадочной площадкой, затем, как птица, высматривающая добычу, повертелся и приземлился: сюда должна была прийти машина скорой помощи и забрать больного.

Машина задерживалась, а день был великолепен, один из тех ярких, прозрачных, пронизанных теплом и солнцем дней, какие случаются в этом краю земли на исходе короткого северного лета, и пассажиры высыпали из вертолета. На носилках вынесли больного, и он лежал, жмурясь от света, с блаженным выражением лица, наслаждаясь всей этой благодатью. Вышли и летчики и отдельной группой стояли и беседовали в стороне.

и сваленных в кучу в траве. Нет, догнать и поймать ее вот так, голыми руками, оказалось совершенно невыполнимым делом, и тогда они, распаленные и разозленные постигшей их неудачей, хотя их было четверо, а она одна, принялись швырять в нее камнями и палками, которых тоже валялось поблизости в изобилии. Оставшиеся у вертолета пассажиры, равно как и коллеги летчика, онемели. Зачем же избивать ее, калечить камнями?! Игра — а поначалу это показалось игрой — вдруг обратилась у всех на глазах в нечто недостойное, низменное и позорное, позорное для всех нас, присутствующих, независимо от того, участвовали мы в этом или нет, в неоправданное насилие сильного над слабым. Четыре человека убивали маленького, не сделавшего никакого вреда зверька. За что?!

К счастью, повторю еще раз, зверек вышел с честью из этого испытания. Он скрылся и больше уже не показывался.

Отряхнув соринки с брюк, летчик подошел к товарищам. Ах, если б он так же берег в себе

ТЫ — ХОЗЯИН...

ТЫ ГОТОВ ИМ БЫТЬ?

Борис РЯБИННИН

Вдруг один из них, тот, что был помоложе и повыше ростом, быстро завертел шеей, затем, прыгнув как-то по-козлячьи, взягивая длинными ногами в ботинках и синих форменных брюках, понесся вдоль края площадки. Ласка! Он увидел ласку! Юркий грациозный зверек, тоже, по-видимому, соблазненный теплом, вылез на пригорок, чтоб понежиться под лучами солнца, не такого уж щедрого в этих широтах, и — тут же подвергся нападению человека. Зверушку увидели другие. Первым за летчиком последовал парнишка лет пятнадцати, затем еще двое, одному, наверное, было уже двадцать, а другому и того больше. Крича, размахивая руками и спотыкаясь, они гнались за лаской. «Куда? Зачем?!» — крикнул я им, но они не слушали, а может, и не слышали, увлеченные погоней, все во власти внезапно вспыхнувшего древнего охотничьего чувства.

Конечно, ласка была не нужна им. Они удовлетворяли мимолетную страсть. Для них это было неожиданное развлечение, для зверька — негаданная беда.

К счастью, ласка была ловка и неуловима. И она быстро доказала свое превосходство в подобном роде соревнований. Подпустив людей на расстояние двух-трех метров, она тут же исчезла, будто растворилась в земле, а затем, пока они растерянно шарили глазами по сторонам, появилась по другую сторону пригорка и, словно поддразнивая, вылезла на камень, присела на задние лапки и победоносно огляделась вокруг. Преследователи кинулись туда, но ее уже опять и след простыл. Теперь ее пушистый хвостик мелькнул среди старых бетонных труб, оставшихся, видимо, еще от тех времен, когда сооружалась площадка,

человеческое, как заботился о чистоте одежды, и навсегда стряхнул с души то, что роняло его! Он все еще был под впечатлением неожиданной охоты и погони, тяжело переводил дух. Однако товарищи не выразили своего отношения к случившемуся, прерванная беседа возобновилась. И тут меня, что говорится, прорвало:

— Как вам не стыдно, — возмущенно заговорил я, обращая свой гнев против него. — Вы дикарь! Цивилизованный дикарь!

Он удивленно молчал. Товарищи с недоумением уставились на меня. Сперва, казалось, он не понял, о чем речь; затем щеки его медленно покраснели румянцем, он опустил глаза. Я рисковал нарваться на грубость, поскольку сам не очень подбирал выражения, но, к чести его, в ответ он не издал ни звука, не сделал попытки оправдаться. Сейчас, вспоминая, я думаю, что был излишне резок с ним. А может, так и надо было?

— Вы научились водить машину, сидеть за штурвалом, — продолжал я, — но забыли самое главное: что человек — разумный хозяин всему... Вы знаете, какой урон уже понесла природа, животный мир. Зачем вы хотели убить зверька?

— Я не собирался убивать, — наконец проронил он.

— А камни?

Он не ответил, продолжая смотреть себе под ноги. Думаю все же, что мои слова дошли до него, и фраза «я не собирался убивать» была искренним выражением его чувства раскаяния: улекся, а дальше вышло само собой.

Неожиданно голос подала девушка в розовой вязаной кофте, студентка-медичка, возвращавшаяся с практики, как это можно было понять по

репликам, которыми она обменивалась на вертолете с бортфельдшерницей. Стоя поодаль, она с любопытством прислушивалась к разговору и, едва я отошел от летчиков, сказала:

— Она же хищник.

— Кто? — не понял я в первый момент.

— Ласка.

— Ну и что? А разве вам неизвестно, милая девушка, что сейчас охраняются и хищники — орлы, белые медведи, тигры... Даже крокодил взят под защиту!

Нет, я, кажется, не убедил ее. И не смутил. Это ясно сказали мне взгляд ее глаз и то, как она пожала плечами. Мы говорили на разных языках...

* * *

Память переносит в Иркутск, где я встречался со студентами-выпускниками, завтрашними охотоведами. В Иркутском сельскохозяйственном институте — единственный в стране факультет, готовящий специалистов охотничьего хозяйства, и, как мне сообщали в ректорате, идут туда только по призванию, выдерживая большой конкурс, отличные, смысленные ребята, чувствующие боль земли и готовые грудью встать за природу.

Зал был полон. Говорили об охоте. Не секрет, что охота и охотники вызывают ныне большие и заслуженные нарекания, а отсюда и бесконечные дискуссии на тему: что делать? как быть?

Ребята и впрямь оказались славные, любознательные, одержимые, бескомпромиссные, немало ехидные в споре и острые, каким и должен быть человек в двадцать лет. Они очень внимательно выслушали критику нравов, укоренившихся с некоторых пор в охотничьей среде, и тут же бурно запротестовали, стали решительно возражать, когда я, по их мнению, в чем-то допустил переклещ.

Все сошлись на том, что моральный облик охотника — то главное и определяющее, от чего зависит все остальное.

В лесу человек с ружьем один на один с природой, остановить или, как говорится, одернуть, пристыдить его некому, и, если отсутствуют сдерживающие начала, горе зверю и птице. И тут не поможет никакое знание законов, ограничение норм отстрела, призывы к соблюдению порядка. Совесть и самодисциплина — вот что не даст совершиться злоупотреблению, вот единственная гарантия того, что природа не понесет урона.

— Да, да, — соглашались студенты. Все страстные охотники, они, тем не менее, понимали, что человек должен проявлять разумность и способствовать не истреблению, а приращению, умножению фауны. Собственно, этой цели они и хотели посвятить себя, избрав профессию охотоведа, обязанность которого — позаботиться, чтоб никогда не перевелось живое богатство наших уголков.

Я уже считал, что тема исчерпана, все ясно, и в качестве иллюстрации оставил на конец такой факт. Буквально накануне мне сообщил его один наш деятель охотничьего хозяйства. Он был гостем у друзей, охотников соседней социалистической страны. Они пригласили его поохотиться на глухаря. Охотничьи угодия и вообще территория наших западных соседей не то, что наши: просторы ограничены, на учете каждый клочок земли. И охота строго регламентирована. Там не пойдешь с ружьем куда вздумается. Куда поставили, там и стреляй, причем дается строго ограничен-

ное число выстрелов. Отстрелял положенное количество патронов, попал не попал, до свиданья. Больше нельзя.

Друзья поставили русского гостя в середину шеренги. С ружьями неизготовку они стояли и ждали, когда полетит птица. И вдруг нелегкая вынесла на них зайца. Выскочив из кустов, он, как оглашенный, понесся прямо на охотников. «И вот, представьте, — восхищенно рассказывал этот товарищ, — ни одно ружье не выстрелило, все стволы, как по команде, опустились вниз. Охота на птицу — значит, зайца нельзя. Шеренга расступилась, заяц промчался, и был таков...»

— Ну, это не охотники! — зашумели студенты. Вот те раз! Говорили, говорили, высказали много умных, трезвых соображений — и к чему пришли?! Значит, азарт превыше всего и не поддается регулированию? А где же чувство законности и порядка, наконец, человеческое достоинство? И кто же тогда охотники? Люди, не подвластные требованиям общества?.. Не такие ли славные ребята порой, попадая на природу и оказавшись в плену слепых страстей, бездумно калечат, разрушают ее?

Перед глазами всплыла Чукотка, девушка в розовой кофте. Там не хотели беречь тех, кого нельзя съесть, здесь не могли отказать себе в удовольствии не пальнуть в того, кого можно съесть! Что же получается: пощады — никому?!

Скидка себе — опасная вещь. Напомню случай, в свое время наделавший немало шума. О нем сообщалось в газете «Известия». Весной, в полную воду, красавец сохатый попал в поток. Лось был обречен и неизбежно утонул бы, если бы на выручку не поспешили добрые люди. С риском для собственной жизни, они извлекли его из водоворота, вытащили на берег. А потом пришли другие, с ружьями, и, не обращая внимания на протесты, убили спасенного.

Одни спасли, другие — убили.

Обнародование этого факта вызвало бурю возмущения, читатели негодовали и засыпали редакцию письмами, требуя наказания виновников смерти животного, предлагали устроить над ними показательный процесс, чтоб другим не повадно было.

Но, может быть, их следовало оправдать? Наверное, они тоже считали себя охотниками, которым «все дозволено».

«Не удержались, — скажут. — С кем не бывает...»

Надо управлять собой. Выдержке учатся. («Учитесь властвовать собой!» — писал Пушкин). Выдержка и достоинство покоятся на чувстве ответственности, понимании того, что ты — человек и с тебя спросится как с человека.

Неспособность противостоять соблазну, отсутствие самоконтроля и забвение простейших истин могут завести далеко.

На той же Чукотке мне довелось слышать об одном неисправимом стрелке по живым мишеням. Некогда он был начальником аэропорта в поселке Марково, потом вышел на пенсию и уехал в Киев. Самым большим удовольствием для себя он почитал охоту, и каждый год, в разгаре полярного лета, приезжал на Чукотку (друзья по прежней службе в гражданской авиации обеспечивали ему бесплатный проезд), брал палатку, рюкзак, запас патронов и уходил в тундру, где отводил душеньку в стрельбе по белым гусям.

Летом тундра — сущий рай. Сюда слетается множество всякой живности. Даже белый гусь,

который давно выбит в других местах и не является больше объектом охоты, здесь еще гнездуют большими колониями. За две недели 400, 500, 600 штук становились жертвами ненасытной страсти этого человека. Он убивал их просто так, ради удовольствия убить. Съесть все он, конечно, не мог. Что же побуждало его вести себя так? Азарт? Человек этот заслуживал презрения и, может быть, уголовного суда, но, к сожалению, он оставался безнаказанным. Тундра, кто пойдет докажет!.. Не такие ли вот готовят нам перспективу, о которой предупреждал один видный ученый: если человечество не отрешится от своих варварских наклонностей и не возьмется немедленно за ум, ему грозит остаться в недалеком будущем лишь в обществе крыс, мышей, воробьев и бактерий...

* * *

Поймать, убить, а иногда и позабавиться над слабым — это проявление древнего инстинкта, говорят иные. Допустим. Но на то ты и современный цивилизованный человек, чтоб подавлять, удерживать свои инстинкты, повелевать ими.

Сценка на вокзале. Парень и пожилой мужчина, оба, вроде бы, приличные люди, и вдруг... стали жечь змею. Их окружили. Первая подняла голос протеста уборщица. Правда, ею руководила не жалость к змее, а недовольство, что они сорят.

— Старый дурак, — накинулась она на пожилого, — еще нес из леса! Уж убил бы там, коли она тебе помешала!

Воробьиная стайка сидела на товарняке. Состав тронулся, воробьи взлетели и расселись на проводах. Парнишка лет восьми принялся швырять в них камнями, пока не согнал. Рядом сидели отец, мать, не обращая никакого внимания. После мальчонка спросил родителей про змею:

— А зачем ее жгли?

— А куда ее...

Куда ее!

Наверное, и про воробьев они сказали бы так же: куда их...

Однако не все таковы, и в этом есть великая надежда для нас. Какое удовольствие — нет, радость, счастье! — испытал я, оказавшись однажды в Амурской области. В каком контрасте находилось это со всем тем, о чем рассказано выше!

Дело тоже было весной. Только что прошел паводок на Амуре. Внезапно поступило тревожное известие: гибнут мальки!

На отлогом берегу Амура масса впадин, высохших стариц. Осенью и весной они заполняются водой, появляются озера, озера, в них заходят из Амура рыба и мечет икру, после выклеивается молодь и вместе с отступающей водой уходит в реку. Начался бурный спад воды, и кто-то распорядился засыпать узкие протоки. Молоди некуда было податься, она оказалась запертой и могла погибнуть.

Кликнули клич по школам, среди молодежи. И вот... Право, это напомидало времена гражданской войны, когда на комитетах комсомола вывешивали надписи: «Райком закрыт, все ушли на фронт». Все ушли на фронт — спасать рыбу! Мальков вычерпывали ведрами, бегом относили за перешеек и выливали в воду, именно выливали, впервые я видел, как рыба лилась серебряной сверкающей струей. Это была живая струя, состоявшая из тысяч и тысяч живых жизней. Ребята спасали жизнь! И это было прекрасно! Никто не замечал, что вода холодна и ведра тяжелы.

Нет, меньше всего они думали о том, что

рыбу можно съесть. Так надо! И этого было достаточно, чтоб ребята — парни, девушки, школьники — вложили себя целиком в спасение рыбьего стада, не пожалели ни сил, ни времени. Перемокли, продрогли, но какое значение имело это в сравнении с чувством удовлетворения от того, что сделано доброе дело!

Вспоминается эпизод, разыгравшийся на рассвете у шлюза Камской гидроэлектростанции. Надо представить удивление шлюзовиков, когда они неожиданно обнаружили в первой камере лоса. Видимо, в сумерках он переплыл с правого берега Камы на левый, преодолев водную гладь шириной около двух километров; потом, выбравшись на откос шлюза, попасал, пощипал свежей зеленой травки; и все, вероятно, было бы хорошо, не прояви незванный гость излишнего любопытства. Подойдя к краю камеры, лось заглянул вниз, потянул ноздрями воздух, и вдруг ноги поехали: откос был скользкий, копыта оставляли широкие борозды, но сдержать падения не смогли — сохатый свалился прямо в канал. Но люди не растерялись. Они открыли ворота камеры; зверь, сообразив, поплыл наперерез волне и свежему ветру, его сопровождал катер. У берега история чуть было не повторилась — лось никак не мог выбраться на крутизну, но люди еще раз пришли на помощь, почти на руках вынесли его. Благодарно глянув на них, он пошел к лесу...

Разве поступки этих людей — взрослых и школьников — не пример подлинного хозяйского отношения к природе?

* * *

Знаменитые Уктусские горы. Кто не слышал о них? Здесь, на Уктусах, было достигнуто много спортивных рекордов, прошло немало мировых лыжных соревнований. Когда-то лес здесь был гуще и считалось, что это уже за городом; теперь они в городской черте: бурно разросшийся, большой Свердловск вобрал их в себя. И до чего же здорово! До чего приятно горожанину, не забираясь в дальние дебри, а проехав несколько остановок на троллейбусе, очутиться в лесу, услышать шум деревьев, подышать ароматом смолистой хвои!..

В субботний день всей семьей спозаранку мы приехали на Уктусы. День был тусклый — близилась осень. Похолодало. Насобирав сухих веток, мы развели костер и стали печь картошку. Свежеиспеченная картошка, ароматная, с запахом дыма, — чудо!

И вдруг, как гром с ясного неба, требовательный голос:

— Товарищи, потушите костер!

Мы так увлеклись, что не заметили, когда они подошли к нам: взрослый и трое подросткомальчишек. Костерок наш был небольшой и укрыт от ветра, но сизый дымок выдал. Старший, видать, руководитель, командир отряда. Я поднял голову и...

— Слава!..

Чуть смущенный этой неожиданной встречей, а точнее строгим тоном, каким только что разговаривал с нами, он тоже приветствовал меня по имени. Слава! Так, как равные с равным, называли его запросто ребята, хотя он уже давно был писателем, пишущим для детей, и книги его знала юная читательская братия далеко за пределами его родного края. Но, помимо того, что писал книги, он еще постоянно возился с ребятами, ходил с ними в походы, охранял природу. И вот слу-

чай свел нас, когда они несли вахту по охране зеленого убранства Уктус, точнее — не случай, а наш костер. Все были одеты по-походному, не страшна никакая непогода, у всех переметные сумы с провизией: видно, отправились надолго.

С минуту Слава был в замешательстве: как-никак я был старше и годился ему в отцы. Кроме того, все меры предосторожности налицо: огонь разведен в ямке, обложен камнями, близко вода...

Ребята вопросительно смотрели на него.

— И все-таки,— наконец твердо сказал Слава,— я попрошу вас потушить костер... Пожалуй-ста...

Вероятно, он боялся обидеть меня. С другими, очевидно, обошлись бы строже. Потушить — и разговору конец! Эти ребята чувствовали себя хозяевами здешних гор, это читалось в выражении их лиц, подчеркнуто-серьезных, детски-озабоченных.

Жалко было тушить костер, честно говоря. Но и не потушить нельзя. Правы.

...Страшен лесной пожар.

С детских лет врезалось в память: с отцом-землемером мы жили лето в селе, окруженном со всех сторон лесами, и почти все лето не видели солнца: дым, дым. Горели леса. Лето стояло сухое, знойное, дым не рассеивался месяцами. Во рту был постоянный привкус какой-то горечи, хотелось пить. Дым проникал через закрытые окна. Крестьяне — мужики, бабы — целыми селениями мобилизовались на тушение пожара; но что сделаешь топором да лопаткой там, где разбушевался огненный Змей Горыныч...

А рядом другое воспоминание, уже ближе к сегодняшним дням. Как-то прилетел в Хабаровск. Город как в тумане. И Амур в тумане. Тумай днем и ночью: горит тайга. Перед тем наш ТУ-104 долго не мог подняться в воздух — не принимал хабаровский аэропорт. Председатель крайисполкома сообщил: почти полтора месяца стоит речной транспорт, пароходы не могут плыть — ничего не видно.

Горит тайга! Какие убытки — прямые, косвенные! А мне запомнилась рыдающая женщина на аэродроме. В руках у нее была смятая бумажка — телеграмма, женщина умоляла отправить ее, хоть на грузовом самолете, хоть как. В далеком таежном поселке тяжело больна дочь, надо к дочери. Вызвали телеграммой, а она, старая, вот уже который день околачивается здесь. Не везут, хоть убейся. Пароходом? Горит лес. На самолете? Горит лес...

Тогда же по улицам города прошла скорбная процессия — хоронили воздушных пожарных, лесной патруль. Они погибли, пытаюсь спасти лес.

Вот так. А кто запалил?

Общество охраны природы обнародовало цифры: 10 процентов лесных пожаров происходит от гроз и стихийных бедствий, в остальных повинны экспедиции, туристы...

Горит тайга. В далеких лесных поселках люди вытаскивают скарб и с плачущими ребятишками спешат укрыться где можно — огонь подступает к строениям. Удастся ли отстоять? А может быть, все началось от непотушенного костра...

Ох, туристы... Нет, мы не против туризма и туристов. Нельзя запретить людям любоваться красотами родины, передвигаться, путешествовать, закалять в походах мускулы и волю, набираться здоровья. Наоборот! Кто-то очень хорошо сказал, когда речь зашла о проблемах, мучающих современный туризм и отдаляющееся от природы чело-

вечество: не назад, к природе, а вперед — к природе!

В век возросших возможностей передвижения, конечно же, никто не будет сидеть дома. Но и путешествовать нужно с умом да оглядкой, чтоб по небрежению не наделать беды.

Что же, скажет иной, уж и костер развести нельзя? Как же в туристском походе без костра?

Нет, почему же. Можно. Только с соблюдением необходимых правил. Раскладывая так, чтоб огонь не мог вырваться из-под контроля. После, перед уходом, загаси, залей, не оставляй тлеющих головешек или угольков в золе. Костер не разводят в городской черте, вблизи строений. Воздержись от разведения огня в жаркое время, когда вокруг сухой горючий материал.

Все это в полной мере относится и к геологам, изыскателям, участникам различных экспедиций.

С каждым годом увеличивается число туристов, посещающих леса. Зеленая кладовая всегда открыта. И тут остро встает вопрос: как ты хозяйничаешь там? твое поведение?

Однажды сажались мы в электричку на станции Калиново, у Таватуя. Железнодорожник сообщил: за день было продано 978 билетов. Не считая тех, которые брали из Свердловска и обратно. Маленькая станция, узкий сектор — тысяча человек! Не потому ли жалуются местные жители: лысеют берега Таватуя...

Наше время называют эпохой туристского взрыва. Двадцать лет назад у нас путешествовал один миллион человек. В 1970 году ожидалось пятьдесят миллионов человек, фактическое количество составило шестьдесят миллионов. К 1980 году ждут, что эта цифра возрастет до 80—100 миллионов, к 2000-му — до 200 миллионов. Как природе выдержать такое нашествие!

В Туве знакомые товарищи жаловались: в Тодже, других отдаленных районах тоже замечаются повреждения и поджоги леса, захламление. Кто виноват? Туристы. Они добрались и туда, хоть нет там ни проезжих дорог, ни электричек...

Охрана природы от туристов и для туристов сейчас признается многими проблемой номер один и привлекает всеобщее внимание. В обществе охраны природы бьют тревогу: зоны отдыха Москвы под угрозой. Туристы — пользователи леса. Вредители? Увы, подчас — да. Но так их рассматривать нельзя. Все сложнее.

В Литве (а там очень пекутся о природе) говорили: «Миллионы ног пройдут по лесу, просто пройдут... что останется?» А с ростом населения потенциальных топтателей земли будет больше.

Сколько же бережлив и осмотрителен должен быть турист на земле!

Ребята в лесу. Два топорика на двоих. Идут и помахивают: кто срубит лихо елку? Срубили десятки деревьев.

На озере Песчаном. Два парня и девушка. Приехали, поставили палатку. Если не поленишься, можно насобирать много сухарника, нет, срубили зеленую березу, жгут на костре. С других надрали бересты...

Ох, туристы! Они часто не думают, что творят. С чувством виновности вспоминаю, как сам рубил ветки и кусты в поездке по Чусовой. Я совсем не думал, какой вред наносу этим Чусовой. Даже, наоборот, гордился своим умением быстро поставить палатку для всей нашей компании, совершавшей в 1935 году лодочное путешес-

вие по Чусовой под флагом «Уральского следопыта».

Теперь мне стыдно, когда я думаю об этом, а тогда считал нормальным. Правда: сколько было в ту пору туристов на Чусовой, с нынешним не идет ни в какое сравнение! Но тем важнее напомнить про свой печальный опыт. Тогда природа успевала залечить свои раны, наносимые неосторожной неразумной рукой; ныне уже не успевает.

Дикий туризм — бедствие природы.

Турист любит рассуждать так: э-э, дерево, подумаешь! Ну, срубил, ну, сломал. Много их, вырастут еще. Останется и нам, и другим. А вдруг не останется? Ни нам, ни другим?

Говорят: много леса, хватит на всех.. А много ли? Ты считал? А если не хватит? Людей становится больше, а природа все та же.

А что такое дерево? Ученые высчитали: одно дерево дает столько кислорода, сколько надо для жизни одного человека. Сгубил дерево — одному человеку нечем будет дышать. «Убил человека».

Вон Америка — она уже дышит за чужой счет. Ее города портят столько воздуха, а предприниматели-бизнесмены, любители набивать толстый карман, извели столько леса, что собственного кислорода не хватает — США живут за счет соседней Канады и океана...

Путешествовать будет некуда, если земля превратится в безрадостную бесплодную пустошь. Будь же строг к себе, друг, строг и требователен. Природа — тот же дом. Дома, небось, ты не позволяешь себе безобразничать: прежде чем войти, оботрешь ноги у порога или, еще лучше, разуешься и наденешь тапочки; и уж, конечно, не будешь ничего ломать, крушить; а попробуешь распоясаться — мать пристыдит. И в музее ты соблюдаешь правила приличия. Природа — тоже музей, да еще живой, неповторимый. Насладился — побереги для других. Щади каждую зеленую ветку. Мусор, оставшийся после себя, собери и закопай. Никаких ржавых консервных банок, битого стекла, зарубок и надписей на деревьях, ободранных на растопку берез. Вред природе можно причинить и не по злему умыслу. Умей предвидеть, рассчитывай свои действия. Не будь диким.

* * *

У меня есть друг, зовут его Леша. Он, правда, охотник (откровенно, не люблю охотников), но, во-первых, удостоверился, что он действительно глубоко и искренне предан природе, а во-вторых, недавно Леша заявил, что кончает со своим увлечением и отныне ходит в лес без ружья. В лес он наведывается летом и зимой, иногда подолгу живет в заброшенной в чаще избушке и слушает лесные шорохи и птичьи голоса, а после восторженно рассказывает всем, что дала ему очередная робинзонада. Но последнее посещение леса не доставило ему радости. Когда мы встретились, Леша был мрачен и неразговорчив. Я поинтересовался, что случилось. Леша стал неохотно рассказывать.

— Понимаете, — возмущался Леша, — я даже места не узнал. После Нового года пошел туда на лыжах, вижу, по тропинке шли. Ну, шли и шли, ладно, не один я туда хожу. Подошел ближе... Что такое? Кто так нахозяйничал? Молодые елочки вокруг изломаны, будто медведь топтался... Да медведь такое не сделает! Стекла в окошках выбиты, везде бутылки, мусор. На стенах, столешни-

це, косяках похабные надписи, изрезан стол, дверь сорвана с петель и валяется на дорожке. Спички были — нет. Белочка жила, совсем ручная... Придешь, она сразу же увидит и спустится... я ее сколько раз кормил! — убили и бросили. Сороку убили... Какие-то бандиты, а не люди! Я потом выяснял в деревне — говорят: видели тридцать первого числа компанию, шли встречать Новый год, парни и девчата, городские. Несли полный рюкзак вина. Они тут ночевали. Они все и сделали... Ну, повеселились, провели ночьку, шут с ними! Но зачем все портить, убивать?!

Очень, очень жаль, что нам так и не удалось дознаться, кто были эти молодые люди, отметившие таким недостойным образом наступление Нового года, откуда, кто они, где работают или учатся. Хотелось устроить общественный разбор их поступка. Сказать по секрету, я даже обращался в управление милиции, просил работников уголовного розыска произвести расследование, но это ничего не дало. Деревья молчат, подписей и адресов своих виновные не оставили, свежий снежок присыпал следы — никого найти не удалось.

Ни я, ни Леша, мы не видели их. Но они поныне стоят у нас у каждого в глазах, эти темные дикие люди, цивилизованные разбойники, вероятно, читавшие в детстве про Красную Шапочку, брата Кролика, но так и оставшиеся в глубине души мелочными, эгоистичными, злыми и распущенными людьми.

Они стремились на природу, подальше от шума городского, вероятно (а может, и нет), говорили о красоте и эстетике, парни нашептывали нежные слова девушкам, но что они сделали с природой? Не говоря уже о том, что сделали с избушкой, которую построили чьи-то добрые заботливые руки. Не пожалели ни чужого труда, ни беличьей и сорочьей жизни, ни леса. Полное безразличие к тому, что кто-то придет сюда после них...

Издавна на Севере, в тайге, поддерживался и поддерживается поныне обычай: оставить в лесной избушке спички, запас соли, щепоть чая. Они растоптали и этот человеколюбивый обычай.

Недавно я снова встретил Лешу. Он явно куда-то собрался, основательно и всерьез: из туго набитого тяжелого рюкзака выглядывал конец топорика, под мышкой — замотанная в холстину пила. Его сопровождали двое снаряженных друзей. Они тащили связку досок. Все спешили на вокзал.

— Вы знаете, — сообщил Леша, — едем в Курганово, чинить...

Милый Леша! Я с любовью смотрел им вслед. Собственно, собирались они сделать не такое уж огромное дело — подновить избушку на лесном кордоне, только и всего. Но ведь они делали это не столько для себя, сколько для других, вот что было дорого. Они заботились о людях, которых даже не знали и наверняка никогда не увидят. А не в том ли заключается долг каждого из нас?

Одни приходят на землю, чтоб беречь, приумножать, творить полезное, нужное, необходимое, другие, — чтоб разорять. Почему так получается? И доколе должно быть так?

Тут приходит много мыслей.

Мы — люди нового века, мы можем сделать многое. Мы проводим воскресники и субботники в городах. А разве дикая природа меньше нуждается в уходе? Частенько люди выезжают на лоно природы отдохнуть. А почему бы иной раз, устра-

ивая такой выезд, прежде чем повеселиться, не очистить дно и берега озера от разного хлама? Лучший отдых на воздухе вовсе не в лежании и распитии напитков.

Правильно поступили комсомольские организации Красноярска, в пору цветения черемухи, сирени, сибирских жарков создав «зеленые патрули» из школьников, которые одергивали слишком усердных собирателей букетов. Взрослому больше укору, когда ему делает внушение гражданин в пионерском галстуке; и ребятам полезно научиться любить и защищать природу действительно, не на словах.

Тут, как говорится, все средства хороши. Это показала, в частности, «операция «Ч», в которую оказались втянутыми взрослые и молодежь, — операция по очистке и возрождению уральской красавицы Чусовой. Имей жалость и к дереву, и к земле, к реке и озеру. Это тоже хозяйское чувство. В том проявляется человек. Если не побережем природу, взыщется со всех, с тебя — тоже.

...На память приходят годы первой пятилетки, проезд в Свердловск Михаила Ивановича Калинина.

Михаил Иванович приехал на Уралмашинстрой — будущий Уралмаш. Проходя по строительной площадке, он заметил оброненный гвоздь. Всесоюзный староста поднял его, положил на видное место и сказал:

— Учитесь бережливости, товарищи.

Казалось бы: гвоздь и Уралмаш, Магнитка, Кузнецкстрой — несоизмеримые величины, и что случится, если будет выброшен один гвоздь, даже сто, двести, пятьсот гвоздей?

Случится. Случится то, что человек перестанет быть хозяином, созидателем и превратится в транжира, мота.

У хорошего хозяина и гвоздь не валяется.

Гвоздь и ветка — вещи одного порядка. Расточающему богатства не бывать хозяином. Хозяин, в нашем понимании, человек высоких гражданских качеств. Расточительство было причиной упадка целых стран и народов. И права комсомолка Таня Качевская, написавшая в редакцию молодежной газеты «На смену!»:

«Неужели люди, ставшие врагами природы, росли, учились и живут в нашем обществе? Почему у нас есть и продолжают повторяться такие явления, как сломанные деревья, вырванные доски заборов, вытопанные клумбы и, что хуже всего, убийство животных, издевательство над живыми существами? Дать отпор этому — задача всех людей, живущих по совести и чести».

В кинофильме «Отец солдата» отец, потерявший на войне сына, спасает лозу, и это спасает его самого. Природа никогда не остается в долгу, за труды и заботу воздаст сторицей.

Замечательные слова содержатся в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду: «Не только мы, но и последующие поколения, — говорил Генеральный секретарь Л. И. Брежнев, — должны иметь возможность пользоваться всеми благами, которые дает прекрасная природа нашей Родины».

Человек, ты — самый большой и самый сильный на земле. Ты — хозяин. Так будь им!

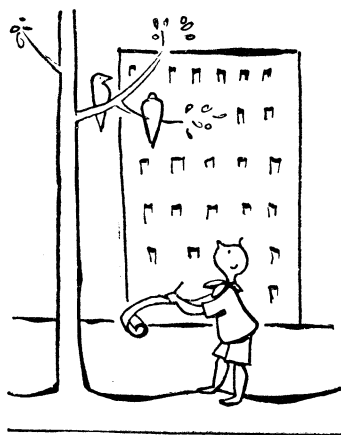
С Л Е Д О П Ы Т С К И Е Д Е Л А

Птицы-горожане

Сведений о птицах Свердловска в нашей краеведческой литературе почти нет. В последние годы работы по озеленению и благоустройству города приняли широкий размах, поэтому, чтобы привлечь птиц в наши сады, парки и скверы, важно по крайней мере знать, какие виды пернатых обитают в Свердловске, каков характер их пребывания.

Выяснением этого и занимаются юные орнитологи Свердловского Дворца пионеров. Много лет ведут они систематические наблюдения. Ребята установили, что в пределах города ежегодно встречается более 200 различных видов птиц, 96 из них охотно тут гнездятся.

Постоянную «городскую» прописку имеют говорливые славки, яркие чечевички, доверчивые горихвостки, изящные трясогузки, беспокойные камен-

ки, скромные мухоловки... Надолго останавливаются при перелете любопытные кедровки, жители тундр — рогатые жаворонки, белоснежные чайки, длинноносые кулики и даже дикие утки.

Более 50 видов пернатых охотается в городе на зиму. Охот-

но посещают в это время парк Дворца пионеров, дендрологический сад и Зеленую рощу шустрые поползни, шумливые синицы и даже изящные лазоревки в своем снежно-белом оперении. Наведываются степенные дятлы, которых в другое время года в Свердловске не встретишь, — белоснежный и седоголовый. Наносят визиты и совы. Случается, что мохноногие сычи через форточку залетают прямо в квартиру, а в подъездах многоэтажных домов находят приют длиннохвостые и бородачатые неясги.

Ребята пришли к выводу, что застройка новых районов послужила причиной быстрого увеличения численности очень полезных птиц — городских ласточек, стрижей и галок. Соседство человека ничуть не смущает их. Белые трясогузки охотно гнездятся под крышами невысоких строений, в трещинах каменных зданий, под железнодорожными мостами, по которым с грохотом пронесят-

ся поезда, и даже под капотами автомашин. В отличие от своих лесных собратьев, птицы-горожане зачастую и гнезда строят из необычных материалов: алюминиевой и медной проволоки, конфетных оберток, трамвайных и автобусных билетов, стекловаты.

Пернатые очень чутко реагируют на доброе отношение к ним со стороны человека.

Р. МАЛЫШЕВ

По заданию ученых

Следопыты Усть-Карской школы-интерната Сре-тенского района Читинской области получили задание Иркутского филиала Всесоюзного института охотоведения и звероводства. Они совершают походы и экспедиции и ведут наблюдения за жизнью живот-

ного мира, численностью животных и птиц, кормовой базой, глубиной снежного покрова; составляют карты животного мира области. Эта работа требует всесторонней туристской подготовки, и поэтому ребята учатся читать следы, ориентироваться на местности, фотографировать, изучают повадки зверей и птиц.

Во многих школах Читинской области следопыты создали лесничества. Юные лесоводы Ново-Павловской средней школы Забайкальского района изучают климат, почву и растительность своего края, ухаживают за деревьями, собирают лекарственные травы, берегут лес от пожаров, а порой и

от горе-туристов. На средства, заработанные ребятами, будет построен лесопитомник. Сажены, выращенные их добрыми руками, будут отправляться в засушливые районы области, чтобы через несколько лет в этих местах зашумели тенистые леса.

И. СОКОЛОВА

Музей природы

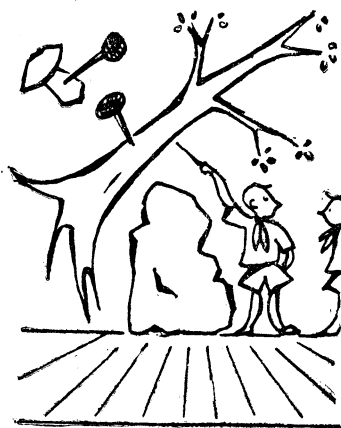
В городе Сысерти Свердловской области в школе № 23 открыт музей природы. В витринах его представлены разновидности железных и медных руд, руд редких металлов, полевых шпатов, кварца и самоцветов. Большинство образцов следопыты собрали в походах по родному краю.

В музее хранится уникальная глыба халцедона, покрытая панцирем из мелких кристаллов хрусталя.

Геологический музей Академии наук СССР подарил следопытскому музею коллекцию редких минералов с Кольского полуострова.

Хорошо представлен в экспозиции пернатый мир района. Вместе с инженером Сысертского лесхоза Светашевым ребята создали интересную коллекцию птичьих гнезд. Они собрали образцы деревьев, растущих в сысертских лесах, коллекцию грибов-сапрофитов. Остатки привлекает внимание посетителей срез лиственницы 348-летнего возраста.

В 1902 году в Сысерти был основан заповедник, где запре-

щалась всякая охота. Документ об этом хранится в одной из витрин музея. Здесь же письмо жены академика А. Ч. Ферсмана. В нем рассказывается о посещении Александром Евгеньевичем Сысерти в 1912 году.

В день открытия музея природы, 13 февраля 1971 года, в адрес следопытов школы № 23 пришла поздравительная телеграмма от Министерства культуры СССР.

В. КОЛЕГОВ

Охраняют леса

Следопыты села Вылково, Тюменцевского района, Барнаульской области работают в лесопитомнике. Площадь его 238 гектаров. Главным лесничим они выбрали Толю Бута. Ребята создали

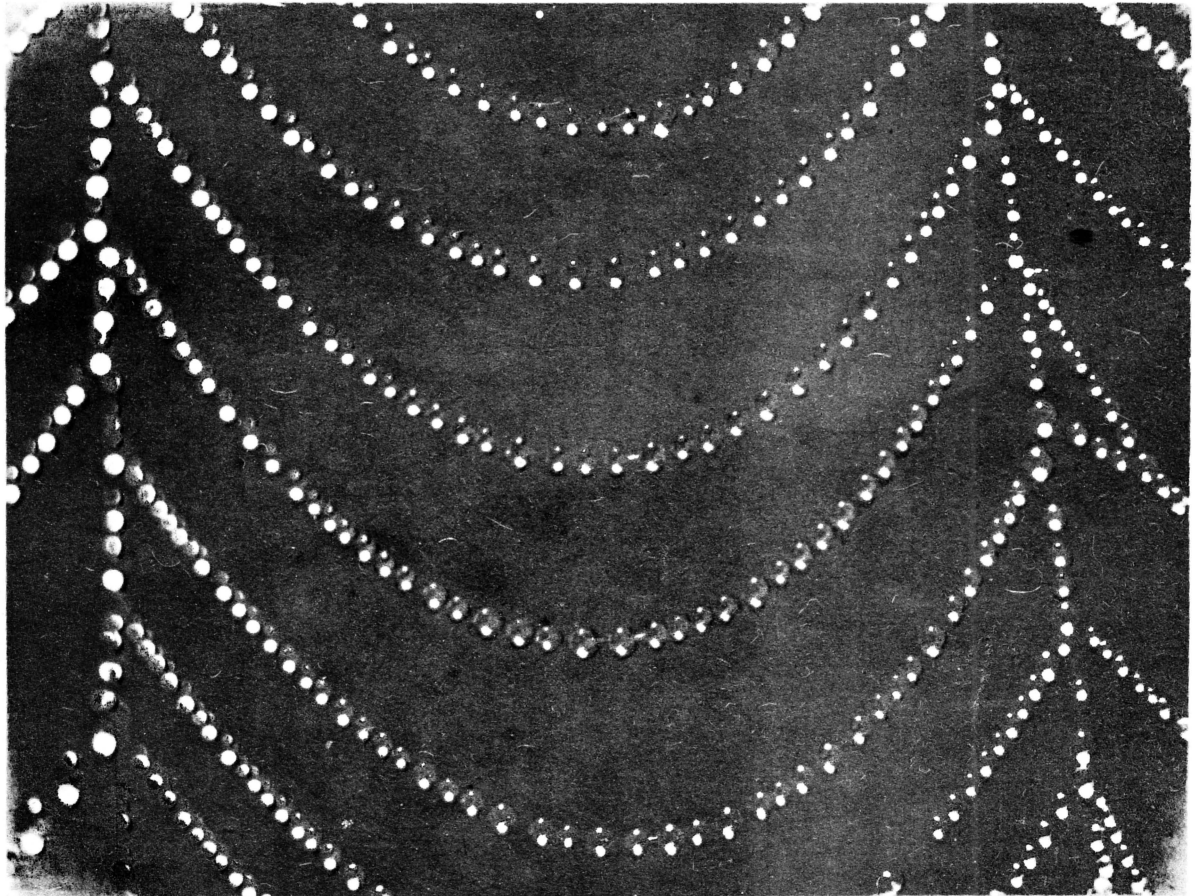

отряды, каждый по 5—6 человек, и после занятий выходят в лес, выслеживают браконьеров, оберегают диких животных.

Создали следопыты и питомник для выращивания молодых деревьев.

Борьбу с овражной эрозией ведут школьники из села Бельмесова, что под Барнаулом. Чтобы спасти от нее пахотные земли, ребята обсаживают балки деревьями и кустарниками, ведут наблюдения за накоплением снега и влаги. Все данные они передают местным хлеборобам.

А. СЕРГЕЕВ

С. КИПРИН

СКОРОСТНАЯ ПРОХОДКА

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора],
М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА
ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный
секретарь], В. ШУСТОВ